Соколов

С-пб

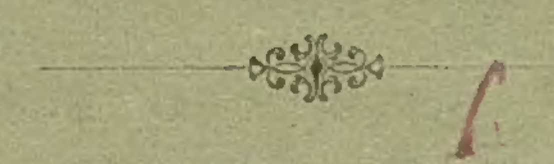
почта
при Петре Великом

Н. И. Соколовъ.

С.-Петербургская почта

при

Петрѣ Великомъ.

Изслѣдованіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1903.

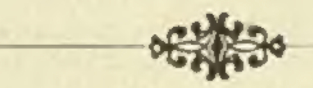

Н. И. Соколовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЧТА

при

Петрѣ Великомъ.

Изслѣдованіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1903.

Отдѣльный оттискъ изъ Почтово-Телеграфнаго Журнала за Январь, Февраль, Мартъ и Апрѣль—1903 года.

ВВЕДЕНІЕ.

«16 Мая 1703 года на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ, рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ *Питербурхъ*, столица Россійской Имперіи» [1]). Первую мысль о постройкѣ новаго города на берегахъ Невы подалъ царю Петру великій адмиралъ и великій канцлеръ Головинъ. Онъ имѣлъ въ виду создать здѣсь стратегическій пунктъ для перерыва сообщеній между шведскими провинціями—Финляндіею и Ливоніею: сюда, по его мнѣнію, можно было съ бо́льшимъ удобствомъ и съ меньшею опасностію свозить извнутри страны военные запасы и отсюда-же направить потомъ военныя дѣйствія противъ шведовъ какъ въ ту, такъ и въ другую сторону.

Такъ какъ первоначальное предназначеніе Петербурга было исключительно стратегическимъ, то и самая постройка его сначала отличалась большою легкостію: крѣпость и адмиралтейство были защищены плохою земляною насыпью, всѣ общественные и частные дома были сколочены

---

[1]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XIV, стр. 341.

Островокъ, на которомъ былъ заложенъ Петербургъ, назывался по фински Янни-саари—Заячій островъ. На этомъ островкѣ, переименованномъ въ Люстъ-Эландъ—Веселый островъ, была построена Петропавловская крѣпость.—Исторія царствованія Петра Великаго *Устрялова*, т. IV, ч, 1, стр. 240—241.

Общепринятое въ русской исторической литературѣ мнѣніе о томъ, что Петербургъ былъ основанъ 16 Мая 1703 г., подверглось въ недавнее сравнительно время критикѣ со стороны археолога Петрова, автора книги «Исторія Санк-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городскаго управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ 1703—1782» (СПБ. 1884 г.). Ссылаясь, между прочимъ, на то, что первая бумага—«изъ Санктъ-Петербурга», до сихъ поръ извѣстная, была помѣчена *1 Іюлемъ* 1703 г. и что 16 Мая Петръ I находился на Сяси, Петровъ полагаетъ, что закладка храма апостола Петра въ день тезоименитства Государя 29 Іюня 1703 г. «*и есть* въ то же время *основаніе Петропавловской крѣпости—Санктъ-Петеръ-бурха* по голландски, какъ любилъ выражаться Петръ I»: «съ 29 Іюня 1703 года, слѣдовательно», говоритъ онъ, «должны мы считать существованіе будущей столицы всей Россіи, а не съ 16 Мая, какъ, совершенно безъ основанія, увѣряютъ всѣ книги о Петербургѣ» (стр. 38).

*

изъ теса или, вѣрнѣе, срублены изъ тонкихъ бревенъ, улицы ни разу не мостились, несмотря на болотистую почву. Вообще, по словамъ Фоккеродта (изъ рукописи котораго заимствованы настоящія свѣдѣнія) [1], все было выстроено такъ, что, если бы когда нибудь понадобилось оставить это мѣсто, то такая потеря не принесла-бы большаго огорченія.

Лишь послѣ Полтавской побѣды и завоеванія Ливоніи, Петромъ Великимъ было окончательно рѣшено сдѣлать Петербургъ столицей Россіи и перенести сюда изъ Москвы всѣ центральныя правительственныя учрежденія. Съ этихъ именно поръ Петербургъ сталъ быстро заселяться, обстраиваться каменными зданіями и постепенно пріобрѣтать то значеніе, которое онъ получилъ впослѣдствіи въ русской государственной жизни.

Намѣченные два періода исторіи города Петербурга при Петрѣ Великомъ совпадаютъ и съ двумя періодами развитія Петербургской почты при томъ-же Государѣ.

Въ теченіе перваго періода, продолжавшагося съ 1703 до 1714 г., почтовыя сношенія Петербурга съ Москвою и другими городами не были приведены еще въ опредѣленную систему и отличались какъ-бы случайнымъ характеромъ. Въ Петербургѣ тогда не существовало еще особаго почтоваго учрежденія; даже самое слово «почта» понималось иначе, чѣмъ теперь: такъ, напр., послать «по почтѣ», «на почтѣ» или «черезъ почту» на языкѣ документовъ того времени значило послать не корреспонденцію, а какое-либо лицо (курьера, нарочнаго) съ письмомъ или вещами на почтовыхъ лошадяхъ [2]; «почтовымъ письмомъ» называлось письмо, получавшееся съ нарочнымъ на почтовыхъ лошадяхъ [3]), и т. п.

Начало устройству правильныхъ почтовыхъ сношеній Петербурга съ внутренними городами и съ иностранными государствами было положено

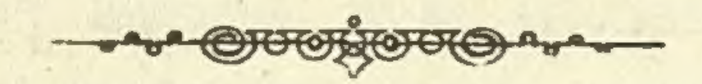
---

[1]) Россія при Петрѣ Великомъ.—Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1874 г., книга 2, стр. 93—94.

[2]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціею Калачова и Дубровина, томы I—V. Примѣромъ можетъ служить докладъ къ Сенатскому приговору 6 Февраля 1712 г., въ которомъ упоминается о повелѣніи Государя «яицкой зернистой икры, бѣлужьихъ гортаней съ языки и пупковъ осетрьихъ прислать изъ Москвы въ С.-Петербургъ *на скорой почтѣ*, чтобъ приспѣла въ недѣлю» (т. II, ч. 1, стр. 78). Въ этомъ-же смыслѣ въ походномъ «юрналѣ» Петра Великаго за Іюнь 1710 г. говорится о «нечаянномъ прибытіи» Государя изъ Петербурга въ Выборгъ 11 числа «сухимъ путемъ *на почтѣ* съ малыми людьми» (СПБ., 1854 г., стр. 13).

[3]) Походные «юрналы» Петра Великаго за Іюль и Августъ 1704 г. (*Устряловъ*, назв. соч., т. IV, ч. 2, стр. 515—516). Такъ, напр., «почтовыя письма» посылались Государю о побѣдахъ надъ шведами.

лишь во второмъ періодѣ, продолжавшемся съ 1714 г. до конца царствованія Петра Великаго. Въ это именно время между Петербургомъ, съ одной стороны, и между Москвою, Ревелемъ, Ригою, Выборгомъ и Кронштадтомъ, съ другой, былъ учрежденъ правильный ходъ почтъ и организованъ періодическій обмѣнъ почтовой корреспонденціи; въ новой столицѣ были открыты «почтовый дворъ» и почтовая контора, получившая впослѣдствіи названіе С.-Петербургскаго Почтамта, при чемъ завѣдываніе почтовою частію было возложено на особое должностное лицо—почтмейстера съ подчиненными ему почтовыми чиновниками и служителями; наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго въ С.-Петербургѣ сосредоточилось центральное управленіе всѣми ямами и почтами государства.

Первый періодъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія почтовыя сношенія въ Россіи производились двумя способами: посредствомъ ямской гоньбы и посредствомъ, такъ наз., нѣмецкой или заморской почты [1]).

Ямская гоньба, возникновеніе которой относится еще къ княжескому періоду русской исторіи, отправлялась особымъ классомъ населенія—ямщиками. Ямщики поселялись по различнымъ дорогамъ слободами. Слободы эти, называвшіяся ямскими, были различныхъ размѣровъ (смотря по разгону лошадей) и находились между собою въ разстояніи отъ 30 до 100 и болѣе верстъ. Для удобства раскладки подводъ ямщики дѣлились на «выти». Въ каждой выти числилось по нѣсколько семей или дворовъ: такъ, напр., въ 1703 г. на новгородскихъ ямахъ—по 4 семьи [2]), въ 1705 г. на Клинскомъ ямѣ—по 7 дворовъ [3]), въ 1706 г. на Бронницкомъ и нѣкоторыхъ другихъ ямахъ по 6 семей и т. п. [4]). По общему правилу, ямщикъ долженъ былъ содержать 3 гонебныхъ лошадей, иногда 2, 4, 5 (въ началѣ XVIII столѣтія на нѣкоторыхъ ямахъ Московско-Новгородской дороги ямщики содержали по 5 лошадей на выти) и, кромѣ того, имѣть телѣгу, сани, сѣдла, сбрую, а, если ямъ находился на рѣкѣ, то и судовой снарядъ. За свою службу ямщики получали жалованье, ежегодный окладъ котораго составлялъ обыкновенно отъ 20 до 25 руб. на выть, и прогоны въ размѣрѣ 3 денегъ на 10 верстъ на каждую подводу. Платежъ прогоновъ ямщикамъ не былъ, однако, общимъ и повсемѣстнымъ явленіемъ въ Московскомъ государствѣ: прогоны часто

---

[1]) *Лешковъ.* Историческій очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ или почтахъ. Москвитянинъ, 1852 г., т. I, стр. 23.

[2]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Февр. 1703 г., по каталогу дѣлъ о почтахъ, составленному Левинскимъ и Токмаковымъ, № 99.

[3]) П. С. З. № 2037. Въ 1703 г. на томъ-же ямѣ выть состояла изъ 4 семей—П. С. З. № 1926.

[4]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 13 Декабря 1703 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 113.

давались не на все разстояніе по подорожной и не на все количество требовавшихся подводъ, по возможности-же и вовсе не назначались. Кромѣ жалованья и прогоновъ, ямщики получали отъ правительства «бѣлую» (т. е., свободную отъ налоговъ) землю и освобождались отъ различныхъ податей и повинностей [1]). Центральное управленіе большинствомъ ямовъ сосредоточивалось въ Ямскомъ Приказѣ, а мѣстное—въ рукахъ особыхъ должностныхъ лицъ—ямскихъ приказчиковъ и ямскихъ старостъ. Ямской приказчикъ назначался изъ боярскихъ дѣтей и, находясь въ непосредственномъ вѣдѣніи Ямскаго Приказа, вѣдалъ во всемъ и судилъ ямщиковъ. Онъ же прописывалъ подорожныя. По словамъ Гурлянда, самостоятельность ямскаго приказчика по дѣламъ управленія слободой ограничивалась предѣлами, признававшимися со стороны воеводъ, а особая юрисдикція сводилась къ полученію имъ судебныхъ пошлинъ. Хотя должность ямскихъ приказчиковъ была уничтожена указомъ 1679 г., которымъ повелѣно было ямщиковъ вѣдать во всемъ воеводамъ, тѣмъ не менѣе должность эта существовала на нѣкоторыхъ ямахъ и въ началѣ XVIII столѣтія. Ямской же староста, непосредственно вѣдая гоньбу, велъ всю хозяйственную и отчасти полицейскую часть въ слободѣ [2]). Подорожныя на ямскія подводы въ 1700 г. выдавались въ Москвѣ изъ Ямскаго Приказа и Ратуши, а въ другихъ городахъ— отъ бурмистровъ, и только въ случаѣ необходимости дозволялось выдавать ихъ боярамъ и воеводамъ [3]).

Ямы не были, однако, почтовыми учрежденіями въ современномъ значеніи этого слова. Они представляли собою лишь извѣстный способъ передвиженія гонцовъ, лишенный правильности и постоянства, и служили главнымъ образомъ правительственнымъ цѣлямъ.

---

[1]) Описаніе постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи и существовавшихъ до сего времени способовъ содержанія станцій. Изд. Почт. Д-та 1860 г.

[2]) *Гурляндъ*. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка, стр. 265—267.

[3]) П. С. З. №№ 1814, 1819 и др. Одна изъ сохранившихся подорожныхъ 1700 г. напечатана въ 5 книгѣ Временника Имп. Московск. Общ. исторіи и древностей россійскихъ за 1850 г. (стр. 27—28). Текстъ ея слѣдующій: «По указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя Россіи самодержца отъ Мурома до Арзамазу и до Саранска и назадъ до Мурома по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ всѣмъ людемъ без обмѣны, чей кто ни будь, чтоб есте давали подъячему Аѳанасью Дубцову три подводы съ сѣдлы и съ проводники, вездѣ не издержавъ ни часу, а за тѣ подводы имали-бъ у него прогоны. По указу Великаго Государя посланъ онъ въ Арзамасъ и въ Саранскъ з грамотами Великаго Государя. Къ сей подорожной стольникъ Иванъ Григорьевичъ Волковъ печать свою приложилъ. Лѣта отъ Рождества Христова 1700 году Апрѣля—въ день» (писана на гербовомъ столбцѣ).

Устройство въ Россіи почты въ собственномъ смыслѣ относится ко второй половинѣ XVII столѣтія, когда подъ вліяніемъ заключеннаго съ Польшею мирнаго договора русское правительство стало поручать иностранцамъ, жившимъ въ Россіи (Леонтію и Петру Марселисамъ и затѣмъ Андрею и Матвѣю Виніусамъ) «держать почту» отъ Москвы до Риги черезъ Новгородъ и Псковъ и отъ Москвы до Вильны черезъ Смоленскъ. Марселисы и Виніусы перевозили казенную и частную корреспонденцію на ямскихъ лошадяхъ, съ выборными ямщиками [1]). Такъ какъ первыя русскія почты были учреждены для внѣшнихъ сношеній, то и управленіе ими сосредоточилось въ Посольскомъ Приказѣ. Съ 1693 г. къ нимъ присоединилась еще третья почта, ходившая изъ Москвы до Архангельска.

Въ началѣ XVIII столѣтія (17 Марта 1701 г.) двѣ существовавшія въ то время почты — Виленская и Архангельская [2]) перешли въ вѣдѣніе переводчика Посольскаго Приказа, впослѣдствіи Вице-Канцлера барона Петра Павловича Шафирова.

Всѣми названными лицами почты содержались на *коммерческомъ* основаніи. Почтсодержатель (почтмейстеръ) получалъ отъ правительства «наказъ», въ которомъ излагались его обязанности по пересылкѣ правительственной и частной корреспонденціи, опредѣлялись дни отправленія и полученія почтъ, назначались таксы за письма и вообще намѣчались въ основныхъ чертахъ правила почтовой пересылки, платежа прогоновъ за возку почтъ и веденія отчетности по почтовой операціи [3]). Руководствуясь такимъ наказомъ — концессіею, почтсодержатель собиралъ деньги за письма, расплачивался ими съ ямщиками и иностранными почтмейстерами, а остатки почтовыхъ доходовъ обращалъ въ свою пользу — «на свое домашнее иждивеніе» [4]). Необходимо замѣтить, однако, что съ начала XVIII столѣтія у Петра Великаго устанавливается уже взглядъ на почту, какъ на учрежденіе исключительно государственное: «а взята почта отъ васъ» (и передана Шафирову), писалъ онъ Андрею Виніусу 16 Апрѣля

[1]) Содержавшій до Леонтія Марселиса иностранную почту голландецъ фанъ Сведенъ привозилъ изъ-за границы вѣдомости (т. наз., «куранты») на своихъ лошадяхъ и со своими людьми. Почта эта вѣдалась въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ.

[2]) Вся заграничная корреспонденція, какъ видно изъ указа Петра I стольнику Виніусу отъ 29 Января 1700 г., направлялась тогда черезъ Польшу вслѣдствіе злоупотребленій Рижскаго Почтмейстера Грепа, распечатывавшаго и задерживавшаго русскія письма.

[3]) Наказъ Шафирову — въ дѣлѣ 1722 г., хранящемся въ Музеѣ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ (№ 45).

[4]) *Хрущовъ.* Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II, стр. 31—32.

1701 г.: «не за что иное, что только что оная у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ» [1]).

Какъ-бы переходную ступень отъ прежней ямской гоньбы къ почтѣ въ современномъ значеніи этого слова представлялъ собою учрежденный въ послѣдніе годы XVII столѣтія обмѣнъ корреспонденціи между Москвою, съ одной стороны, и между Воронежомъ, Азовомъ и Сибирскими городами, съ другой. Первыя двѣ изъ этихъ почтъ, насколько можно судить по сохранившимся о нихъ дѣламъ Архива Морскаго Министерства [2]), служили исключительно военнымъ и административнымъ цѣлямъ, третья-же— административнымъ и коммерческимъ [3]).

Въ такомъ положеніи находилась почтовая часть въ Россіи во время основанія Петербурга.

Когда представилось необходимымъ устроить сообщеніе вновь заложеннаго города съ Москвою, между послѣднею и Новгородомъ имѣлись уже готовые ямы и станы, черезъ которые въ концѣ XVII столѣтія перевозилась нѣмецкая почта въ Ригу. Изъ путеваго «юрнала» Петра Великаго за Августъ и Сентябрь 1700 г. видно, что онъ проѣзжалъ тогда изъ Москвы до Новгорода черезъ слѣдующіе ямы: Клинскій, Тверской, Торжковскій, Вышне-Волоцкій, Зимнегорскій, Крестецкій и Бронницкій. Далѣе отъ Новгорода до Нарвы (называвшейся Ругодивомъ) дорога шла черезъ рѣку Веряжу, деревню Пожарище, село Медвѣдь, деревни: Подберезье Лихорева, Заполье, Пелешокъ, Харламовы Горы, село Песье и Дретно. Граница со Швеціей находилась на рѣчкѣ Кинышенкѣ [4]). Первымъ за рубежомъ шведскимъ городомъ былъ Ямбургъ (называвшійся «Яма-городъ») [5]) и за нимъ Нарва. Другая дорога на сѣверъ отъ Новго-

---

[1]) *Устряловъ*, назв. соч., томъ IV, часть II Приложенія, стр. 20.

[2]) Дѣла Приказа Воинскаго Морскаго Флота 1696 г. № 1 и 1698 г. № 5 и дѣло Приказа Большой Казны, Азовской Приказной Палаты и Царскаго Шатра на Воронежѣ 1699 г. № 26.

Воронежская почта отправлялась въ Москвѣ изъ Володимирскаго Суднаго Приказа, а Азовская—изъ Пушкарскаго Приказа.

[3]) Именной указъ 12 Ноября 1698 г. о сборѣ въ Сибирскихъ и поморскихъ городахъ съ товаровъ таможенныхъ пошлинъ и о почтѣ (П. С. З. № 1654). Въ Сибирскихъ городахъ почтою этою завѣдывали таможенные головы. При учрежденіи ея въ русскомъ законодательствѣ былъ впервые установленъ принципъ неприкосновенности почтовой корреспонденціи: «отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотрѣть, чтобъ всякъ, заплатя пристойную заплату, былъ обнадеженъ, что его грамотка въ домъ къ нему дойдетъ».

[4]) *Устряловъ*, тамъ-же, стр. 506 и слѣд.

[5]) Въ дѣлѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 13 Декабря 1703 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 113, сохранилось описаніе двухъ ямскихъ дорогъ, шедшихъ отъ Новгорода къ Ямѣ-городу. По первой дорогѣ находились

рода, по которой Петръ Великій проѣзжалъ изъ Москвы въ 1703 г., шла через Подберезье, Чудово и Тосну къ Шлиссельбургу и затѣмъ къ шведскому городу Канцамъ, находившемуся при впаденіи рѣчки Охты въ Неву [1]).

Въ томъ-же году, въ которомъ былъ основанъ Петербургъ, послѣдовало распоряженіе объ устройствѣ между нимъ и Новгородомъ двухъ ямовъ, «на которыхъ-бы было по десяти вытей, гдѣ тѣ ямы въ довольномъ мѣстѣ устроить пристойнѣе, раздѣля по ровну и смѣря верстами, чтобъ были ямъ отъ яму въ равенственномъ числѣ мѣрою». Посланнымъ съ этою цѣлію подъячимъ Новгородской Приказной Палаты Юріемъ Водиловымъ была намѣчена отъ Новгорода до Петербурга слѣдующая дорога: до Передольскаго погоста, до усадебъ Алексѣя Антоньева Лихорева и племянника его Митрофана—60 верстъ, затѣмъ до деревни Конона Иванова Елагина—Слопей—15 верстъ, всего отъ Новгорода 75 верстъ; далѣе отъ деревни Слопей черезъ рѣки Переволоку и Оредежь, черезъ выставку Перечицы и черезъ рѣку Ещеру до деревни Зарѣчья—72 версты и, наконецъ, отъ деревни Зарѣчья до Петербурга 70 верстъ [2]).

По такому направленію—черезъ Передольскій погостъ и деревню Зарѣчье—въ слѣдующемъ 1704 г. и была учреждена между Петербургомъ и Новгородомъ почтовая гоньба посредствомъ гонцовъ новгородскихъ конныхъ и кормовыхъ, ладожскихъ конныхъ казаковъ и ямскихъ охотниковъ. Гоньба эта должна была производиться по 10—15 верстъ въ

слѣдующіе ямы: Тесовскій въ разстояніи отъ Новгорода 50 верстъ и Зарѣчскій въ разстояніяхъ отъ Тесовскаго яма 75 верстъ и отъ Ямы-города 50 верстъ. По второй-же дорогѣ считалось отъ Новгорода до Лугскаго яма и отъ Лугскаго яма до Тесовскаго по 25 верстъ, а отъ Тесовскаго яма до Ямы-города воднымъ путемъ 130 верстъ и горнымъ 125 (именно отъ Тесовскаго яма до Чащинскаго 35 верстъ и далѣе между Чащинскимъ ямомъ, Грезенскимъ и Врудскимъ до Ямы-города по 30 верстъ).

[1]) Карты, планы и снимки къ четвертому тому Исторіи царствованія Петра Великаго *Устрялова*, СПБ. 1863 г., карта № 1. Дороги отъ Ладоги до Канецъ описаны въ двухъ приведенныхъ у *Устрялова* (назв. соч., томъ IV, часть II, стр. 192—194) сказкахъ Ладожанъ торговыхъ людей и новгородскихъ дворянъ 1701 г. Отъ Новгорода до Ладоги дорога шла по рѣкѣ Волхову, о чемъ будетъ сказано ниже.

[2]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 13 Декабря 1703 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 113. Въ этомъ-же дѣлѣ сохранились подробныя свѣдѣнія о московской ямской дорогѣ отъ Новгорода до Торжка. Отъ Новгорода до Бронницъ числилось тогда 30 верстъ лѣтнимъ путемъ и 20—зимнимъ, отъ Бронницъ до Заяцкаго яма—30 верстъ, отъ Заяцкаго яма до Крестецкаго—35 верстъ, отъ Крестецкаго яма до Яжелбицкаго—30 верстъ, отъ Яжелбицкаго яма до Валдайскаго—23 версты, отъ Валдайскаго яма до Едровскаго—17 верстъ, отъ Едровскаго яма до Хотиловскаго 35 верстъ, отъ Хотиловскаго яма до Вышняго-Волочка—35 верстъ, отъ Вышняго-Волочка до Выдропуска—35 верстъ и отъ Выдропуска до Торжка—35 верстъ, всего-же отъ Новгорода до Торжка лѣтнимъ путемъ 305 и зимнимъ 295 верстъ.

часъ подъ страхомъ смертной казни за промедленіе [1]). Въ одномъ изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]) сохранилось описаніе первыхъ почтовыхъ становъ и первой почтовой дороги между Петербургомъ и Новгородомъ, сдѣланное въ томъ-же 1704 г. Новгородскимъ подъячимъ Евстифеемъ Игнатьевымъ. Первый станъ отъ Новгорода къ Петербургу находился тогда въ 30 верстахъ—въ деревнѣ Менюши. На немъ «стояли» 7 новгородскихъ ямщиковъ съ 8 «добрыми» лошадьми. Дорога до этого стана была сухая. Второй станъ—также въ 30 верстахъ—въ Передольскомъ погостѣ. Здѣсь Игнатьевъ поставилъ 4 капорскихъ казаковъ съ 4 лошадьми и пшаскаго ямщика [3]) съ 2 лошадьми. Дорога на этомъ перегонѣ была также сухая. Третій станъ—въ 20 верстахъ—въ деревнѣ Туровѣ. На немъ стояли 4 капорскихъ казака съ 3 лошадьми; Игнатьевъ добавилъ еще одного пшаскаго ямщика съ 2 лошадьми. По дорогѣ между Передольскимъ погостомъ и деревнею Туровою былъ перевозъ черезъ рѣку Лугу; предполагалось сдѣлать новый плотъ, который ходилъ-бы на канатахъ. Отъ рѣки Луги до деревни Туровой дорога была плоха и грязна: необходимо было сдѣлать мосты, при чемъ на нѣкоторыхъ небольшихъ рѣчкахъ устроить ихъ вновь, на другихъ же—починить старые. Четвертый станъ—въ 25 верстахъ—въ деревнѣ Васильковой. На немъ стояли 4 капорскихъ казака безъ лошадей: «а сказали, что де у нихъ лошади померли сея зимы отъ безкормицы; ходятъ съ почтами пѣшіе . Къ такимъ «безконнымъ» казакамъ Игнатьевъ приставилъ пшаскаго ямщика съ 2 лошадьми, объявивъ имъ о покупкѣ лошадей указъ Великаго Государя. По дорогѣ между деревнями Туровой и Васильковой встрѣчались рѣки и болота. Черезъ рѣки необходимо было сдѣлать мосты или-же устроить перевозъ посредствомъ плотовъ, приставивъ перевозчиковъ изъ ближайшихъ деревень. Пятый станъ—въ 35 верстахъ—въ деревнѣ Тозере. На немъ стояли новгородскіе новокрещеные ямщики съ 3 лошадьми и пшаскій ямщикъ съ 2 лошадьми. Дорога на этомъ перегонѣ была очень грязная; приходилось починить старые мосты, а на трехъ встрѣчавшихся по пути рѣкахъ сдѣлать новые. Шестой станъ—въ 20 верстахъ—въ деревнѣ Зарѣчьѣ. На немъ стояли 3 ладожскихъ казака съ 3 лошадьми и пшаскій ямщикъ—съ 2 лошадьми.

---

[1]) Рукопись Императорской Публичной Библіотеки «О почтѣ. Собрано въ Московскомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивѣ 1807 года. Выписка о первоначальномъ заведеніи и дальнѣйшемъ образованіи почтъ въ Россіи» (F. IV. № 648).

[2]) Дѣло 6 Апрѣля 1704 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 131.

[3]) Пшаскій ямъ находился въ 50 верстахъ отъ Новгорода (по дорогѣ къ Пскову).

Дорога на этомъ перегонѣ была также грязная, почему и здѣсь надо было сдѣлать мосты черезъ болота и грязи. Седьмой станъ—въ 30 верстахъ—въ деревнѣ Ушенцахъ. На немъ стояли 6 ладожскихъ казаковъ съ 4 лошадьми и пшаскій ямщикъ съ 2 лошадьми. Дорога между деревнями Зарѣчьемъ и Ушенцами была хорошая; перевозовъ на ней не было. Наконецъ, восьмой станъ—въ 25 верстахъ—былъ въ Петербургѣ. У Петербурга стояли 6 ладожскихъ казаковъ; они содержали всего только 3 лошадей, да и то, какъ видно изъ описанія Игнатьева, плохихъ.

Устройство почтовыхъ становъ между Петербургомъ и Новгородомъ дало возможность соединить вновь заложенный городъ съ центромъ тогдашней русской жизни—Москвою прямымъ почтовымъ сообщеніемъ, такъ какъ между Новгородомъ и Москвою почтовые станы существовали уже съ 1701 г. Въ этомъ году, по Именному указу, повелѣно было «для скорой почтовой гоньбы поставить почту отъ Москвы до Великаго Новгорода по станамъ, станъ отъ стана въ 30 верстахъ, по четыре лошади добрыхъ, да по два человѣка ямщиковъ, а гонять имъ съ почтовыми письмами въ часъ по 15 верстъ» [1]).

Необходимо замѣтить, что, кромѣ прямой почтовой дороги, отъ Новгорода до Петербурга существовала тогда еще другая круговая ямская дорога по Волхову—черезъ Ладогу и Шлиссельбургъ. Относительно устройства ямовъ по этой дорогѣ (а именно на Воцкой сторонѣ въ деревнѣ Смолкахъ и на Обонежской сторонѣ на Пчевѣ) и относительно надѣла поселенныхъ на нихъ ямскихъ охотниковъ землею и угодьями имѣются указанія въ одномъ изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]). Кромѣ того, существованіе круговой ямской дороги къ Петербургу удостовѣряется походнымъ журналомъ Петра Великаго за 1708 годъ, въ которомъ подъ 19 числомъ Апрѣля записано: «Его Величество поѣхалъ въ Шлютенбурхъ на буерѣ встрѣчать свою фамилію, царицъ и царевенъ, которыя тогда съ Москвы пріѣхали» (стр. 5) [3]).

Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ перваго періода исторіи Пе-

[1]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 6 Ноября 1706 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 150. Изъ этого дѣла видно, что московскіе ямщики возили почту по станамъ отъ Москвы до Черной и отъ Черной до Пешка и до Клина. Число лошадей, содержавшихся ими на почтовыхъ станахъ, постоянно мѣнялось: такъ, съ 1 Августа 1701 г. по 7 Мая 1703 г. на каждомъ станѣ было по 4 лошади; съ 7 Мая 1703 г. по 7 Марта 1704 г.—по 8, съ 7 Марта 1704 г. по 6 Апрѣля 1706 г.—опять по 4, съ 6 Апрѣля 1706 г.—опять по 8.

[2]) Дѣло 13 Декабря 1703 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 113.

[3]) Объ этой дорогѣ, шедшей изъ Петербурга черезъ Шлиссельбургъ, Ладогу и Новгородъ, упоминается въ источникахъ и позднѣе.

тербургской почты при Петрѣ Великомъ какъ направленіе Петербургско-Московской почтовой дороги, такъ и разстоянія между ея станами совмѣстно съ комплектами содержавшихся на нихъ лошадей мѣнялись нѣсколько разъ.

Изъ хранящагося въ дѣлахъ Архива Морскаго Министерства письма ландрихтера Римскаго-Корсакова къ графу Апраксину 17 Октября 1707 г. видно, что въ томъ-же году отъ Петербурга до Новгорода, по распоряженію перваго Петербургскаго губернатора кн. Меншикова, «для почтовой гоньбы велѣно было учредить на каждомъ стану по 10 лошадей и станъ отъ стана разстояніемъ по 15 верстъ» [1]).

Затѣмъ въ 1710 г., по случаю мороваго повѣтрія, между Петербургомъ и Москвою была учреждена новая большая почтовая дорога черезъ Ладогу, Тихвинъ, Устюжну Желѣзнопольскую и Кашинъ. За неимѣніемъ по этой дорогѣ ямовъ почтовыя лошади содержались на ней уѣздными обывателями. Чтобы не раззорить послѣднихъ частою и усиленною гоньбою, подводы на новой дорогѣ разрѣшено было давать только тѣмъ курьерамъ, «которые будутъ съ нужными государевыми письмами» [2]).

Въ слѣдующемъ 1711 году почтовой дорогѣ между Петербургомъ и Москвою было опять дано новое направленіе, а именно по указу Царскаго Величества и по приказу князя Меншикова велѣно было курьеровъ «какъ съ Москвы, такъ изъ Санктпетербурга посылать чрезъ Волоколамской, Ржевъ-Володимировъ и Старую Руссу, а чрезъ Тихвинъ и на Тверь посылать никого не велѣно». Число подводъ, отпускавшихся курьерамъ, было ограничено при этомъ тремя, за исключеніемъ тѣхъ курьеровъ, которые посылались «за царевымъ нужнымъ дѣломъ» [3]).

Такимъ образомъ возникли и постепенно развились почтовыя сношенія между Петербургомъ и Москвою. Какъ и слѣдовало ожидать, Петербургско-Московскій почтовый трактъ былъ первымъ по времени своего устройства и важнѣйшимъ по своему значенію путемъ сообщенія новой царской резиденціи со всѣми внутренними уѣздами и областями Россіи, на который правительствомъ Петра Великаго съ самаго же начала было обращено особое вниманіе. Ни объ одной русской дорогѣ не было издано въ разсматриваемый періодъ времени столько указовъ и правительственныхъ распоряженій, сколько о той, которая должна была соединить бу-

---

[1]) Дѣло Адмиралтейской Канцеляріи 1707 г. № 16.

[2]) Именной указъ 17 Ноября 1710 г. П. С. З. № 2309.

[3]) Именной указъ 2 Января 1711 г. П. С. З. № 2312. Описанное въ этомъ указѣ направленіе Петербургско-Московской почтовой дороги несомнѣнно было временнымъ. ср. назв. соч. *Хрущова*, стр. 38.

дущую столицу Россійской Имперіи съ прежнею столицею Московскаго государства.

Кромѣ Москвы, Петербургъ, вскорѣ-же послѣ его основанія, былъ соединенъ почтовыми дорогами и съ другими городами.

Такъ въ 1707 г., по распоряженію князя Меншикова, сообщенному въ цитированномъ выше письмѣ ландрихтера Римскаго-Корсакова къ графу Апраксину, отъ Петербурга были учреждены почтовые станы до Олонца, Старой Руссы, Великихъ Лукъ, Торопца и рубежей Петербургской провинціи, при чемъ, подобно тому какъ и отъ Петербурга до Новгорода, разстоянія между станами были опредѣлены въ 15 верстъ и на каждомъ станѣ было поставлено по 10 лошадей для почтовой гоньбы.

Изъ неопубликованнаго въ Полномъ Собраніи Законовъ Именнаго указа 31 Марта 1708 г. видно, что въ то время отъ Петербурга существовала уже почтовая дорога до польской границы черезъ Копорье, Нарву [1]), Псковъ и Великіе Луки, на станахъ которой содержалось по 12 почтовыхъ лошадей [2]).

По завоеваніи Курляндіи между Ригою и Петербургомъ установилось также почтовое сообщеніе черезъ Дерптъ и Нарву, имѣвшее впослѣдствіи чрезвычайно важное значеніе для сношеній Россіи съ иностранными государствами. О первоначальномъ устройствѣ С.-Петербургско-Рижской почтовой дороги въ одномъ изъ дѣлъ Архива Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ сохранились слѣдующія свѣдѣнія. «По завоеваніи города Риги, по предуготовленію генерала-поручика Боура, отъ одного подполковника учреждено было и на подставы мужицкія лошади сбираны, а потомъ по порядочной репартиціи (распредѣленію) изъ земли выписаны и чрезъ уреченное время смѣнялись. А въ 1712 году присланъ изъ С.-Петербурга почтъ-мейстеръ (?) Тарбѣевъ оныя подставы учредить, чтобы на каждой подставѣ по 20 лошадей непремѣнно стояло, и потому по равно учиненной репартиціи вся земля съ маетностей своихъ на тѣхъ лошадей надлежащее дать принуждены были и отъ того времени постоянно содержались, токмо на первую (отъ Риги) подставу пять лошадей прибавлено за труднымъ песчанымъ путемъ. На тѣхъ лошадей фуражъ на

[1]) Въ походныхъ юрналахъ Петра Великаго С.-Петербургско-Нарвская дорога упоминается еще въ 1704 г. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ этого года Государь проѣзжалъ по ней черезъ слѣдующіе пункты, находившіеся въ разстояніи 20 верстъ одинъ отъ другаго: кабачекъ, мызу Кипенскую, мызу Новуто-Бурю (Новую Бурь), городъ Копорье, кабачекъ и Ямбургъ.— *Устряловъ.* Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, ч. II, стр. 517—518.

[2]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло Воинскаго Морскаго Приказа 1703 г. № 28.

каждую подставу зимою изъ земли привозился» [1]). С-Петербургско-Рижская почтовая дорога на сѣверѣ примыкала къ Ревельской, а на югѣ къ Мемельской. По этой послѣдней дорогѣ въ 1713 г. проѣзжалъ Петръ Великій, возвращаясь изъ-за границы въ Петербургъ. Въ походномъ юрналѣ его сохранились названія тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, черезъ которые пролегалъ тогда путь отъ прусской границы до Петербурга: а именно изъ Мемеля дорога шла на Полангенъ, Прекульнъ, Шрунденъ, Фрауенбургъ, Гросъ-Блидинъ, Доблепъ, Митаву, Ригу, Гавью, Вольмаръ, Гульденпостъ, Дерптъ и далѣе черезъ рѣку Пухарь на село Серенпцы и Нарву [2]).

Наконецъ, въ 1712 г., по Именному указу 2 Октября, было учреждено почтовое сообщеніе между Петербургомъ и Каргополемъ: каргопольскому, олонецкому, бѣлозерскому и чаропдскому уѣздамъ велѣно было поставить по большой дорогѣ къ Петербургу «въ пристойныхъ мѣстахъ, гдѣ и ранѣе бывали почтовые и ямскіе станы», на почтовыхъ станахъ— по 3 подводы, а на ямскихъ—по 9 подводъ [3]).

Прослѣдивъ постепенное устройство важнѣйшихъ почтовыхъ сообщеній Петербурга съ ближайшими и болѣе отдаленными городами Россіи, необходимо сдѣлать оговорку о томъ, что почтовые тракты временъ Петра Великаго какъ по условіямъ своего возникновенія, такъ и въ отношеніи дальнѣйшаго содержанія ихъ, значительно отличались отъ нынѣшнихъ. Почти каждый почтовый трактъ начала XVIII столѣтія учреждался исключительно для какого-либо «царева нужнаго дѣла». Нужна была скорая посылка писемъ въ армію,—къ мѣсту нахожденія ея ставили изъ центральныхъ городовъ «почту» [4]); нужно было вести переписку о постройкѣ кораблей на той или другой верфи, къ такимъ мѣстамъ учреждались также почтовые станы съ людьми и лошадьми [5]) и т. п. Въ дѣлѣ устройства такихъ «почтъ» наблюдались старинные московскіе порядки, практиковавшіеся прежде при устройствѣ ямовъ. Почтовые станы устраивались обыкновенно особо командированными лицами (подъячими, офицерами и др.) при помощи воеводъ, комендантовъ, ландрихтеровъ и бурми-

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 5 Іюня 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1 (извѣстіе о состояніи почтъ въ Рижской губерніи—документъ, находящійся при промеморіи въ Приказъ Ямскихъ Дѣлъ 5 Сентября 1722 г.).

[2]) Юрналъ 1713 г. Мартъ, стр. 18—19.

[3]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло Адмиралтейской Канцеляріи 1712 г. № 65.

[4]) Сенатскій указъ 12 Сентября 1712 г. П. С. З. № 2582 и многіе другіе.

[5]) А. М. М. Дѣла Приказа Воинскаго Морскаго Флота, указанныя въ выноскахъ на предъидущихъ страницахъ.

стровъ, содѣйствовавшихъ поставкѣ лошадей, или-же объ устройствѣ такихъ становъ посылались въ оконечные и попутные города указы мѣстнымъ властямъ. Пока въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ какимъ-либо мѣстомъ представлялась надобность по тѣмъ или другимъ государственнымъ или административнымъ соображеніямъ, поддерживался и почтовый трактъ, соединявшій это мѣсто съ центромъ. По минованіи-же надобности въ такихъ сношеніяхъ или въ случаѣ отвлеченія вниманія правительства какимъ-либо другимъ дѣломъ, приходилъ въ упадокъ и соотвѣтствующій почтовый трактъ. Случалось (какъ это было, напр., съ Петербургско-Каргопольскимъ трактомъ 1712 года), что нѣкоторые закрывшіеся уже почтовые тракты съ теченіемъ времени возстановлялись снова.

Такимъ образомъ, въ началѣ XVIII столѣтія почти всѣ почтовые тракты устраивались исключительно для военныхъ или административныхъ цѣлей, при чемъ нѣкоторые тракты принадлежали даже одному какому либо вѣдомству. Таковъ былъ, между прочимъ, и указанный выше Петербургско-Каргопольскій трактъ, учрежденный къ Бѣлому озеру для надобностей морскаго вѣдомства: давать на этомъ трактѣ подводы разрѣшено было лишь по подорожнымъ изъ Адмиралтейской Канцеляріи за руками адмирала Апраксина и адмиралтейскаго совѣтника Кикина, «а окромѣ оныхъ подорожныхъ ни по какимъ подорожнымъ подводъ не давать» [1]).

Обязанные своимъ возникновеніемъ и поддержаніемъ потребностямъ военнаго времени или какимъ-либо временнымъ нуждамъ государственнаго хозяйства и управленія, многіе почтовые тракты имѣли и временный характеръ: большая часть ихъ исчезла, остались лишь тѣ, которые пріобрѣли и сохранили за собою общегосударственное и торговое значеніе. Къ числу послѣднихъ относятся, главнымъ образомъ, Петербургско-Московскій и Петербургско-Рижскій (съ вѣтвью на Ревель) тракты, которые и сдѣлались впослѣдствіи настоящими почтовыми трактами въ современномъ значеніи этого слова.

«Для оберегательства подводъ», надзиранія за порядкомъ отправленія гоньбы, осмотра и прописки подорожныхъ, пріема прогонныхъ денегъ и веденія записныхъ книгъ на почтовые станы Петербургской губерніи еще въ началѣ XVIII столѣтія стали назначаться особыя лица изъ воинскихъ и другихъ чиновъ, а также изъ дворянъ. Такъ, въ 1707 г. на

1) А. М. М. Дѣло Адмиралтейской Канцеляріи 1712 г. № 65.

почтовые станы отъ Петербурга до Новгорода, Олонца, Старой Руссы, Великихъ Лукъ, Торопца и рубежей Петербургской провинціи опредѣлено было назначить «во всѣхъ помянутыхъ городѣхъ, на рубежахъ, на первыхъ станахъ, изъ дворянъ или изъ какихъ чиновъ пристойно добрыхъ и, ежели какой куріеръ откуда во оную (Петербургскую) губернію поѣдетъ, и на тѣхъ станахъ записать его имя и, принявъ по подорожной поверстныя деньги, подписывать на подорожныхъ тѣмъ, которые опредѣлены къ тому дѣлу, что поверстныя деньги приняты, и почтовыя подводы давать по подорожной, куда надлежитъ, вездѣ безъ задержанія» [1]). Въ 1708 г. на почтовые станы отъ Петербурга до польской границы были посланы для надзиранія офицеры «да съ ними солдатъ по шти человѣкъ» и повелѣно было «тѣмъ *надзирателямъ* на тѣхъ станахъ посланнымъ курьерамъ давать почтовыя лошади по подорожнымъ... съ росписками, а которые грамотѣ не умѣютъ, тѣхъ записывать въ книги именно, въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ и по чьимъ подорожнымъ почтовыя лошади даны будутъ, и для того на всякомъ стану каждому *надзирателю* имѣть записныя книги» [2]). Въ 1711 г. въ города по Петербургско-Московской почтовой дорогѣ были посланы «для оберегательства подводъ» солдаты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка [3]) и проч.

Изъ цитированныхъ указовъ, изданныхъ въ первый періодъ исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ, видно, что уже тогда на практикѣ создалась особая должность надзирателя почтоваго стана, извѣстная впослѣдствіи подъ названіемъ «станціоннаго смотрителя». Интереснѣе всего, что не только функціи этихъ должностей представляются одинаковыми, но и самыя названія ихъ—почтовый «надзиратель» и «станціонный смотритель» — были синонимами еще въ началѣ XIX столѣтія [4]).

По Петербургско-Рижскому почтовому тракту, въ предѣлахъ Рижской губерніи, вмѣсто такихъ «надзирателей», было опредѣлено на каждую подставу по *коммисару*, которые, по словамъ приведеннаго выше извѣстія изъ дѣла Архива Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ о

---

[1]) А. М. М. Дѣло Адмиралтейской Канцеляріи 1707 г. № 16.

[2]) А. М. М. Дѣло Воинскаго Морскаго Приказа 1703 г. № 28.

[3]) Именной указъ 2 Января 1711 г. П. С. З. № 2312.

[4]) См., напр., Сенатскій указъ о нарядѣ на почтовыя станціи почтарей и лошадей съ надлежащими повозками и упряжью 19 Мая 1800 г. (П. С. З. № 19422): «почтарей съ лошадьми», сказано въ этомъ указѣ: «присылаютъ на день, на два и на три, почтовымъ мѣстамъ и *станціоннымъ надзирателямъ* неизвѣстныхъ, . . . которые на почтовыя станціи становятся и паки отъѣзжаютъ безъ вѣдома *станціонныхъ смотрителей* самовольно».

состояніи почтъ въ Рижской губерніи, «съ земли каждый заплату себѣ получалъ и долженствовалъ почтовый дворъ и лошадей надзирать и на тѣхъ лошадей фуражъ принимать и выдавать и проѣзжающимъ курьерамъ и другимъ чрезвычайно ѣдущимъ по подорожнымъ до подставъ лошади отправлять и надлежащее при томъ стараніе имѣть». Кромѣ того, «для провожанія на тѣхъ подставахъ прежде были отъ губернамента поставлены солдаты, а какъ оное премѣнилось, то съ земли на каждой подставѣ по пяти мужиковъ для караула и смотрѣнія лошадей и для возки проѣзжающихъ опредѣлено (было)» [1]).

Таково было устройство почтовыхъ становъ на Петербургскихъ трактахъ въ разсматриваемый періодъ исторіи Петербургской почты. Наряду съ ямами, сохранившими прежнее свое устройство и управленіе, почтовые станы представляли собою въ то время новыя транспортныя установленія, на которыхъ возчики назывались уже не ямщиками, а почтарями. Сообразно тому и гонебныя лошади начали дѣлиться на ямскихъ и почтовыхъ. Хотя въ указахъ Петровскаго времени ямскія лошади постоянно противуполагаются почтовымъ, тѣмъ не менѣе, ни въ одномъ изслѣдованіи по исторіи русской почты до сихъ поръ не было сдѣлано точнаго опредѣленія этихъ двухъ понятій. Объясненіе различія между ямскими и почтовыми лошадьми намъ удалось встрѣтить впервые въ Дневникѣ Камеръ-Юнкера Берхгольца, веденномъ имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721 по 1725 годъ: по его словамъ, «разница между ямскими лошадьми и обыкновенными разгонными (почтовыми) заключалась въ томъ, что съ первыми нужно было ѣхать три и четыре станціи, тогда какъ послѣднія мѣнялись на каждой станціи» [2]).

Такимъ образомъ, ѣзда на ямскихъ лошадяхъ, названныхъ у Берхгольца также «извощичьими», была прототипомъ ѣзды *на долгихъ* (т. е., отъ мѣста до мѣста), получившей настоящее свое наименованіе лишь впослѣдствіи, а ѣзда на почтовыхъ лошадяхъ — прототипомъ ѣзды *на перекладныхъ* (т. е., черезъ почтовыя станціи). Отсюда понятно, почему уже въ началѣ XVIII столѣтія (какъ будетъ сказано ниже) прогонныя таксы на ямскихъ лошадей были ниже, чѣмъ на почтовыхъ. Отправляясь на почтовыхъ лошадяхъ, проѣзжающій платилъ лишнее за скорость переѣзда, такъ какъ почтовые станы находились въ болѣе

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 5 Іюня 1722 г. по Архиву Г. У. П. и Т. № 1.

[2]) Дневникъ. Пер. съ нѣм. И. Аммонъ. Изд. второе, часть I—1721 годъ. Москва, 1858 г. стр. 263—264.

близкихъ разстояніяхъ между собою, чѣмъ ямы. При томъ-же содержаніе лошадей на ямахъ обходилось, несомнѣнно, дешевле, чѣмъ на почтовыхъ станахъ: ямы представляли собою цѣлыя слободы, обыкновенно довольно значительныхъ размѣровъ [1], при которыхъ имѣлись луга, пашни и другія угодья, почтовые же станы нерѣдко находились въ пустынныхъ и необитаемыхъ мѣстахъ и состояли иногда изъ 3—4 почтарей и такого же количества почтовыхъ лошадей.

Вслѣдствіе постепенно усиливавшагося въ началѣ XVIII столѣтія разгона ямскихъ и почтовыхъ лошадей, особенно по Петербургско-Московскому тракту, содержаніе ихъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе для того класса населенія, на которомъ лежала эта повинность. Крайне затруднительное положеніе ямщиковъ сознавалось и самимъ правительствомъ. Извѣстна собственноручная замѣтка Петра Великаго на пунктахъ о Сибирскомъ начальствѣ и объ ямщикахъ: «ямщики нынѣ безо всякой протекцыи, и ежели особливо кто не будетъ ихъ призирать, то они могутъ вовсе разоритца» [2]. По отдѣльнымъ указамъ и правительственнымъ распоряженіямъ, опубликованнымъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и сохранившимся въ архивныхъ дѣлахъ о ямахъ и почтахъ Петровскаго времени, можно прослѣдить тѣ мѣры, которыя принимались въ разсматриваемый періодъ исторіи Петербургской почты для улучшенія быта ямщиковъ и облегченія лежавшей на нихъ повинности.

Прежде всего, правительствомъ проводился тотъ взглядъ, что почтовыя лошади предназначаются для переѣздовъ курьеровъ и другихъ лицъ, а не для перевозки припасовъ и другихъ тяжестей. Такъ, по распоряженію князя Меншикова объ устройствѣ почтъ въ Петербургской провинціи, изложенному въ письмѣ ландрихтера Римскаго-Корсакова къ графу Апраксину 17 Октября 1707 г., «подводъ отнюдь нигдѣ никому ни по какимъ подорожнымъ *ни подъ какіе припасы* давать не велѣно, а кому что подъ какіе припасы понадобится и тѣ-бъ нанимали сами повольною цѣною». Такія же распоряженія о наймѣ подводъ «подъ всякіе припасы повольною цѣною» или «для клади и всякихъ повозокъ вольнымъ наймомъ» встрѣчаются затѣмъ въ Именныхъ указахъ 17 Ноября 1710 г. объ устройствѣ новой Петербургско-Московской почтовой дороги черезъ

---

[1]) Такъ, напр., на расположенномъ по Петербургско-Московской дорогѣ Бронницкомъ ямѣ числилось въ 1706 г. 388 ямскихъ охотниковъ.—Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 13 Декабря 1703 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 113.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. XI (СПБ., 1873 г.). Указы, письма и бумаги Петра Великаго, стр. 393.

Ладогу, Тихвинъ, Устюжну Желѣзнопольскую и Кашинъ и 27 Ноября 1713 г. о поселенiи ямщиковъ въ Петербургской губернiи [1]).

Запрещая пользоваться почтовыми лошадьми для перевозки кладей, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивало и число подводъ, отпускавшихся на почтовыхъ станахъ курьерамъ. Примѣромъ можетъ служить приведенный выше Именной указъ 2 Января 1711 г. о направленiи Петербургско-Московскаго тракта черезъ Волоколамскъ, Ржевъ-Володимировъ и Старую Руссу, по которому курьерамъ разрѣшалось давать только «по 2 и всеконечно по 3» подводы на каждомъ почтовомъ станѣ.

Наряду съ такими ограничительными мѣрами по отношенiю къ разгону почтовыхъ лошадей принимались и положительныя мѣры къ усиленiю наличныхъ транспортныхъ средствъ и къ поднятiю матерiальнаго благосостоянiя ямщиковъ. По неимѣнiю въ Петербургѣ ямщиковъ, въ 1711 г. былъ данъ указъ «съ ямовъ, которые вѣдомы въ Ямскомъ Приказѣ, чрезъ которые въ нынѣшнiе случаи ѣзды мало случается, выбравъ ямщиковъ 100 вытей съ женами и дѣтьми и съ лошадьми, сколько подлежитъ на выть, послать съ нарочно посланнымъ (въ Петербургъ) и велѣть оныхъ явить... Меншикову» [2]); затѣмъ въ 1713 г., по приговору Правительствующаго Сената отъ 29 Мая, въ Петербургѣ было оставлено для почтъ 20 казаковъ [3]) и т. п.

Продолжая получать отъ правительства годовое жалованье и сохраняя за собою прежнiе земельные надѣлы, ямщики освобождались также и отъ новыхъ налоговъ, пошлинъ и повинностей. Такъ, напр., при установленiи гривенной пошлины съ лошадей, въ 1713 г. повелѣно было у ямщиковъ «лошадей не переписывать и гривенныхъ денегъ не имать, для того, что они всякiе полковые припасы возятъ и съ посланными ямскую гоньбу гоняютъ и на станцiяхъ для почты стоятъ непрестанно и противъ прежнихъ лѣтъ съ излишествомъ и чтобъ имъ той ямской гоньбы не остановить» [4]).

Ямщики не освобождались только отъ рекрутской повинности. Указанiя на это содержатся какъ въ Сенатскихъ приговорахъ, такъ и въ дѣлахъ Архива Морскаго Министерства. При обсужденiи въ одномъ изъ засѣданiй

---

[1]) П. С. З. № 2741.

[2]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 22 Февраля 1711 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 163.

[3]) Доклады и приговоры, состоявшiеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованiе Петра Великаго, изд. Императорскою Академiею Наукъ подъ ред. Калачова и Дубровина, т. III, кн. 1, стр. 363.

[4]) Сенатскiй указъ 8 Декабря 1713 г. П. С. З. № 2750.

Сената вопроса о томъ, «изъ ямщиковъ взятье рекрутъ какъ имать—противъ крестьянъ-ли или какимъ другимъ образомъ?» Петръ Великій указалъ даже, въ какія войсковыя части слѣдовало зачислять ямщиковъ, а именно повелѣлъ «употреблять ихъ въ драгуны» [1]).

Чрезвычайно важное значеніе въ смыслѣ улучшенія матеріальнаго положенія ямщиковъ представляло собою изданное въ разсматриваемый періодъ постановленіе о томъ, чтобы количество прогонныхъ денегъ, слѣдуемыхъ ямщикамъ, подписывалось на подорожныхъ. Мѣра эта имѣла своимъ назначеніемъ прекратить безплатные разъѣзды курьеровъ и служилыхъ людей на ямскихъ и почтовыхъ лошадяхъ, отъ которыхъ, по выраженію источниковъ, «у многихъ ямщиковъ лошади попадали и они ямщики раззорились». При устройствѣ въ 1707 г. почтъ въ Петербургской провинціи княземъ Меншиковымъ было вмѣнено въ обязанность надзирателямъ почтовыхъ становъ принимать прогонныя деньги «по подорожнымъ», на которыхъ и дѣлать о томъ надписи. «Подписываніе» прогонныхъ денегъ на подорожныхъ, выдававшихся въ Петербургскую губернію, было подтверждено затѣмъ Именнымъ указомъ 1 Іюля 1710 г. [2]). Какъ-бы въ развитіе этого узаконенія въ 1713 г. повелѣно было прогонныя деньги давать «въ руки ямщикамъ, а не въ приказъ или коммисарамъ» [3]). Называя послѣдній указъ основнымъ и долго имѣвшимъ жизненное значеніе постановленіемъ, Хрущовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что имъ упрощалось цѣлое дѣлопроизводство объ уплатѣ ямщикамъ прогонныхъ денегъ въ Посольскомъ или Ямскомъ Приказахъ [4]). Но помимо такого формальнаго значенія онъ имѣлъ еще и другое значеніе—по существу, такъ какъ предупреждалъ возможность злоупотребленій со стороны приказныхъ.

Наконецъ, улучшенію быта ямщиковъ содѣйствовало также увеличеніе прогонной таксы въ Петербургской губерніи.

Вопросъ о прогонныхъ таксахъ, дѣйствовавшихъ на Петербургскихъ

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XI, стр. 469.

Сформированіе изъ ямщиковъ кавалерійскихъ полковъ практиковалось и позже—въ царствованіе Императрицы Екатерины II: такъ, напр., въ одномъ дѣлѣ Архива Морскаго Министерства упоминается о сформированіи, на основаніи Именнаго указа 7 Октября 1788 г., изъ ямщиковъ Московской, Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской губ. одного казачьяго полка «по образу Донскому»—дѣло 1787—1789 г.г. № 57 Отд. II.

[2]) П. С. З. № 2275.

[3]) Именной указъ 27 Ноября 1713 г. П. С. З. № 2741.

[4]) Назв. соч., стр. 40.

трактахъ въ разсматриваемый періодъ времени, представляется однимъ изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ исторіи русской почты вообще. Сохранившіеся источники по этому вопросу не только содержатъ въ себѣ много неяснаго, но и нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Какъ уже сказано выше, въ Московскомъ государствѣ прогонная такса составляла 3 деньги [1]) на 10 верстъ за каждую ямскую лошадь, при чемъ платежъ прогоновъ не былъ общимъ и повсемѣстнымъ явленіемъ. Когда стали устраиваться почтовые станы, плата за почтовыхъ лошадей назначалась уже иная. Такъ, на Московскихъ почтовыхъ станахъ, устроенныхъ по дорогѣ къ Новгороду, въ началѣ XVIII столѣтія платилось ямщикамъ кормовыхъ по 6 денегъ въ день на каждую почтовую лошадь [2]). Въ 1707 г. при устройствѣ, по распоряженію князя Меншикова, почтъ въ Петербургской провинціи за почтовыя подводы постановлено было платить прогонныя деньги въ размѣрѣ 3 алтынъ 2 денегъ за каждыя 5 верстъ съ лошади, кромѣ проводниковой, которую опредѣлено было давать безденежно. При этомъ платежъ прогоновъ, назначенныхъ въ столь значительномъ для того времени размѣрѣ (по 2 коп. или 4 деньги съ версты и лошади) былъ сдѣланъ обязательнымъ для отпуска со стана почтовыхъ подводъ: «а не взявъ тѣхъ денегъ, никому ни по какимъ подорожнымъ, кто и за рукою его свѣтлости (кн. Меншикова) объявитъ, отнюдь не давать и вездѣ жестокими указы запретить, *а ежели кто силою возьметъ, и тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертью;* а ежели кому на почтѣ ѣхать изъ С.-Петербурга или изъ иныхъ оной губерніи городовъ, и съ тѣхъ брать поверстныя деньги (т. е., прогоны) въ Приказныя Палаты и оныя сбирать и вѣдомость объ нихъ присылать особливо, также ежели кого лучится послать куда за государевымъ дѣломъ, и за тѣхъ поверстныя деньги платить изъ казны изъ тѣхъ канцелярій, кто откудова посланъ будетъ» [3]). Вскорѣ, однако,

---

[1]) Ходячею монетою въ Московскомъ государствѣ были полденьги или полушки, деньги и копѣйки (1 коп. = 2 деньгамъ); изъ сложенія ихъ составлялись высшія счетныя единицы— алтынъ (= 3 копѣйкамъ), гривна, полтина и рубль.

Для опредѣленія сравнительной цѣнности тогдашнихъ денегъ необходимо имѣть въ виду, что рубль конца XVII вѣка равнялся 17, а рубль первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка— девяти нынѣшнимъ рублямъ.—*Милюковъ.* Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. СПБ. 1892 г., стр. 660.

[2]) Указанное выше дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 6 Ноября 1706 г.

Вѣроятно, кромѣ кормовыхъ денегъ, московскіе ямщики получали также и прогоны, такъ какъ новгородскимъ ямщикамъ въ то же время платились за возку почты прежніе прогоны—по 3 деньги на 10 верстъ съ почтовой лошади.—Дѣло того-же Архива 18 Апрѣля 1701 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 76.

[3]) Указанное выше дѣло Адмиралтейской Канцеляріи 1707 г. № 16.

послѣ такого категорическаго и строгаго предписанія, а именно въ слѣдующемъ же 1708 г. Именнымъ указомъ 31 Марта повелѣно было давать посланнымъ изъ Петербурга къ польской границѣ курьерамъ почтовыхъ лошадей *безденежно* по однѣмъ лишь подорожнымъ, а Именнымъ указомъ 17 Апрѣля опредѣлено даже, какія лица имѣли право подписывать подорожныя для безденежной дачи почтовыхъ подводъ изъ Петербурга въ армію и изъ арміи въ Петербургъ [1]).

Съ 1710 г. на Петербургско-Московской дорогѣ устанавливается однообразная прогонная такса въ размѣрѣ одной деньги на версту съ каждой ямской и почтовой лошади, при чемъ и въ этомъ случаѣ отъ платежа прогоновъ освобождаются курьеры Государя, князя Меншикова, графа Шереметева, графа Апраксина и графа Головкина [2]). Новая поверстная прогонная такса, какъ видно изъ разъяснительнаго Сенатскаго указа 10 Апрѣля 1711 г., относилась до одной только Петербургской губерніи «для резиденціи въ ней Его Царскаго Величества и для того, что въ тое губернію пріѣзжаетъ и отъѣзжаетъ всякаго чина людей многое число». Что-же касается прочихъ губерній, то Сенатомъ приговорено было платить въ нихъ прогоны за *ямскія подводы* по прежнему Великаго Государя указу «для того, что ямщикамъ дается годовое жалованье и за ними-жъ есть земли, а Санктпетербургской губерніи ямы имъ не въ образецъ» [3]). Въ одномъ изъ слѣдующихъ Сенатскихъ указовъ (5 Сентября 1711 г.) сохранилась и такса «прежняго Великаго Государя указа»: она составляла старинныя, установленныя еще до Петра Великаго, 3 деньги на 10 верстъ съ лошади [4]). Оставляя прежнюю низшую прогонную таксу для ямскихъ лошадей, практика того времени, какъ видно изъ приговора боярина и Московскаго Губернатора князя Ромодановскаго 22 Февраля 1712 г., совершенно иначе относилась къ почтовой гоньбѣ: почтовыхъ лошадей ни для кого не разрѣшалось отпускать безъ платежа возвышенныхъ прогоновъ въ размѣрѣ 1 деньги съ версты и лошади [5]). Особенно наглядно выразилось такое противуположеніе прогонныхъ таксъ за ямскія и почтовыя подводы при учрежденіи въ 1712 г., по Именному указу 9 Ноября, Петербургско-Каргополь-

---

[1]) Указанное выше дѣло Воинскаго Морскаго Приказа 1703 г. № 28.

[2]) Именной указъ 1 Іюля 1710 г. П. С. З. № 2275. Та же прогонная такса и съ тѣми же изъятіями черезъ два мѣсяца была распространена на Московскую губ. Именной указъ 10 Сентября 1710 г. П. С. З. № 2294.

[3]) П. С. З. № 2345.

[4]) П. С. З. № 2422.

[5]) П. С. З. № 2491.

скаго почтоваго тракта, на которомъ постановлено было «прогонныхъ денегъ имать *съ почтовыхъ* (подводъ) *по двѣ деньги, а съ ямскихъ по деньгѣ* на версту» [1]).

Эти общія постановленія, изложенныя въ указахъ 1710—1712 гг., не всегда, однако, находили себѣ примѣненіе въ дѣйствительности. Съ одной стороны, почтовыя подводы давались иногда вовсе безъ прогоновъ: такъ, напр., изъ сохранившагося приговора Правительствующаго Сената 31 Августа 1711 г. видно, что «посланнымъ тогда изъ Архангелогороцкой губерніи о нужныхъ его Великаго Государя дѣлѣхъ на почтѣ въ Ярославской провинціи и *Московской губерніи почтовыя подводы* предписывалось давать безъ всякой остановки *безъ прогоновъ*» [2]). Съ другой-же стороны, на почтовыя подводы прогоны давались иногда въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдовало по указу, доказательствомъ чего можетъ служить докладъ къ приговору Правительствующаго Сената 18 Іюня 1712 г., изъ котораго видно, что прогоновъ на *почтовыя подводы* отъ Москвы до Петербурга (745 верстъ) и до Риги (1200 верстъ) было дано въ томъ году по *2 деньги* на версту и лошадь [3]). Да и въ тѣхъ даже указахъ, которые распубликованы въ Полномъ Собраніи Законовъ, можно встрѣтить противорѣчія по разсматриваемому вопросу о прогонныхъ таксахъ 1710—1712 гг. Интереснымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Сенатскій указъ 12 Ноября 1712 г. [4]): «которые», сказано въ немъ, «посылаться будутъ отъ Царскаго Величества и отъ комнатъ Благовѣрныхъ Государынь Царицъ и Государя Царевича и Благовѣрныхъ Государынь Царевенъ, тако-жъ и отъ Правительствующаго Сената посланные съ письмами и съ другими какими вещами и припасы, и съ денежною казною, и съ мундиромъ въ С.-Петербургъ и до Риги и въ армію и отъ Риги до Москвы на почтовыхъ и ямскихъ подводахъ и на тѣ подводы *въ С.-Петербургской губерніи имать на ямскія подводы* прогонныя деньги по прежнему указу *по 3 деньги на 10 верстъ, а почтовыя давать безденежно, а поверстныхъ денегъ по прежнимъ указамъ какъ на ямскія, такъ и на почтовыя подводы* до указа *не имать* для того, что отъ такихъ посылокъ тѣ деньги даются изъ Его Царскаго Величества казны». Сопоставляя настоящій

---

[1]) Указанное выше дѣло Адмиралтейской Канцеляріи 1712 г. № 65.

[2]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. I, стр. 216.

[3]) Тамъ-же, т. II, книга 1, стр. 437.

[4]) П. С. З. № 2604.

указъ съ цитированными выше, не трудно замѣтить, что онъ противорѣчитъ не только общему началу указной практики того времени, согласно которому прогонная плата за почтовыхъ лошадей устанавливалась въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ за ямскихъ, но и постановленію Именнаго указа 1 Іюля 1710 г. о томъ, что курьеры Государя были освобождены въ Петербургской губерніи отъ платежа поверстныхъ денегъ какъ за почтовыя, такъ и за ямскія подводы.

Такимъ образомъ, прогонныя таксы перваго періода исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ не представляли собою чего-либо вполнѣ выработаннаго и опредѣленнаго; онѣ устанавливались, повидимому, безо всякой системы и, отличаясь чисто случайнымъ характеромъ, подвергались постояннымъ колебаніямъ и измѣненіямъ.

Выдача подорожныхъ на ямскія и почтовыя подводы Петербургскихъ трактовъ производилась обыкновенно оттуда, «откуда кому какіе прилучались отпуски», т. е., изъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ—приказовъ и канцелярій—и отъ тѣхъ должностныхъ лицъ —губернаторовъ, комендантовъ, ландрихтеровъ и другихъ судей,—отъ которыхъ посылались нарочные, курьеры и прочіе служащіе [1]). Иногда въ указахъ прямо поименовывались тѣ лица, которымъ предоставлялось право подписывать подорожныя; такъ, напр., въ Именномъ указѣ 17 Апрѣля 1708 г. предписывалось давать почтовыя подводы отъ Петербурга по подорожнымъ за подписью адмирала Апраксина, а на время отсутствія его изъ Петербурга за подписью оберъ-комендаnта Брюса [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда почтовый трактъ устраивался для цѣлей одного какого-либо вѣдомства, выдача подорожныхъ для проѣзда по такому тракту сосредоточивалась въ рукахъ высшихъ должностныхъ лицъ этого вѣдомства; примѣрами могутъ служить Петербургско-Каргопольскій почтовый трактъ, для проѣзда по которому подорожныя выдавались изъ одной только Адмиралтейской Канцеляріи за руками адмирала Апраксина и адмиралтейскаго совѣтника Кикина, и учрежденный въ 1712 г. въ Петербургской и Смоленской губерніяхъ почтовый трактъ для сношеній съ арміею, на которомъ подводы давались только по подорожнымъ за подписью фельдмаршала Шереметева и оберштеръ-кригскоммисара Чирикова. Ограниченія въ выдачѣ подорожныхъ допускались также тогда, когда почтовый трактъ по той или другой причинѣ переносился временно на новыя мѣста, въ

[1]) П. С. З. №№ 2294, 2309, 2345, 2604, 2745 и др.

[2]) Указанное выше дѣло Воинскаго Морскаго Приказа 1703 г. № 28.

которыхъ не имѣлось достаточнаго числа лошадей, или когда на опредѣленныхъ трактахъ понижались для извѣстныхъ надобностей прогонныя таксы на ямскія и почтовыя подводы. Такъ, когда Петербургско-Московскій почтовый трактъ былъ перенесенъ въ 1710 г. на Ладогу, Тихвинъ, Устюжну Желѣзнопольскую и Кашинъ, а въ 1711 г.—на Старую Руссу, Ржевъ-Володимировъ и Волоколамскъ, выдача подорожныхъ для проѣзда по этимъ временнымъ трактамъ была предоставлена только двумъ лицамъ, завѣдывавшимъ тогда Московскимъ Ямскимъ Приказомъ,—боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу и стольнику Матвѣю Алексѣевичу Головину [1]; затѣмъ, когда посланнымъ отъ царской фамиліи и отъ Правительствующаго Сената въ Петербургъ, до Риги и въ армію и отъ Риги до Москвы повелѣно было отпускать въ Петербургской губерніи ямскія подводы за пониженные прогоны—3 деньги на 10 верстъ съ лошади, а почтовыя подводы—безплатно (указъ 12 Ноября 1712 г.), то выдача подорожныхъ для такихъ посланныхъ была разрѣшена одной только Канцеляріи Правительствующаго Сената [2]).

Съ упраздненіемъ въ 1711 г. Московскаго Ямскаго Приказа завѣдываніе ямскою гоньбою перешло къ Правительствующему Сенату и къ губернскимъ начальствамъ, въ рукахъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилась и выдача подорожныхъ. Точныя указанія на это содержатся, однако, лишь въ законодательныхъ памятникахъ втораго періода исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ, о чемъ и будетъ сказано ниже.

Какъ мы уже видѣли изъ приведеннаго образца подорожной 1700 г., въ документахъ этихъ прописывались имена и званія проѣзжающихъ, число ихъ, количество подводъ, которое имъ слѣдовало отпустить, мѣсто и цѣль поѣздки. Мрочекъ Дроздовскій, изучавшій подорожныя Петровскаго времени въ Архивѣ Министерства Юстиціи, говоритъ о внѣшнемъ видѣ ихъ слѣдующее. «Большая часть подорожныхъ, попадавшихся намъ въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ, скорописныя, но между ними, хотя сравнительно рѣдко, попадаются и печатныя. Въ послѣднемъ случаѣ собственныя имена и другія частности вписывались въ пробѣлы, нарочно оставленные на печатной формѣ. Такая печатная подорожная выдана была, напримѣръ, въ 1712 г. княземъ Меншиковымъ (тогдашнимъ Пе-

---

[1]) П. С. З. №№ 2309 и 2312.
[2]) П. С. З. № 2604.

тербургскимъ губернаторомъ) Безобразову, назначенному въ Кіевскую губернію фискаломъ» [1]).

Наряду съ «подорожными» въ источникахъ того времени постоянно упоминаются еще, такъ наз., «*проѣзжія письма*». Письма эти выдавались не только служилымъ людямъ—сторожамъ, солдатамъ, иноземцамъ, дьякамъ, счетчикамъ и пр. [2]), но и частнымъ лицамъ, напр., раскольникамъ, жившимъ близъ Повѣнца [3]). Одинъ изъ образцовъ проѣзжаго письма, сохранившійся еще отъ временъ царя Алексѣя Михайловича, напечатанъ въ IV книгѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1883 г. подъ названіемъ «проѣзжая грамота огнестрѣльнымъ мастерамъ» (20 Сентября 7183 г.) [4]). Въ грамотѣ этой отъ имени царя предписывалось воеводамъ и приказнымъ людямъ *пропускать* мастеровъ *вездѣ по городамъ безъ задержанія*, давать имъ отъ города до города провожатыхъ, а обратнымъ провожатымъ и подводы. Сопоставляя содержаніе приведеннаго проѣзжаго письма съ Сенатскимъ указомъ 11 Февраля 1724 г., которымъ воспрещалось раскольникамъ, жившимъ близъ Повѣнца, отлучаться для торговыхъ промысловъ безъ проѣзжихъ писемъ [5]), нетрудно придти къ тому заключенію, что «проѣзжее письмо» ближе всего соотвѣтствуетъ понятію паспорта и потому едва-ли можетъ быть отождествляемо съ тѣмъ документомъ, который назывался «подорожной».

Какъ мы уже сказали выше, въ теченіе разсматриваемаго періода времени почтовыя сношенія Петербурга съ Москвою и другими городами не были приведены еще въ опредѣленную систему и отличались какъ-бы случайнымъ характеромъ. Сношенія эти производились обыкновенно посредствомъ почтарей, курьеровъ и служилыхъ людей, посылавшихся изъ Петербурга и въ Петербургъ съ указами, письмами и различными вещами на почтовыхъ лошадяхъ, что и называлось посылкою «по почтѣ», «на почтѣ» или «чрезъ почту». Почтари и нарочные отправлялись присутственными мѣстами и должностными лицами съ казенною корреспонденціею, совмѣстно съ которою перевозилась иногда и частная корреспонденція служащихъ.

[1]) Областное Управленіе Россіи XVIII вѣка. Москва, 1876 г. Часть I, стр. 327.

[2]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. V, 1 книга, стр. 199, 200, 301, 445, 511 кн. 2, стр. 620.

[3]) Сенатскій указъ 11 Февраля 1724 г. П. С. З. № 4467.

[4]) стр. 91—92.

[5]) П. С. З. № 4467.

Въ одномъ изъ архивныхъ дѣлъ Правительствующаго Сената сохранилось чрезвычайно интересное описаніе практиковавшагося въ то время способа перевозки корреспонденціи «по почтѣ». Подъячему Волкову были даны для доставки изъ Петербурга въ Москву указы и разныя письма, между прочимъ, «письма изъ Канцелярій—Артиллерійской въ мѣшечкѣ за сургучевою печатью и изъ Расправной—два пакета за сургучевыми-же печатьми»; «взявъ онъ, Волковъ, съ почтоваго двора почтовую лошадь съ проводникомъ и вышеписанныя письма, которыя положены были въ ящикѣ и запечатаны коммисарскою печатью съ приклеенным къ тому ящику ярлыкомъ, положилъ въ кулекъ и, ввязавъ въ торока, поѣхалъ къ Москвѣ.» Дорогою Волковъ потерялъ данныя ему письма, за что Правительствующій Сенатъ и приговорилъ его «бить кнутомъ нещадно» [1]).

На такой-же, какъ-бы, случайный характеръ почтовыхъ сношеній того времени указываетъ и сохранившееся въ одномъ изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ донесеніе ямскаго старосты Клинскаго яма о томъ, что 2 Декабря 1705 г. въ первомъ часу ночи пріѣхалъ со *спѣшной* почтой почтарь и въ томъ-же часу почта была отправлена далѣе [2]).

Болѣе или менѣе регулярный обмѣнъ корреспонденціи производился лишь между Москвою и Новгородомъ. По этой почтѣ письма посылались также въ Петербургъ и въ Швецію. Какъ видно изъ дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ запискою отпущеннымъ изъ Москвы и полученнымъ въ ней почтамъ 1709 г., Московская почта отправлялась въ Новгородъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года одинъ разъ въ недѣлю и при томъ въ одинъ и тотъ-же день недѣли (8, 15, 22 и 29 Апрѣля); въ Маѣ-же мѣсяцѣ, начиная съ 6 числа, отправленіе ея, хотя и сдѣлалось болѣе частымъ, но не производилось уже въ опредѣленные дни недѣли (6, 10, 16, 22 и не проставленнаго въ запискѣ числа Мая, затѣмъ 10 Іюня). Точно также не наблюдалось опредѣленныхъ сроковъ и при полученіи почты изъ Новгорода въ Москву: такъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ она была получена 6, 17 и 27 числа, въ Маѣ 22 и въ Іюнѣ 13 [3]). Въ пути между Новгородомъ и Москвою она находилась отъ трехъ

---

[1]) Докладъ и приговоръ 12 Августа 1715 г., назв. сборникъ, т. V, книга 2, стр. 737.

[2]) Дѣло 2 Декабря 1705 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 145.

[3]) Въ 1706 г. почта эта была отправлена изъ Новгорода въ Москву 9, 15 и 30 Мая, 9, 18, 21, 23 и 26 Іюля, 6, 12, 15 и 31 Августа, 14, 25 и 30 Сентября и 15 Октября.—Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Апрѣль—Декабрь 1706 г.

до пяти дней. Въ Москвѣ почта эта отпускалась изъ Посольскаго Приказа всегда съ однимъ и тѣмъ-же почтаремъ—Иваномъ Никитинымъ; въ Москву-же ее привозили разныя лица:—курьеры Поляковъ и Козляниновъ, прапорщикъ Луцкаго полка Карцевъ, человѣкъ К. А. Нарышкина, стряпчій Новгородскаго архіерея Денисовъ и пр. [1]). Такъ какъ съ Московско-Новгородскою почтою корреспонденція отправлялась и въ дальнѣйшіе города—Петербургъ, Нарву и Стокгольмъ, то изъ Новгорода такая переходящая корреспонденція посылалась, несомнѣнно, съ курьерами или нарочными почтарями. Нѣкоторый намекъ на подобный способъ пересылки корреспонденціи изъ Посольскаго Приказа въ Петербургскую губернію встрѣчается въ письмѣ Государственнаго Канцлера графа Головина Правительствующему Сенату 26 Февраля 1711 г. «о непрестанныхъ посылкахъ изъ Посольскаго Приказа во всѣ губерніи для дѣлъ нужнѣйшихъ» [2]). Кромѣ того, въ источникахъ содержится и прямое указаніе на то, что въ Новгородѣ на Московскую почту сдавались «одинакія сумы, присланныя изъ Петербурга».

Каждая отходившая въ Новгородъ и каждая приходившая въ Москву почта записывалась въ особую тетрадь, изъ которой и извлечены изложенныя выше свѣдѣнія объ этой почтѣ. Такія записи интересны въ томъ отношеніи, что по нимъ можно составить себѣ довольно полное представленіе объ отдѣльныхъ видахъ пересылавшейся съ Московско-Новгородскою почтою корреспонденціи и о способахъ задѣлки ея. Приводимъ двѣ наиболѣе характерныя записи—одну отпущенной почтѣ и другую полученной:

1) «1709 года Апрѣля 15-го отпущена почта съ Москвы изъ Государственнаго Посольскаго Приказа въ Великій Новгородъ и въ прочіе города, тверскія слободы съ почтаремъ Иваномъ Никитинымъ, въ холщевомъ мѣху за полковою почтовою печатью краснаго сургуча, а съ ней да ландрихтера Якова Римскаго-Корсакова съ денщикомъ со Львомъ Каменевымъ на почтовыхъ на двухъ подводахъ 3 грамоты: одна въ Новгородъ коменданту И. Ю. Татищеву, двѣ во Псковъ К. А. Нарышкину; указъ въ Ладогу провіантмейстеру Г. И. Бестужеву; пакетъ изъ Адмиралтейскаго Приказа дьяку Т. Долгово при С.-Петербургѣ; пакетъ въ Стокгольмъ Я. Ѳ. Долгорукову; то же и туда И. Ю. Трубецкому; письмо туда-же А. М. Головину; посылка въ холстинной оберткѣ въ С.-Петербургъ въ домъ князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго человѣку его Василью;

---

[1]) Дѣло 6 Апрѣля 1709 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 154.

[2]) Письмо это приведено въ Сенатскомъ указѣ 10 Апрѣля 1711 г. П. С. З. № 2345.

пакетъ писемъ изъ Дворцовой Канцеляріи въ Новгородъ дьяку Андрею Семеновичу Юдину; письмо въ С.-Петербургъ оберъ-коменданту В. В. Брюсу; грамота въ Великій Новгородъ коменданту И. Ю. Татищеву изъ Разряда о шведахъ. Таковыя почтовыя письма и посылки принялъ Левъ Каменевъ и росписался»

и 2) «1709 года Апрѣля 17-го почта изъ Великаго Новгорода, которая отпущена сего Апрѣля въ « » день (числа въ рукописи нѣтъ), съ курьеромъ Александромъ Козляниновымъ, а въ ней отписка въ Помѣстный Приказъ о присылкѣ денежной казны, отписка въ Провіантскій Приказъ; мѣхъ съ письмами оберъ-коменданта надъ Псковомъ и Нарвою К. А. Нарышкина на Московскій его дворъ; мѣшечекъ съ письмами Новгородскаго митрополита; пакетъ Златоустовскаго монастыря архимандриту Антонію». . . . .

Изъ сдѣланнаго нами описанія устройства Московско-Новгородской почты видно, что она мало чѣмъ отличалась отъ Воронежской и Азовской почтъ XVII столѣтія [1]), организацію которыхъ мы назвали выше переходною ступенью отъ старинной ямской гоньбы къ почтѣ въ современномъ значеніи этого слова. Въ такомъ фазисѣ своего развитія почта не была еще общественнымъ установленіемъ: она продолжала служить исключительно правительственнымъ цѣлямъ, подобно прежней ямской гоньбѣ. Она все еще отправлялась изъ приказовъ и перевозилась не только спеціально предназначенными для того людьми—почтарями, но и другими совершенно посторонними лицами—подьячими, стряпчими, офицерами, денщиками и проч. Особаго почтоваго учрежденія, которое вѣдало-бы пересылку корреспонденціи и перевозку проѣзжающихъ, въ Петербургѣ въ то время еще не существовало. Съ другой стороны, ходъ почты въ разсматриваемый періодъ дѣлается болѣе правильнымъ и постояннымъ. Въ этомъ отношеніи Московско-Новгородская почта значительно уже отличается отъ прежней ямской гоньбы, хотя сроки отправки и полученія ея все еще подвергаются значительнымъ колебаніямъ и не могутъ быть названы вполнѣ опредѣленными и точными.

---

[1]) Даже самыя подорожныя всѣхъ этихъ почтъ писались по одному и тому-же образцу: такого-то года и числа, въ такомъ-то часу и четверти, отпущена почта оттуда-то и туда-то, съ такимъ-то ямщикомъ, въ столькихъ-то мѣшкахъ и др. почтовыхъ вещахъ, «а ѣхать ему и инымъ почтарямъ по почтовымъ станамъ наскоро день и ночь, нигдѣ не мѣшкая ни четверти часа, а въ часъ ѣхать по 15 верстъ, въ пріемѣ и въ отдачѣ въ цѣлости печати почтарямъ другъ за другомъ росписываться имянно, а буде который почтарь въ пути ѣхать будетъ медленно или оплошно и въ указанные часы не поспѣшитъ или письма подмочитъ или утеряетъ, и за то такимъ почтарямъ по указу Великаго Государя учинена будетъ смертная казнь».

Необходимо замѣтить, что въ докладѣ къ Сенатскому приговору 12 Сентября 1712 г. содержится, между прочимъ, ссылка на «Именной Царскаго Величества указъ о почтѣ, которая ходила съ Москвы чрезъ Псковъ въ Ригу», а именно, будто, «нынѣ (въ 1712 г.) ту почту съ Москвы велѣно отправлять на С.-Петербургъ и на Нарву и изъ Нарвы въ Ригу и о томъ во всѣ губерніи указы посланы» [1]). Возможно, что съ этою именно цѣлью и былъ посланъ изъ Петербурга въ Ригу почтмейстеръ Тарбѣевъ, учреждавшій въ 1712 г. подставы въ Рижской губерніи и ставившій на каждой изъ нихъ по 20 лошадей, какъ мы видѣли выше при описаніи первоначальнаго устройства Петербургско-Рижской почтовой дороги. Тѣмъ не менѣе въ источникахъ не сохранилось указаній на то, чтобы помянутый указъ былъ приведенъ въ исполненіе въ 1712 г. Напротивъ, изъ распубликованнаго въ Полномъ Собраніи Законовъ другаго, позднѣйшаго по времени, Именнаго указа 5 Сентября 1712 г. о назначеніи двухъ дней въ недѣлю для отправленія почтъ заграницу и въ г. Архангельскъ [2]) видно, что иностранная или, т. наз., заморская почта, «на которой посылались къ Его Царскаго Величества Министрамъ, пребывающимъ въ окрестныхъ государствахъ, Его Великаго Государя указы и нужнѣйшія письма и переводные векселя», ходила тогда изъ Москвы по одному только направленію—через Смоленскъ. Очевидно, указъ, упоминаемый въ докладѣ къ Сенатскому приговору 12 Сентября 1712 г., предрѣшилъ лишь вопросъ о будущемъ устройствѣ Московско-Петербургско-Рижской почты, которое осуществилось лишь впослѣдствіи—въ 1715 году.

Такимъ образомъ, обобщая все сказанное объ устройствѣ почтовыхъ станцій и управленіи ими, о почтовой гоньбѣ и о ходѣ почтъ въ первый періодъ исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ, мы можемъ характеризовать этотъ періодъ, какъ *переходный*. Съ одной стороны, онъ близко еще соприкасается съ прежними Московскими порядками ямской гоньбы; съ другой же, въ немъ различаются уже нѣкоторые элементы новаго почтоваго устройства, конечно, еще въ первоначальной стадіи ихъ развитія. Къ нему въ особенности слѣдуетъ отнести слова, сказанныя Брикнеромъ о состояніи русской почты въ XVIII столѣтіи:—«эпоха между азіатскими почтовыми установленіями персовъ и монголовъ и современною

---

[1]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. II, книга 2, стр. 215.

[2]) П. С. З. № 2579.

организаціею почтовой части въ культурныхъ государствахъ Западной Европы» [1]).

Въ это переходное время потребность въ устройствѣ повсемѣстной и доступной для всѣхъ почты ощущалась все болѣе и болѣе настоятельно какъ государственною властію, такъ и частными лицами «отъ малаго чина до великаго». Попытка правительства удовлетворить такой потребности его въ повсемѣстныхъ почтовыхъ сношеніяхъ нашла себѣ выраженіе на практикѣ въ учрежденіи по всѣмъ губерніямъ, такъ называемыхъ, нарочныхъ почтъ для сношеній Правительствующаго Сената съ губернскими начальствами чрезъ состоявшихъ при немъ коммисаровъ отъ губерній. «По Его Великаго Государя указу», читаемъ мы въ Сенатскомъ указѣ 28 Марта 1712 г.: «Правительствующій Сенатъ приговорили послать во всѣ губерніи указы—которые коммисары при Сенатѣ быть опредѣлены и *къ тѣмъ коммисарамъ* о настоящихъ дѣлѣхъ противъ посланныхъ изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената указовъ, *что въ губерніяхъ управлено и чего зачѣмъ не управлено, присылать вѣдѣніе о всемъ по вся недѣли чрезъ почту и для того учинить во всѣхъ губерніяхъ нарочныя почты*, чтобъ тѣ коммисары Правительствующему Сенату во всякихъ дѣлѣхъ могли отвѣтствовать» [2]). Почтовыя сношенія коммисаровъ Сената съ губернскими начальствами велись посредствомъ солдатъ, которыхъ губерніи назначали къ нимъ человѣкъ по 10 [3]). Для того же, чтобы въ такихъ сношеніяхъ коммисаровъ съ губерніями не было задержки, Сенатъ предписалъ Ямскому Приказу давать посылаемымъ отъ нихъ лицамъ подводы.

Губернскія почты 1712 г., обязанныя своимъ возникновеніемъ новой системѣ государственнаго управленія—учрежденію Сената съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему губерній, были прообразомъ государственной или, такъ называемой, ординарной почты 1720 г. Въ годъ установленія ихъ (1712) графъ Шереметевъ писалъ Сенату, что надо учредить почты, «дабы въ посланіи писемъ остановки не было, *понеже то самое первое и нужное дѣло и безъ того обойтиться не можно*» [4]).

---

[1]) Russisches Postwesen im 17 und 18 Jahrhundert — статья, напечатанная въ Zeitschrift für allgemeine Geschichte, Kultur-Literatur und Kunstgeschichte, herausgegeben von Zwiedineck—Südenhorst, 1884, Heft 12, стр. 882, 908.

[2]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло графа Апраксина 1712 г. № 40.

[3]) *Петровскій.* О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, Москва, 1875 г., стр. 89.

[4]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. II, книга 2, стр. 215, докладъ къ приговору 12 Сентября 1712 г.

Черезъ шесть лѣтъ, когда учрежденіемъ коллегій вносились снова измѣненія въ систему государственнаго управленія въ смыслѣ установленія большей централизаціи и разграниченія вѣдомствъ и когда губерніи должны были стать въ непосредственныя сношенія съ этими новыми инстанціями, заслонившими отъ нихъ Сенатъ, ту же мысль о повсемѣстномъ учрежденіи почтъ мы встрѣчаемъ въ меморіалѣ иноземца Фика 1718 г.:—«коллегіямъ дѣла свои управлять не можно, ежели порядочная верховая почта чрезъ всѣ главные городы и губерніи государства единожды или дважды въ недѣлѣ не пойдетъ—*сіе есть одно изъ потребнѣйшихъ и при томъ легчайшихъ дѣйствъ*» [1]). Результатомъ этого представленія Фика, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и было учрежденіе, такъ называемой, государственной почты. Какъ въ первомъ случаѣ идею, высказанную графомъ Шереметевымъ, можно поставить въ связь съ учрежденіемъ губернскихъ почтъ 1712 г., такъ во второмъ случаѣ результатомъ меморіала Фика было учрежденіе государственной почты. Интереснѣе всего, что въ обоихъ случаяхъ повсемѣстное учрежденіе правительственныхъ почтъ въ Россіи послѣдовательно совпало съ двумя коренными реформами центральнаго государственнаго управленія въ царствованіе Петра Великаго [2]).

Если правительство было заинтересовано въ повсемѣстности учрежденія правильныхъ почтъ для административныхъ цѣлей, то, съ другой стороны, общество и въ особенности торговый его классъ въ то время начали уже сознавать необходимость такихъ же почтъ и для надобностей частныхъ лицъ «отъ малаго чина до великаго». Предположенія объ устройствѣ въ Россіи почтъ для коммерческихъ цѣлей высказывались отдѣльными лицами еще въ половинѣ XVII вѣка. Какъ тогда, такъ и позднѣе образцомъ для такихъ проектовъ служило устройство почтъ въ западно-европейскихъ и въ частности въ германскихъ государствахъ. Одинъ изъ подобныхъ проектовъ XVII столѣтія сохранился въ изданной Безсоновымъ рукописи временъ царя Алексѣя Михайловича подъ названіемъ «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». Хотя слово «почта» тогда употреблялось уже въ приказномъ языкѣ [3]), тѣмъ не ме-

[1]) П. С. З. № 3208 п. 6.

[2]) *Градовскій.* Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры. СПБ. 1866 г., стр. 81 и слѣд.

Петровскій, назв. соч., стр. 95 и слѣд.

Мрочекъ-Дроздовскій, назв. соч., стр. 141 и др.

[3]) *Лаппо-Данилевскій.* Поверстная и указная книги Ямскаго Приказа. СПБ. 1890 г. На указной книгѣ Ямскаго Приказа XVII вѣка сохранилась слѣд. помѣта: «сия книга імепустца *подчтарная*» (стр. 5, выноска).

ніе его не встрѣчается въ рукописи, изданной Безсоновымъ. Авторъ говоритъ только объ «уставныхъ гонцахъ». Свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о нихъ, доказываютъ, что ему было извѣстно устройство главнымъ образомъ германскихъ почтъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если сравнить содержаніе проекта объ уставныхъ гонцахъ съ современными ему германскими почтовыми постановленіями и съ сочиненіями германскихъ писателей о почтахъ XVII столѣтія—Романуса, Вейгеля и др. [1]).

Еще болѣе интересную и при томъ непосредственно относящуюся къ разсматриваемому періоду времени рукопись объ устройствѣ въ Россіи почты для общаго пользованія намъ удалось розыскать въ Архивѣ Морскаго Министерства. Рукопись эта находится въ одномъ изъ дѣлъ 1710 года [2]) и носитъ названіе «Уложеніе, каковымъ образцемъ почту держатъ не една нацыя, но и прочие во всей Европѣ, отъ чего въ казну бываетъ немалая прибыль, а всему народу довольство». Къ сожалѣнію, отдѣльные листы ея, съ правой стороны, нѣсколько истлѣли, вслѣдствіе чего недостающія слова приходится восполнить по общему смыслу. Содержаніе рукописи раздѣлено авторомъ на 10 пунктовъ и изложено въ повѣствовательной формѣ.

«Единъ шляхтичъ богатый или купецъ», начинаетъ авторъ: «даетъ челобитную...... (въ кото)рой проситъ, дабы его пожаловали чиномъ, именованнымъ Генералъ-Почтъ-Мейстера, и дабы *никому иному во всемъ государствѣ не было повелѣно почту держать кромѣ его* и отъ него постановленнымъ коммисарамъ, а онъ повсегодно въ казну.... заплатить нѣкоторое уреченное число денегъ есть долженъ и облигуеть... (держать) почту по всему государству отъ города до города во всякой до-

[1]) Приводимъ этотъ любопытный проектъ въ подлинникѣ. «О поспѣшенію домашнего торговства. Торговство общее ся поспѣшаетъ сими способами:... 5) въ Европскихъ странахъ, опрочь Польскія земли, обрѣтаются вездѣ нѣкаковы уставны гонцы, кои суть повинны (обязаны) всякій тѣдень (недѣлю) отъ влака (волока) до влака течи на коню зъ грамотами всякихъ людей. Во всякомъ граду есть назначенъ въ тѣдню (въ недѣлю) день и часъ, въ кій часъ мораетъ гонецъ засѣсть и потечь цѣлымъ скокомъ (во всю прыть). И бѣжитъ онъ съ листми (письмами) токмо чезъ свой влакъ, съ 15 или зъ 20 верстъ, до ближнего другого гонца. Другой гонецъ онъ-же часъ (тотчасъ-же) пріемши листы повиненъ есть побѣжать, будь въ день, будь въ ночь, въ сухо и въ дождженo время. А гдѣ ко коему граду пріѣзджаетъ, затрубитъ въ рогъ, и гражаны суть повинны (обязаны) во всякую пору ночи отворить му градъ. Всякій чловѣкъ можетъ къ таковому гонцу принесть листъ и двѣ деньги: и гонецъ есть повиненъ пріять и занесть (отнести) листъ. По тѣхъ гонцѣхъ (посредствомъ сихъ гонцовъ) поспѣшается торгованіе и торговеческо взаемное проразумѣніе (соотношеніе)».— Приложеніе къ № 1 Русской Бесѣды за 1859 г., стр. 20.

[2]) Дѣло Канцеляріи графа Апраксина 1710 г. № 10.

*

вольности ло(шадей), такъ и людей своимъ коштомъ, дабы жадному (нуждающемуся) человѣку отъ малаго чина до великаго, ниже курьеру, ниже письмамъ не было нигдѣ остановки безъ задержанія, но дабы всякъ свое дѣло и свой путь и свое желаніе могль исправить по своему хотѣнію съ обыкновеннымъ платежомъ» (п. 1). Принявъ челобитную, Министры, прежде всего, собираютъ свѣдѣнія о просителѣ и затѣмъ, «взявъ за его довольную поруку», назначаютъ торги на содержаніе почты. Почту сдаютъ на откупъ тому, кто предложитъ за нее наибольшую сумму денегъ въ государственную казну. Такой откупщикъ получаетъ по особому декрету Государя званіе Генералъ-Почтъ-Мейстера [1]), при чемъ ему вмѣняется въ обязанность «чинъ свой содержать въ равности, въ вѣрности и довольству коньми, (лю)дьми, дворами, телѣгами и проч., что надлежитъ» (п. 2). Вмѣстѣ съ тѣмъ декретъ предоставляетъ ему исключительное право на перевозку частной корреспонденціи: «дадутъ ему декретъ и мочь сицевымъ образомъ всѣ письма, (гра)моты отъ перваго даже до послѣдняго чина людей, которыя посылаютъ (отъ) города до города, вся чрезъ его и коммисаровъ его послана быть имѣютъ, а не чрезъ (иныхъ) подъ пенею отъ нѣкотораго штрафу».

Что касается платы за письма и прочихъ условій пересылки ихъ, то по этому вопросу въ проектѣ содержатся слѣдующія предположенія: «за провозъ же тѣхъ писемъ въ томъ-же (декре)тѣ означитъ, по какой цѣнѣ доведется ему брать отъ золотника, подумавъ разс(тоянія) мѣста отъ города до города, дабы онъ моглъ въ уреченныхъ мѣстѣхъ держать др(угихъ) чрезъ его коммисара гонцовъ и лошадей, письма отпускать всякой недѣли въ уреченный день, а именно въ понедѣльникъ, во вторникъ, въ среду и въ четвергъ почты отпускаются всякаго дня въ разныя губерніи, дабы всякій человѣкъ моглъ чрезъ письма (въ) вольности по всему государству дѣла свои исправлять и въ вѣрности корреспондо-

---

[1]) Въ большинствѣ германскихъ государствъ званіе Генералъ-Почтмейстера было въ то время наслѣдственнымъ. Въ Германской Имперіи оно принадлежало княжескому дому Турнъ и Таксисъ; въ Австріи—фамиліи графовъ фонъ—Пааръ, въ Пруссіи—фамиліи фонъ Вартенбергъ, въ Ганноверѣ—фамиліи графовъ фонъ-Платенъ и др. (*Stole.* Geschichte der deutschen Post, стр. 26).

Сдача почтъ на откупъ практиковалась тогда въ Саксоніи, въ Силезіи и во Франціи.

Торги-же на содержаніе почтовой гоньбы, какъ видно изъ источниковъ, назначались въ Россіи еще въ концѣ XVII столѣтія; такъ, вскорѣ по учрежденіи Азовской почты, почтовую гоньбу отъ Азова велѣно было «*съ торгу* отдать полковнику Николаю Васильеву за 240 рублевъ», затѣмъ по окончаніи этого подряда «по многіе дни въ Азовѣ кликано биричемъ, чтобъ для подряду въ гоньбѣ той почты *къ торгу* охочіе люди шли въ приказную палату». – Дѣло Приказа Воинскаго Морскаго Флота 1702 г. № 22.

в(ать), заплативъ уложенное число денегъ отъ писемъ золотниковъ; на томъ-же дворѣ почтмейстера и его коммисаровъ строится большая лавка или изба — столько ок(онъ), въ сколько дней отпускается почта; на окошкахъ написано быть имѣетъ.... словами: почта отпускается въ тотъ день, въ тую губернію и въ той же.... (*слѣдующее слово истлѣло*); подъ окошкомъ сдѣлана у стѣны дирка, чрезъ которую можетъ всякій человѣкъ письма бросить въ лавку, отъ которыхъ ничего платить не доведется, когда броситъ,—сіе ради меньшой турбаціи и большаго бережения писемъ, отъ которыхъ, ежели-бы было заплачено напредь, то бы почтарь не берегъ письма съ такимъ прилежаніемъ, какъ бережетъ для своихъ прибытковъ, ибо, когда письма собираетъ и пріидутъ чрезъ его гонцовъ въ посланныя мѣста, тамошніе его корреспонденты о (вѣ)сѣ мѣрятъ и по вѣсу заплату имаютъ, безъ которой жаднаго (интереснаго) письма никому не отдадутъ: отъ чего три добрая происходятъ—государству прибытокъ, народу способъ и корреспонденція скорая, почтмейстеру не малый пожитокъ» (п. 3).

Относительно пересылки посылокъ и цѣнностей въ проектѣ имѣется особый пунктъ: «кто похочетъ послать чрезъ почту посылку или дорогое товарце, долженъ запечатать крѣпко въ ящикъ или пакетъ, на почту отнести, почтмейстеру показать, полюбовно сторговаться, прежде провозъ заплатить, а потомъ почтарю посылку отдать съ роспискою; ежели пропадетъ отъ его людей или нерадѣнія или невѣрности, то почтмейстеръ долженъ заплатить толико-же число, сколько посылщикъ въ отдачѣ и въ росписи означилъ» (п. 5).

Кромѣ пересылки корреспонденціи съ обыкновенными почтами, проектъ предусматриваетъ еще отправку по почтѣ нарочныхъ курьеровъ: «кто за какимъ дѣломъ или съ письмомъ желаетъ послать нарочнаго курьера чрезъ почту, никому не заказано, но вольно сицевымъ образцемъ отъ города до города или съ одной губерніи въ другую или по верстамъ по разстоянію мѣста, означится въ декретѣ, коликое число заплатить доведется, отъ курьера почитаемо на два кони, единъ курьерскій, а другой-же проводникъ почтарь». Передъ отъѣздомъ курьеръ долженъ взять подорожную отъ почтмейстера и заплатить причитающіяся съ него деньги впередъ. Ему разрѣшается брать съ собою только легкія посылки и письма своего господина и ѣхать только за дѣломъ, съ которымъ онъ посланъ, «дабы отъ такихъ посылокъ почтѣ убытку не было» (п. 4).

Таковы постановленія проекта о пересылкѣ по почтѣ корреспонденціи и эстафетъ. О перевозкѣ пассажировъ на почтовыхъ лошадяхъ въ немъ

говорится лишь какъ объ исключительномъ случаѣ, именно, если бы какая либо особа пожелала «чрезъ почту наскоро трактовать съ многолюдствомъ» и ей «чрезвычайно надобно было лошадей». Въ подобномъ случаѣ такая особа должна, по словамъ проекта, «передъ нѣколико дни почтмейстеру походъ, намѣреніе и число лошадей объявить и заплатить, какъ курьеръ съ лошади всякой, дабы могъ почтмейстеръ прежде на почтахъ кони поставить и къ прежнему прибавить; въ такихъ случаяхъ прибавить не трудно: почтмейстеръ можетъ нанять съ великою заплатою посадскимъ или мужикомъ отъ города до города или отъ почты до почты, та-жъ особа можетъ путь свой въ скорости и безъ жадной турбаціи править» (п. 6).

Почтѣ и сопровождающимъ ее почтарямъ проектъ предоставляетъ особыя преимущества и особую охрану въ пути: «никто подъ смертнымъ наказаніемъ, не смотрѣвъ чина.... *(истлѣло)*, имѣетъ почту, почтаревъ, ни почтарскихъ коней не токмо турбов(ать, но до)рогу свободную дать, и по праву себѣ на дорогу пропустить, хотя бъ (на)чальный былъ, *понеже почта имѣетъ государевъ интересъ и всего на(рода* и еже)-ли кто военнаго чину оную хочь мало остановитъ или затур(буетъ или) лошадь возьметъ, то, гдѣ будетъ пойманъ, по расправѣ да разстрѣлянъ б(удетъ безо) всякаго милосердія, а, ежели кто изъ посадскихъ или мірскихъ и прочихъ чиновъ (почту оста)новитъ или лошадь безъ почтарской воли возьметъ или какое насильство (учинитъ), то на почтѣ четвертованъ будетъ и на четырехъ почтахъ части его повѣ(шаны бу-дутъ)» (п. 7). Со своей стороны, «почтарь, почтмейстеръ, коммисаръ, гонецъ его и всѣ, которые н(а почтѣ) служатъ, никого на дорогѣ турбовать не должны, ничьей лошади ни (на ко)торомъ мѣстѣ отнюдь не отнимать подъ жестокимъ смертнымъ на(казаніемъ), токмо, ежели лошадь его станетъ, то по вольности на деньги свою дру(гую) купитъ или чрезмѣрнымъ иждивеніемъ чужую найметъ, подъ смертнымъ (наказа)-заніемъ ни за которую причину дѣло и письма да не остановятся» (п. 8).

Въ заключеніе проектъ опредѣляетъ отвѣтственность почтмейстера: «почтмейстеръ и коммисары его должны удерживать людей къ то(му) дѣлу искусныхъ и коней добрыхъ, дабы дѣло свое могли управлять по уло-(же)нію, а, ежели дѣло остановится или письма за худостію людей и лошадей (*слѣдующее слово истлѣло*), то почтмейстеръ не токмо въ остановкѣ убытокъ заплатить долженъ, но и подъ великимъ штрафомъ остается» (п. 9).

Авторъ рукописи предлагаетъ напечатать составленное имъ уложеніе на государевомъ печатномъ дворѣ для продажи почтмейстеру, который

долженъ вручать его вмѣстѣ съ подорожною всякому гонцу, курьеру и ѣздоку, «да познаетъ каждый изъ нихъ почтовое обхожденіе и уложеніе и да ясно увидитъ свою вину въ преступленіи сего, да не можетъ на суду отвѣтить, аще въ вину попадется, что онъ того уложенія не зн(алъ), и Богъ вышній всякому доброму человѣку въ правдѣ да пособствуетъ» (п. 10).

Мы разсмотрѣли съ такою подробностію этотъ послѣдній проектъ для того, чтобы выяснить происхожденіе и сущность почтовыхъ реформъ втораго періода исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ. Практиковавшіеся въ началѣ XVIII столѣтія способы пересылки корреспонденціи не удовлетворяли уже болѣе требованіямъ новой русской жизни. Образцовъ для преобразованія почты, точно такъ-же, какъ и прочихъ отраслей государственной администраціи, искали на Западѣ Европы. Если устройство высшихъ государственныхъ учрежденій при Петрѣ Великомъ было заимствовано изъ Швеціи [1]), то почта его времени была преобразована по образцу германскихъ государствъ и въ особенности Пруссіи. Слѣды германской почтовой организаціи наблюдаются уже въ цитированномъ выше проектѣ 1710 г., доказательствомъ чему служитъ какъ самое названіе управляющаго почтою Генералъ-Почтмейстеромъ (General-Postmeister, Erb-General-Postmeister современныхъ германскихъ государствъ), такъ и содержаніе отдѣльныхъ постановленій проекта [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій (объ особой охранѣ почты и почтарей въ пути и др.) мы встрѣтимъ впослѣдствіи въ Регламентѣ объ устройствѣ Петербургско-Рижской почты 1714 г., составленномъ не только подъ непосредственнымъ вліяніемъ германскихъ почтовыхъ правилъ, но даже и на нѣмецкомъ языкѣ. На прусскій характеръ почтовыхъ реформъ Петра Великаго впервые обратилъ вниманіе Стефанъ въ своей извѣстной «Geschichte der Preussischen Post». По его словамъ, Петръ Великій во время своихъ путешествій по Пруссіи чрезвычайно интересовался правильнымъ ходомъ мѣстныхъ почтъ и на практикѣ убѣдился въ важномъ значеніи ихъ и приносимой ими пользѣ. Въ этомъ отношеніи ближайшимъ совѣтникомъ царя былъ тогдашній начальникъ русскихъ почтъ вице-канцлеръ баронъ

---

[1]) *Сергѣевичъ*. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. СПБ. 1883 г., стр. 847—848.

[2]) На нѣмецкое происхожденіе проекта 1710 г. указываютъ также встрѣчающіеся въ немъ обороты рѣчи: «единъ шляхтичъ или купецъ» (нѣмецкое ein) и т. п., хотя, съ другой стороны, въ немъ попадается не мало и польскихъ словъ: «облигуется», «турбовать» и проч.

Шафировъ [1]). Впослѣдствіи Петръ Великій просилъ прусскаго короля не только прислать въ Петербургъ дѣйствовавшія въ Пруссіи почтовыя постановленія, но и уступить ему на нѣкоторое время знающаго почтовое дѣло чиновника, который могъ-бы устроить въ Россіи почты по прусскому образцу (въ 1722 г.). Желаніе царя было исполнено и въ слѣдующемъ-же году при содѣйствіи командированнаго въ Петербургъ прусскаго тайнаго секретаря Бертрама было открыто правильное движеніе верховыхъ почтъ изъ Мемеля въ Ригу, Ревель, Нарву, Петербургъ и оттуда въ Москву (Стефанъ, стр. 145).

Хотя о командировкѣ въ Петербургъ прусскаго тайнаго секретаря Бертрама намъ не удалось розыскать соотвѣтствующихъ указаній въ русскихъ источникахъ, тѣмъ не менѣе вліяніе Пруссіи на устройство русскихъ почтъ при Петрѣ Великомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только современные иностранные писатели о Россіи XVIII столѣтія, по словамъ которыхъ русская почта была поставлена Петромъ Великимъ «auf den deutschen Fuss» [2]), но и сохранившіяся въ разныхъ Архивахъ дѣла о почтахъ первой половины того-же столѣтія. Первыми русскими почтмейстерами и почтовыми чиновниками (секретарями и контролерами почтовыхъ конторъ) были нѣмцы, изъ которыхъ нѣкоторые не владѣли даже русскимъ языкомъ; все почтовое дѣлопроизводство велось на нѣмецкомъ языкѣ; центральное почтовое управленіе, сосредоточивавшееся въ рукахъ барона Шафирова, называлось въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени General-Post-Amt, а Петербургскій Почтамтъ еще и при Екатеринѣ II былъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ «нѣмецкой почты».

Такимъ образомъ разсмотрѣнная нами рукопись 1710 г. какъ-бы предуказала въ основныхъ чертахъ тотъ путь, которымъ должно было совершиться преобразованіе Петербургской почты во второмъ періодѣ ея существованія при Петрѣ Великомъ [3]).

---

[1]) *Jahn*. Versuch einer historischen Darstellung des Postwesens in Russland — рукопись 1842 г., хранящаяся въ Библіотекѣ Германскаго Имперскаго Почтамта.

[2]) *Веберъ*. Das veränderte Russland. Frankfurt und Leipzig 1744. I ч., стр. 126.

[3]) Проектъ 1710 г. настолько опередилъ свое время, что нѣкоторыя его положенія (напр., о порядкѣ пріема на почту цѣнныхъ отправленій и объ отвѣтственности за утрату ихъ, о предварительной заготовкѣ большаго числа почтовыхъ лошадей для проѣзжающихъ) были осуществлены на практикѣ лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Второй періодъ.

Начало втораго періода исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ ознаменовалось переселеніемъ ямщиковъ въ Петербургъ, установленіемъ правильнаго хода почтъ между Петербургомъ и окрестными городами и учрежденіемъ въ Петербургѣ почтоваго двора («почтъ-амта»). Всѣ эти событія относятся къ 1714 году.

Указъ объ устройствѣ въ Петербургской губерніи ямовъ и о поселеніи на нихъ ямщиковъ былъ собственноручно написанъ Петромъ Великимъ 27 Ноября 1713 г. [1]). Во исполненіе этого указа Правительствующій Сенатъ 2 Іюля 1714 г. предписалъ губернаторамъ «для поселенія ямщиковъ въ С.-Петербургѣ, на половинѣ до Волхова и на Волховѣ выбрать лучшихъ и семьянистыхъ и лошадныхъ людей, добрыхъ и пожиточныхъ, безо всякаго пристрастія, по роспискѣ, а именно: въ Петербургъ изъ Московской 73, изъ Ярославской провинціи 8, изъ Рижской 8, изъ Архангелогородской 16, итого 105 вытей; на половину до Волхова--изъ Казанской 42, изъ Кіевской 13, итого 55 и на Волховѣ изъ Азовской 38 (по 5 дворовъ въ выть), изъ Кіевской 18, итого 56, всего 216» [2]). На постройку домовъ, на кормъ и на годовое содержаніе ямщикамъ, поселеннымъ въ Петербургѣ, было назначено выдать по 60 рублей на выть, а ямщикамъ, поселеннымъ на половинѣ до Волхова и на Волховѣ (гдѣ жизнь стоила дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ), по 40 рублей на выть. Потребныя для того деньги опредѣлено было собрать съ ямщиковъ всего государства: съ остающихся въ губерніяхъ Европейской Россіи по 5 руб., а съ Сибирскихъ по 10 руб. съ выти; такая разница въ окладѣ была допущена потому, что во владѣніе первыхъ ямщиковъ должна была поступить земля переселенныхъ, а со вторыхъ, за дальностію разстоянія, ямскаго набора производить не предполагалось. Кромѣ денежнаго пособія, переселеннымъ ямщикамъ были даны въ Петербургской губерніи земли и всякія угодья подъ усадьбы, пашни и сѣнные покосы, а также отведены лѣса для рубки на строеніе. Приведеніе въ исполненіе указа Сената было возложено на особыхъ «нароч-

---

[1]) П. С. З. № 2741.

[2]) П. С. З. № 2833.

По исчисленію *Каразина*, сдѣланному въ его Исторической запискѣ о почтахъ въ Россіи (рукопись Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) всѣхъ ямщиковъ предполагалось переселить въ Петербургскую губернію 5048, а именно 216 вытей×на 7 дворовъ въ выти×на 4 души, полагавшіяся обыкновенно на каждый дворъ.

ныхъ» коммисаровъ отъ губерній. Первоначально были высланы ямщики съ плотничными снастями и съ лошадьми для возки припасовъ на строеніе, которые должны были окончить предварительныя работы по устройству ямовъ въ теченіе лѣта 1714 г., а затѣмъ по первому зимнему пути предполагалось переселить и прочихъ выбранныхъ ямщиковъ. Для того-же, чтобы вновь поселенные Петербургскіе ямщики «обжились безъ нужды», повелѣно было содержать ихъ «годнымъ кормомъ, также и распашкою земли и сѣмяннымъ на заводъ хлѣбомъ отъ тѣхъ-же губерній сборомъ съ оставшихъ ямскихъ вытей и для того съ деньгами быть при нихъ отъ каждой губерніи по коммисару». Устроить переселенныхъ ямщиковъ Сенатъ поручилъ Петербургскому Губернатору князю Меншикову, подъ своимъ верховнымъ наблюденіемъ.

Такимъ образомъ, Петербургскіе ямы, какъ основательно замѣчаетъ Хрущовъ [1]), легли новою тягостью на всѣ ямы государства: Сибирь давала на нихъ деньги, а прочія мѣстности и деньги и поселенцевъ.

Обременивъ своимъ устройствомъ и содержаніемъ прочіе ямы государства, новыя ямскія слободы Петербургской губерніи (построенныя около города Петербурга, на Тоснѣ и на Волховѣ) сами находились въ крайне бѣдственномъ состояніи. Усилившаяся со времени заселенія Петербурга гоньба, постоянно ощущавшійся недостатокъ въ людяхъ и транспортныхъ средствахъ, неблагопріятныя климатическія и бытовыя условія, наконецъ, крайняя дороговизна на предметы первой необходимости [2]) вскорѣ-же изнурили Петербургскихъ ямщиковъ до того, что правительству пришлось прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ для поддержанія сообщеній между столицами. Состоявшійся въ этомъ смыслѣ указъ Сената 16 Іюня 1720 г. наглядно изображаетъ печальное положеніе Петербургскихъ ямовъ того времени. Вмѣсто 105 вытей, въ Петербургъ было выслано только 95, да и изъ тѣхъ, по словамъ указа, «бѣжало и за скудностію не гоняли тридцать одна выть съ полувытью, понеже высланы были самые маломочные». Такимъ образомъ, къ 1720 г. въ Петербургѣ было на лицо лишь 64 гонебныхъ выти. На Тосненскомъ ямѣ изъ 55 поселенныхъ вытей умерло

---

[1]) Назв. соч., стр. 41.

[2]) По словамъ *Перри* (Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, пер. съ англ. кн. Дундуковой—Корсаковой. Изд. Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ при Москов. Унив. Москва 1871 г., стр. 27), около Петербурга «весьма трудно было тогда найти кормъ для лошадей и то по весьма дорогой цѣнѣ; рожь и другіе припасы обходились, по меньшей мѣрѣ, втрое или четверо дороже той цѣны, по которой продавались между городами Рыбинскомъ и Казанью».

и бѣжало 45, а на Волховѣ изъ 56 вытей—52, такъ что на первомъ ямѣ осталось только 10, а на второмъ всего 4 гонебныхъ выти. Всѣ оставшіеся на Петербургскихъ ямахъ ямщики «обрѣтались въ великой тягости, отъ чего и тѣ безпрестанно разбѣгались, понеже ямщики, которые за самою скудностію ямской гоньбы исправлять не могли, также которые разбѣжались, изъ губерній высланы были скудные, а лучшіе ямщики остались въ домахъ своихъ». Недостававшее до полнаго комплекта число ямщиковъ Сенатъ предписалъ дослать изъ губерній и провинцій для поселенія на отведенныхъ мѣстахъ Петербургской губерніи, при чемъ для сыска и водворенія на эти мѣста бѣглыхъ ямщиковъ, а также для осмотра и переписи по всѣмъ дорогамъ учрежденныхъ ямовъ и почтовыхъ становъ изъ Ямскаго Приказа были командированы «опредѣленные дворяне», которымъ воеводы должны были чинить всякое вспоможеніе [1]). Такимъ образомъ, одною изъ крайнихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для упорядоченія ямской гоньбы и облегченія ямской повинности, было закрѣпощеніе ямщиковъ или прикрѣпленіе ихъ къ извѣстнымъ ямскимъ слободамъ съ воспрещеніемъ перехода въ другія мѣста и состоянія и занятія другими промыслами. Черезъ два года послѣ переписи и сыска ямщиковъ дворянами Ямскаго Приказа Правительствующій Сенатъ назначилъ новую перепись ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми и свойственниками на ямахъ всѣхъ губерній и провинцій посредствомъ генералитета и штабъ-офицеровъ, посланныхъ «для переписи и свидѣтельства мужеска пола душъ»: «и при той переписи», сказано въ указѣ Сената 2 Іюля 1722 г., «ежели явятся изъ тѣхъ ямовъ выходцы въ дворцовыя и въ синодальныя волости или въ слободы и къ вотчинникамъ, и такихъ изъ тѣхъ мѣстъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы высылать на прежнія ихъ жилища немедленно» [2]). Закрѣпощая ямщиковъ, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только подтверждало всѣ прежнія права ихъ и привилегіи, но и изыскивало новые способы къ улучшенію ихъ быта и матеріальнаго благосостоянія. Въ отношеніи Петербургскихъ ямщиковъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе цѣлый рядъ указовъ объ отводѣ имъ достаточнаго количества удобной земли со всякими угодьями, а также о размежеваніи и описи ямскихъ земельныхъ участковъ [3]). Сенатъ подробно указывалъ, гдѣ и какъ слѣдовало

---

[1]) П. С. З. № 3600.

[2]) П. С. З. № 4042.

[3]) Сенатскій указъ 17 Августа 1720 г. П. С. З. № 3630, Именные указы 2 Мая и 6 Декабря 1723 г. П. С. З. №№ 4209 и 4387 и др.

отводить земли ямщикамъ, заботился о томъ, чтобы такія земли отмежевывались поблизости отъ ямской слободы и были «угодны на пашню и сѣнные покосы, а буде по осмотру явятся болота и на пашню и на сѣнные покосы не угодны, то вмѣсто той болотной на пашню и сѣнные покосы неугодной земли намѣрять другую землю», наконецъ, самъ слѣдилъ за исполненіемъ своихъ распоряженій, предписывая подавать ему чертежи и описи ямскихъ земель. Въ тѣхъ случаяхъ, когда принадлежавшія Петербургскимъ ямщикамъ земли брали подъ заводы (напр., кирпичные, устроенные около Невскаго монастыря) или отдавали какимъ-либо челобитчикамъ (напр., князю Долгорукову была отдана принадлежавшая Тосненскому яму пустошь Кавгола), имъ отводили взамѣнъ взятыхъ другія удобныя земли изъ смежныхъ имѣній.

Изъ указовъ объ отмежеваніи земель Петербургскимъ ямщикамъ можно опредѣлить приблизительно то мѣсто, гдѣ они были поселены въ Петербургѣ. Мѣсто это находилось у рѣки Невы близъ Александро-Невскаго монастыря, подтвержденіемъ чему служатъ слѣдующія слова Именнаго указа 6 Декабря 1723 г.: «земли и сѣнные покосы ямщикамъ С.-Петербургской слободы, на полное число вытей (81), намѣрять *изъ земель Невскаго монастыря*, деревень Волковой и Купейной, *которыя земли и сѣнные покосы къ той слободѣ въ близости...*, *начении съ конца ямской слободы, которой отъ С.-Петербурга прямо до Черной рѣчки и тою рѣчкою вверхъ правою стороною и Нарвскою дорогою* сряду не обходя кирпичныхъ заводовъ и песчаныхъ бугровъ, которые подъ тою ямскою слободою» [1]). Отъ города Петербургская ямская слобода находилась, по словамъ Берхгольца, въ разстояніи пяти верстъ [2]). Въ ней ямщики держали постоялые дворы, гдѣ останавливались проѣзжающіе, и лавки, въ которыхъ продавались сѣно, овесъ и съѣстные припасы [3]).

Кромѣ отвода удобныхъ земель со всякими угодьями, для улучшенія быта ямщиковъ и облегченія лежавшей на нихъ повинности правительство принимало въ разсматриваемый періодъ тѣ-же мѣры, къ которымъ прибѣгало на практикѣ и ранѣе. Ограничивая отпускъ ямскихъ подводъ подъ рекрутъ, денежную казну и прочіе государевы нужнѣйшіе припасы, Правительствующій Сенатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывалъ «тѣ подводы изъ тѣхъ мѣстъ, откуда потребуются, накладкою припасовъ и отпусковъ больше

---

1) П. С. З. № 4387.

2) Дневникъ, пер. Аммона, ч. I, стр. 65.

3) П. С. З. № 4209.

однихъ сутокъ отнюдь не держать, дабы въ томъ ямщикамъ лишнихъ напрасныхъ убытковъ и въ гоньбѣ остановки не было, а буде накладкою припасовъ на ямскія сани или телѣги въ одни сутки управиться невозможно, то изъ тѣхъ мѣстъ, откуда оные припасы отправляться будутъ, покупать нарочныя сани и телѣги и заготовливать кладь заранѣе; а ямскія подводы взять въ то время, какъ тѣ припасы къ отпуску совсѣмъ въ готовности будутъ» [1]). Еще болѣе стѣснительными условіями обставлялся отпускъ почтовыхъ подводъ: однимъ изъ Именныхъ указовъ (7 Февраля 1718 г.) было повелѣно даже «никому отнюдь, опричь курьеровъ, на почтовыя подводы подороженъ не давать» [2]); въ другихъ-же указахъ отпускъ почтовыхъ подводъ, какъ мы увидимъ ниже, обусловливался платежомъ возвышенныхъ прогоновъ. Цѣлымъ рядомъ указовъ подтверждались также прежнія постановленія о томъ, чтобы посланнымъ не отпускалось болѣе трехъ почтовыхъ подводъ (Сенатскіе указы 27 Марта 1717 г. и 10 Іюля 1721 г., Именной указъ 24 Мая 1720 г.) [3]), чтобы прогоны платились ямщикамъ на руки, а не въ приказы и коммисарамъ (Именные указы 27 Ноября 1713 г. и 13 Января 1714 г., Сенатскій указъ 10 Іюля 1721 г.) [4]) и чтобы количество прогонныхъ денегъ, слѣдуемыхъ возчикамъ, обозначалось въ подорожныхъ (Сенатскій указъ 10 Іюля 1721 г.) [5]). Говоря объ узаконеніи временъ Петра Великаго, согласно которому нарочнымъ разрѣшалось отпускать отъ 1 до 3 почтовыхъ лошадей, нельзя не обратить вниманія на то, что узаконеніе это перешло затѣмъ въ почтовыя постановленія о пересылкѣ эстафетъ и дѣйствовало на практикѣ не только въ XVIII, но и въ XIX столѣтіяхъ [6]). Наконецъ, Именнымъ указомъ 13 Января 1714 г. за ямщиками были сохранены старинныя ихъ льготы и привилегіи, состоявшія въ томъ, чтобы «податей съ нихъ какъ денежныхъ, такъ рекрутныхъ работниковъ [7]), провіанта и другихъ противъ уѣздныхъ не брать» [8]). Под-

[1]) Сенатскій указъ 11 Февраля 1720 г. П. С. З. № 3517.
[2]) П. С. З. № 3155.
[3]) П. С. З. №№ 3075, 3805, 3591.
[4]) П. С. З. №№ 2741, 2759, 3805.
[5]) П. С. З. № 3805.
[6]) На основаніи Почтмейстерской Инструкціи 1807 г. и Почтоваго Устава 1857 г. эстафета до настоящаго времени можетъ быть отправлена на 1—3 почтовыхъ лошадахъ.
[7]) Узаконеніе, освобождавшее ямщиковъ отъ рекрутской повинности, какъ мы уже говорили ранѣе при описаніи устройства Петербургской почты въ первомъ періодѣ ея существованія, не исполнялось на практикѣ. На такое противорѣчіе указовъ о ямщикахъ съ дѣйствительною жизнью того времени обратилъ вниманіе еще *гр. Толстой* въ своемъ изслѣдованіи «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Императрицы Екатерины II» (СПБ. 1848 г.): «постановленіе—не отдавать изъ ямщиковъ въ рекруты», говоритъ онъ (стр. 52), «не всегда соблюдалось и въ самое царствованіе Петра, а въ 1738 году совершенно было отмѣнено, и рекрутская повинность была распространена на ямщиковъ во всемъ государствѣ» (П. С. З. № 7722).
[8]) П. С. З. № 2759.

твердительный указъ этотъ установилъ, однако, и одно существенное ограниченіе правъ ямщиковъ: имъ впервые была отмѣнена выдача ямщикамъ годоваго жалованья. Въ виду бѣдственнаго положенія ямщиковъ такая экономія со стороны правительства, несомнѣнно, должна была отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на отправленіи ямской и почтовой гоньбы, особенно по Петербургско-Московской дорогѣ, гдѣ разгонъ лошадей возросталъ все болѣе и болѣе. Вотъ почему, вѣроятно, въ слѣдующемъ-же 1715 г. приговоромъ Правительствующаго Сената отъ 14 Января было разрѣшено выдавать ямщикамъ Московской дороги жалованье и на будущее время [1]).

Ограничительныя мѣры, принятыя правительствомъ для уменьшенія разгона почтовыхъ лошадей, не замедлили вызвать на практикѣ нѣкоторыя злоупотребленія какъ со стороны проѣзжающихъ, такъ и со стороны лицъ, выдававшихъ подорожныя. Въ обходъ указовъ о недачѣ курьерамъ болѣе трехъ почтовыхъ лошадей, на почтовыхъ станахъ стали предъявлять одновременно по нѣсколько подорожныхъ, писанныхъ на разныя имена; съ другой стороны, лица, выдававшія подорожныя, нерѣдко заготовляли впередъ нѣсколько запасныхъ подорожныхъ безъ обозначенія въ нихъ именъ отправляемыхъ курьеровъ и затѣмъ вмѣсто курьеровъ вписывали въ оставленныя у себя подорожныя имена другихъ проѣзжающихъ. Въ устраненіе такихъ злоупотребленій Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 27 Марта 1717 г., подтвержденнымъ впослѣдствіи Именнымъ указомъ 24 Мая 1720 г., предписалъ «отнюдь не давать почтовыхъ подводъ тѣмъ, кто разныя подорожныя и на разныя имена объявитъ, чего смотрѣть фискаламъ именно, чтобъ никто разныхъ подорожныхъ для проѣзда не имали, а ежели кто вымышленно подорожныя возьметъ, о томъ фискаламъ доносить немедленно» [2]); лицамъ-же, выдававшимъ подорожныя, повелѣно было «закрѣплять ихъ самимъ, вписавъ прежде курьерское имя при себѣ, дабы въ томъ впредь отъ кого какого подлога не было, а не такъ, какъ прежде сего, такія подорожныя крѣпливали, напередъ въ запасъ оставливая на имя мѣсто, и вписывали послѣ, и впредь такъ не дѣлать» [3]). Это послѣднее злоупотребленіе было вызвано, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что курьеры, какъ будетъ сказано ниже, платили за почтовыхъ лошадей вдвое менѣе прогонныхъ денегъ, чѣмъ частныя лица.

---

[1]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. V, кн. 1, стр. 25—26.

Въ 1717 г. подможныхъ денегъ на обзаведеніе ямовъ и ямщиковъ для почтовой гоньбы собиралось по 5 алтынъ (15 коп.) съ каждаго двора (*Петровъ*, назв. соч., стр. 148). Сборъ этотъ былъ самымъ большимъ послѣ сбора на содержаніе войска (по 25 к. со двора).

[2]) П. С. З. №№ 3075, 3591.

[3]) Именной указъ 7 Февраля 1718 г. П. С. З. № 3155.

Для установленія надзора и контроля за выдачею подорожныхъ въ губерніяхъ, губернскимъ властямъ вмѣнено было въ обязанность записывать всѣ подорожныя въ книги «и тѣ записныя книги для извѣстія по вся годы присылать въ Ямской Приказъ, закрѣпя тѣмъ, кто подорожныя давалъ, своими руками, оставя съ нихъ у себя въ канцеляріяхъ списки» [1]).

Насколько строго соблюдалось на практикѣ постановленіе о прпискѣ въ подорожныхъ всѣхъ лицъ, слѣдовавшихъ на почтовыхъ лошадяхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, заимствованнаго Мрочекъ-Дроздовскимъ [2]) изъ одного Сенатскаго дѣла Архива Министерства Юстиціи (кн. 192). Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1718 г. Выборгскій комендантъ Шуваловъ донесъ Сенату, что въ Выборгъ прибылъ изъ Петербурга провіантмейстеръ Воронежскаго полка Масловъ и съ нимъ нѣкоторыя лица, не обозначенныя въ подорожной, выданной ему до Або; Шуваловъ задержалъ этихъ послѣднихъ лицъ до разъясненія дѣла, а пропускъ и почтовыя подводы далъ одному только Маслову.

Предоставляя ямщикамъ разныя льготы и привилегіи, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводило на практикѣ тотъ взглядъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ всякая гоньба какъ по ямскимъ, такъ и почтовымъ дорогамъ должна была производиться исключительно ямщиками и ихъ средствами безъ содѣйствія уѣздныхъ жителей: «того ради», предписывалось Именнымъ указомъ 24 Мая 1720 г., «подставныя подводы во всемъ государствѣ, кромѣ завоеванныхъ городовъ, отставить и, гдѣ поставлены, тѣ тотчасъ свесть и впредь имъ безъ Именнаго Царскаго Величества указа и безъ указа изъ Сената нигдѣ не быть и собою отнюдь никому сего чинить не дерзать подъ жестокимъ взысканіемъ, ежели кто гдѣ оныя подставы учинитъ безъ указа, чтобъ отъ того государственной тягости не было, а давать для всякихъ дѣлъ посылаемымъ ямскія подводы вездѣ по вышеписанному опредѣленію» [3]). Въ Именномъ указѣ этомъ, подтвержденномъ въ томъ же году Сенатскимъ указомъ 17 Сентября, подобно многимъ другимъ приведеннымъ выше почтовымъ узаконеніямъ временъ Петра Великаго, нельзя не видѣть источника позднѣйшаго почтоваго законодательства, воспрещавшаго нарядъ обывательскихъ лошадей на почтовыя станціи [4]). Содержаніе-же почтовыхъ станцій въ новозавоеванныхъ земляхъ (въ Остзейскомъ краѣ), гдѣ ямовъ не

---

[1]) Именной указъ 24 Мая 1720 г. П. С. З. № 3591.

[2]) Назв. соч., стр. 327.

[3]) П. С. З. № 3591.

[4]) Почтовый Уставъ 1857 г., ст. 183.

было, а почтовая гоньба производилась на уѣздныхъ подводахъ, правительство предполагало сдать частнымъ лицамъ *по подряду*: «а впредь объ отдачѣ тѣхъ почтъ (Остзейскихъ и отъ Петербурга до Нарвы) на откупъ публиковать въ народъ» [1]). Такимъ образомъ, начало подрядной системѣ содержанія почтовыхъ станцій [2]), распространившейся впослѣдствіи на всю Россію, было положено въ царствованіе Петра Великаго.

Что касается прогонныхъ таксъ за перевозку проѣзжающихъ на ямскихъ и почтовыхъ лошадяхъ, то въ разсматриваемомъ періодѣ таксы эти отличались большею опредѣленностью и устойчивостію, чѣмъ въ первомъ періодѣ. Въ основу ихъ легли три основные принципа: обязательность платежа прогоновъ для всѣхъ вообще проѣзжающихъ, дѣленіе проѣзжающихъ на проѣзжающихъ по казенной надобности и на проѣзжающихъ по частной надобности, со взысканіемъ съ послѣднихъ двойныхъ прогоновъ, и дѣленіе гонебныхъ лошадей на ямскихъ и почтовыхъ, съ установленіемъ для послѣднихъ возвышенныхъ прогонныхъ таксъ.

Платежъ прогоновъ былъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ курьеровъ и проѣзжающихъ двумя Именными указами—27 Ноября 1713 г. и 13 Января 1714 г.: указами этими повелѣно было «подводъ никому ни для чего даромъ не брать и не давать ни для государственныхъ дѣлъ, ниже для партикулярныхъ» [3]). Насколько строго Сенатъ слѣдилъ за исполненіемъ такого повелѣнія, можно видѣть изъ того, что, когда Вице-Губернаторъ фонъ-Лёвенъ приказалъ давать въ Эстляндіи подводы всѣмъ проѣзжающимъ, имѣвшимъ отъ него подорожныя, безъ платежа прогоновъ, Сенатъ не замедлилъ отмѣнить его распоряженіе, подтвердивъ въ 1723 г., чтобы «такихъ подводъ безъ прогоновъ, по прежнимъ Его Императорскаго Величества указамъ, отнюдь никому не давать» [4]).

Приведенные Именные указы 1713 и 1714 гг. представляютъ собою чрезвычайно важное значеніе и въ другомъ отношеніи: ими было оффиціально признано право частныхъ лицъ пользоваться для своихъ разъѣздовъ ямскими лошадьми [5]). Въ XVII столѣтіи ямскія учрежденія служили почти исключительно для перевозки правительственныхъ гонцовъ и

---

[1]) Сенатскій указъ 10 Іюля 1721 г. П. С. З. № 3805.

[2]) По подряду (съ торговъ), какъ мы уже видѣли выше, сдавалась въ содержаніе при Петрѣ Великомъ также и Азовская почта.

[3]) П. С. З. №№ 2741, 2759.

[4]) Сенатскій указъ 19 Іюня 1723 г. П. С. З. № 4251.

[5]) Указъ 27 Ноября 1713 г. *Шторхъ* (Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. VII Theil. Leipzig 1803 г., стр. 245) считаетъ началомъ устройства въ Россіи правильной пассажирской почты («erst mit dem Jahr 1713 nahm diese Anstalt den Karakter einer wahren Reisepost an»).

служилыхъ людей. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пользованіе ямскими лошадьми предоставлялось частнымъ лицамъ и то не иначе, какъ по особымъ грамотамъ. Обыкновенно же частныя лица совершали переѣзды на своихъ или наемныхъ обывательскихъ лошадяхъ. Ѣзда на ямскихъ и на почтовыхъ лошадяхъ сдѣлалась свободною для частныхъ лицъ впервые при Петрѣ Великомъ. Къ этому именно времени и слѣдуетъ отнести существовавшее впослѣдствіи въ Россіи дѣленіе проѣзжающихъ по почтѣ на проѣзжающихъ по казенной надобности и на проѣзжающихъ по частной надобности. Прежде всего, различіе прогонныхъ таксъ для тѣхъ и другихъ проѣзжающихъ встрѣчается на Петербургско-Московской дорогѣ.

Именной указъ 27 Ноября 1713 г. установилъ слѣдующую *общую* прогонную таксу для ямскихъ лошадей Петербургско-Московской дороги: отъ Петербурга до Новгорода по копѣйкѣ и отъ Новгорода до Москвы по деньгѣ съ версты и лошади. Такса эта была распространена практикою и на почтовыхъ лошадей той-же дороги, что видно изъ Сенатскаго приговора и доклада къ нему 12 Января 1714 г., согласно которымъ присланному изъ Петербурга адъютанту Монцу были даны прогоны на почтовыя подводы отъ Москвы до Новгорода (535 верстъ) по деньгѣ на версту, а отъ Новгорода до Петербурга (180 верстъ) по 2 деньги или по копѣйкѣ на версту [1]). Общая прогонная такса Петербургско-Московской дороги вскорѣ-же была понижена для ямскихъ лошадей: Именной указъ 13 Января 1714 г. опредѣлилъ ее въ размѣрѣ одной деньги на версту отъ Петербурга до Новгорода и 6 денегъ или трехъ копѣекъ на 10 верстъ отъ Новгорода до Москвы (т. е., въ двойномъ количествѣ старинныхъ ямскихъ прогоновъ Московскаго государства) [2]). Въ слѣдующемъ указѣ о прогонахъ Петербургско-Московскаго тракта, изданномъ Правительствующимъ Сенатомъ 27 Марта 1717 г., общая прогонная такса дѣлится уже на двѣ:—для проѣзжающихъ по казенной надобности («посланныхъ съ Великаго Государя указы и письмами и подъ мундиръ и другіе всякіе Государевы припасы», по словамъ указа) и для проѣзжающихъ по частной надобности («людей, которые поѣдутъ для своихъ нуждъ», по словамъ указа), при чемъ для послѣднихъ она назначается въ двойномъ размѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указомъ 27 Марта 1717 года

[1]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. IV, кн. 1, стр. 27 и 30.

[2]) П. С. З. № 2759; въ другихъ губерніяхъ прогонная такса для ямскихъ лошадей была опредѣлена въ еще болѣе низкомъ размѣрѣ:—4 деньги или 2 копѣйки на 10 верстъ съ лошади.

прогонная такса Петербургско-Московскаго тракта подраздѣляется еще на двѣ: почтовую и ямскую. Такимъ образомъ, съ 1717 года прогонная такса Петербургско-Московской дороги дѣлается различною не только по отдѣльнымъ участкамъ этой дороги (отъ Петербурга до Новгорода и отъ Новгорода до Москвы), но также по проѣзжающимъ и гонебнымъ лошадямъ. Плата за почтовыя подводы указомъ 1717 г. была опредѣлена въ размѣрѣ одной деньги на версту, а за ямскія—въ размѣрѣ 6 денегъ на 10 верстъ [1]). Ссылаясь на прежній указъ, новый указъ не содержитъ въ себѣ, однако, никакихъ свѣдѣній о томъ, назначались ли имъ такія ставки прогонной таксы за почтовыхъ и за ямскихъ лошадей на всемъ протяженіи Петербургско-Московской дороги или же только на одномъ какомъ либо участкѣ ея. Первое предположеніе представляется мало вѣроятнымъ. Какъ въ прежнихъ указахъ, на одинъ изъ которыхъ ссылался указъ 1717 г., такъ и въ послѣдующихъ прогонная такса вездѣ различалась по двумъ участкамъ Петербургско-Московской дороги—отъ Петербурга до Новгорода и отъ Новгорода до Москвы: «причина этому», по словамъ Берхгольца, «была та, что крестьяне между Петербургомъ и Новгородомъ большею частію были недавно поселены тамъ, почему ихъ всячески щадили, желая дать имъ возможность лучше устроиться» [2]). При томъ же трудно предположить, чтобы на Петербургско-Новгородскомъ участкѣ прогонная плата за ямскихъ лошадей могла быть понижена съ деньги на версту до 6 денегъ на 10 верстъ, т. е., почти вдвое, въ такое время, когда Петербургскіе ямщики бѣдствовали и были изнурены усиленною гоньбою, превосходившею ихъ средства. Поэтому, вѣроятнѣе всего, приведенныя въ указѣ 1717 г. прогонныя таксы за почтовыхъ и за ямскихъ лошадей относились къ одному только Московско-Новгородскому участку Петербургско-Московской дороги. Настоящее предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе, между прочимъ, и въ позднѣйшемъ Именномъ указѣ 24 Мая 1720 г., которымъ были окончательно установлены слѣдующія прогонныя таксы Петербургско-Московскаго тракта: на почтовыя подводы отъ Петербурга до Новгорода по двѣ деньги и отъ Новгорода до Москвы по деньгѣ на версту, а на ямскія подводы отъ Петербурга до Новгорода по деньгѣ на версту и отъ Новгорода до Москвы по 6 денегъ на 10 верстъ [3]), съ удвоеніемъ платы

---

[1]) П. С. З. № 3075.

[2]) Дневникъ, пер. Аммона, часть I, стр. 226.

[3]) П. С. З. № 3591; въ другихъ губерніяхъ и провинціяхъ при этомъ была сохранена прежняя прогонная такса 1714 г.—въ размѣрѣ 4 денегъ на 10 верстъ съ лошади.

для тѣхъ проѣзжающихъ, «которые поѣдутъ на ямскихъ подводахъ для своихъ нуждъ». Устанавливая пониженныя прогонныя таксы для проѣзжающихъ по казенной надобности, указы предписывали тѣмъ должностнымъ лицамъ, которымъ выдавались подорожныя, «такожъ и тѣмъ людямъ, кому будутъ приказаны ямщики, смотрѣть того на крѣпко, дабы никто ни съ какими своими припасы, опричь нужнѣйшихъ Великаго Государя дѣлъ и припасовъ, за оные меньшіе прогоны не проѣзжали бъ» [1]).

Обязательность платежа прогонныхъ денегъ для всѣхъ проѣзжающихъ и постепенное увеличеніе размѣра прогонныхъ таксъ мало, однако, содѣйствовали улучшенію быта Петербургскихъ ямщиковъ и не принесли имъ на практикѣ почти никакой пользы. Въ какомъ ужасномъ положеніи находились Петербургскіе ямщики въ концѣ царствованія Петра Великаго, можно видѣть изъ разсказа Берхгольца о его поѣздкѣ изъ Петербурга въ Москву въ 1721 г. Когда онъ собрался выѣхать изъ Петербурга на ямскихъ лошадяхъ, то поставилъ около своего экипажа крестьянина смотрѣть, чтобы никто изъ ямщиковъ не уводилъ лошадей: «ямщики», по его словамъ, «хоть и получали извѣстную плату, однакожъ, до того были измучены усиленною ѣздою, что охотно оставляли уже заработанныя ими деньги и возвращались домой» [2]).

Что касается другой большой почтовой дороги, шедшей отъ Петербурга въ Нарву, Ревель и Ригу, на которой гоньба отправлялась не ямщиками, а уѣздными жителями на подставныхъ подводахъ, то прогонная такса на ней окончательно опредѣлилась въ размѣрѣ 2 алтыновъ (6 копѣекъ или 12 денегъ) на 10 верстъ съ лошади, съ удвоеніемъ этой платы для проѣзжающихъ по частной надобности (Именной указъ 24 Мая 1720 г. и Сенатскій указъ 10 Іюля 1721 г.) [3]).

Выдача подорожныхъ въ разсматриваемомъ періодѣ сосредоточивалась въ рукахъ мѣстныхъ властей, завѣдывавшихъ ямщиками,—генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, воеводъ и ландрихтеровъ [4]) и въ тѣхъ центральныхъ учрежденіяхъ, которыя управляли ямскою и почтовою частью въ государствѣ: сначала въ Правительствующемъ Сенатѣ (за подписью сенаторовъ) [5]), затѣмъ съ 1719 г. въ Коллегіи

---

[1]) П. С. З. №№ 3075, 3488, 4073.

[2]) Дневникъ, пер. Аммона, часть I, стр. 265.

[3]) П. С. З. №№ 3591 и 3805.

[4]) П. С. З. №№ 2759, 3075, 3155, 3488, 3591, 4073.

[5]) П. С. З. № 3155.

Иностранныхъ Дѣлъ (за подписью секретаря Курбатова) [1]), съ 1720 г. въ Петербургскомъ Ямскомъ Приказѣ (за подписью окольничаго кн. Щербатова) [2]) и, наконецъ, съ 1722 г. въ Генеральномъ Почтамтѣ (за подписью Генералъ-Почтъ-Директора Дашкова) [3]). Кромѣ этихъ лицъ, никому не дозволялось выдавать подорожныхъ: «а инымъ», говорилось въ указахъ, «опричь (перечисленныхъ) и тѣхъ, кому по отлученіи ихъ отъ нихъ приказано будетъ, подорожныхъ отнюдь никому не подписывать и на ямахъ и на почтовыхъ станахъ, за подписками другихъ у дѣлъ приставленныхъ, никакихъ подводъ никому не давать». Исключеніе допускалось лишь для курьеровъ, посылавшихся отъ Двора Государя по особымъ подорожнымъ изъ Кабинета [4]).

Въ Петербургѣ и въ Москвѣ бланки подорожныхъ печатались на печатномъ дворѣ, которому уплачивалось на бумагу и на прочіе расходы по 2 деньги за подорожную [5]).

Въ связи съ вопросомъ объ упорядоченіи выдачи подорожныхъ находился и другой вопросъ—объ опредѣленіи числа подводъ, отпускавшихся проѣзжающимъ по ихъ общественному положенію или служебному рангу. Въ 1721 г., когда Петръ Великій отправился съ центральными учрежденіями изъ Петербурга въ Москву праздновать заключеніе Сѣвернаго мира, Сенатомъ была составлена «роспись, почему для нынѣшняго за Его Императорскимъ Величествомъ въ Москву похода давать подводы». Образцомъ для этой росписи послужила подобная же роспись времени царя Михаила Ѳеодоровича 1627 г., въ которой было опредѣлено, сколько кому брать подводъ по степени сана. Какъ въ той, такъ и въ другой росписи наибольшее число отпускаемыхъ одному лицу подводъ было ограничено 20. Росписью 1721 г. оно назначалось генералъ-фельдмаршалу, генералъ-адмиралу и канцлеру. Затѣмъ слѣдовали числа: 15 — архіереямъ, присутствующимъ въ Синодѣ, сенаторамъ и полнымъ генераламъ, 12—генералъ-лейтенантамъ и вице-адмираламъ, 10—генералъ-маіорамъ, шаутбенахтамъ и оберъ-президенту надъ магистратами и т. д. (7, 5, 4, 3, 2) до 1 подводы, назначавшейся низшимъ по рангу чиновникамъ Сената и Коллегій [6]). Хотя роспись 1721 г., какъ видно изъ ея названія, предназначалась для одного только исключительнаго случая, тѣмъ

---

1) П. С. З. № 3402.
2) П. С. З. № 3488, 3591.
3) П. С. З. № 4073.
4) П. С. З. №№ 3591, 4073.
5) Сенатскій указъ 23 Января 1718 г. П. С. З. № 3145.
6) П. С. З. № 3855.

не менѣе она примѣнялась на практикѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія и была измѣнена впервые указомъ 13 Марта 1825 г.

Для облегченія сообщеній Петербурга съ важнѣйшими городами Россіи въ разсматриваемомъ періодѣ было обращено особенное вниманіе на устройство и исправленіе ямскихъ и почтовыхъ дорогъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ ямскія дороги находились почти въ первобытномъ состояніи. По свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ это время, онѣ были особенно плохи лѣтомъ: ихъ покрывала вода, на нихъ образовывались ручьи, рѣки и непролазная грязь; поперекъ дороги нерѣдко лежали упавшія деревья столь значительныхъ размѣровъ, что ихъ трудно было разрубить или сдвинуть въ сторону. Въ лѣсахъ дороги шли часто по пнямъ недавно срубленныхъ деревьевъ. Но болѣе всего затрудняли движеніе многочисленныя топи и болота, на которыхъ не всегда и не вездѣ были устроены даже гати и мосты. Мосты дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собою; они тянулись иногда на цѣлую милю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за неимѣніемъ мостовъ, путешественники должны были сами рубить лѣсъ и кое-какъ настилать гати. На большихъ рѣкахъ, большею частью, дѣлались пловучіе мосты. По такимъ дорогамъ лѣтнимъ путемъ можно было проѣхать не болѣе 4—5 миль въ сутки. Наибольшую опасность представляла ѣзда въ тяжелыхъ экипажахъ [1]). Значительно удобнѣе было путешествовать въ Московскомъ государствѣ зимою, когда по всѣмъ направленіямъ открывались кратчайшіе пути черезъ озера и рѣки и когда снѣгъ отъ частой ѣзды въ саняхъ дѣлался гладкимъ и твердымъ. Ѣзда въ русскихъ саняхъ, по отзывамъ всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ, представляла собою самый удобный и быстрый способъ сообщенія какъ для проѣзжающихъ, такъ и для перевозки кладей [2]).

Хотя въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи существовали уже правильно устроенные почтовые тракты [3]), тѣмъ не менѣе вновь проложенныя къ Петербургу дороги мало чѣмъ отличались отъ прежнихъ Московскихъ ямскихъ дорогъ. «Съ цѣлію сдѣлать Петербургъ болѣе пріят-

---

[1]) *Ключевскій.* Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. Москва 1866 года, стр. 226—227.

Гурляндъ, назв. соч.

[2]) *Перри.* Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ. Перев. съ англ. кн. Дондуковой-Корсаковой. Изд. Имп. Общ. ист. и древн. рос. при Московск. Унив. Москва. 1871 г., стр. 157. Такіе же отзывы встрѣчаются въ путешествіяхъ по Россіи XVII вѣка *Олеарія*, *Брюса* и др.

[3]) Такимъ трактомъ былъ, напр., Воронежскій, который шелъ отъ Москвы черезъ Коломну, Ивань-озеро и дачи Кикина, Лефорта и Меншикова. «На немъ», по словамъ *Устрялова*, «черезъ каждую версту стояли красные столбы съ надписью 1701 г., между которыми посажены были деревья, по 20 на каждой верстѣ, для указанія пути. Число столбовъ было 552. Черезъ каждыя 20 верстъ стоялъ царскій *кабакъ*. Въ деревняхъ ночью крестьяне выходили за ворота съ пучками зажженной соломы, для освѣщенія пути». (Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, ч. I, стр. 221).

нымъ», по словамъ Перри, Петръ Великій вскорѣ-же послѣ основанія этого города приказалъ мистеру Фергарсону и мистеру Гвину (Gwin) обстоятельно осмотрѣть дорогу между Петербургомъ и Москвою и отыскать отношеніе одного мѣста къ другому для устройства на всемъ протяженіи новой дороги по прямой линіи черезъ лѣса, озера, болота и рѣки, что и должно было сократить путь на одну пятую противъ прежняго разстоянія. Во время пребыванія въ Россіи Перри, линія этой дороги была уже намѣчена и въ 1710 году окончательно опредѣлена въ прямомъ направленіи черезъ лѣса [1]). Описаніе новой Петербургско-Московской дороги, получившей названіе «перспективной», сохранилось и у другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ первой половинѣ XVIII столѣтія, напр., у Берхгольца, Кампредона, Фоккеродта и проч. «Въ 17 верстахъ за Тверью», разсказываетъ Берхгольцъ: «мы пересѣкли новую широкую дорогу, которую, по приказанію Императора, проводятъ черезъ лѣсъ и которая будетъ идти совершенно прямою линіею отъ Петербурга до Москвы, такъ что противъ теперешней дороги сократится на 150 или на 200 верстъ... Какъ ни пріятенъ былъ видъ проспекта или новой дороги, по которой мы, наконецъ, отсюда (изъ Бризды—Brisda) поѣхали, однакожъ, до невѣроятности изрытая на ней земля и полу-мертвыя почтовыя лошади не позволили намъ въ этотъ день уѣхать далѣе деревни Зудовой, которая всего въ восьми верстахъ отъ Бризды» [2]). Французскій посланникъ въ Петербургѣ де Кампредонъ описывалъ своему королю, въ письмѣ 16 Апрѣля 1723 г., перспективную дорогу, какъ «выложенную деревянными балками плотину, длиною въ 28 французскихъ лье, проходившую по прямой линіи отъ Пристова (Бризды?) до Петербурга черезъ лѣса и болота, считавшіеся до царствованія Петра Великаго непроходимыми» [3]). По оффиціальному описанію Петербургско-Московскаго тракта, сдѣланному Петербургскимъ Почтмейстеромъ Крауссомъ въ 1722 г., перспективная дорога начиналась отъ Сосницкой пристани. Доведенная до самаго Петербурга, она находилась въ то время въ хаотическомъ состояніи. При постройкѣ ея на положенныя въ фундаментъ бревна, вмѣсто песку, было насыпано полъ-аршина глины: отъ

---

[1]) *Перри.* Назв. соч., стр. 180.

Веберъ же («Das veränderte Russland») и за нимъ *Реймерсъ* («St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts») говорятъ, что проектъ устройства перспективной дороги между Петербургомъ и Москвою былъ предложенъ Петру Великому однимъ проживавшимъ въ Москвѣ англійскимъ математикомъ.

[2]) Дневникъ, ч. III—1723 г., стр. 47, 55.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XLIX, СПБ. 1885 г., стр. 327.

частыхъ и продолжительныхъ дождей, особенно весною и осенью, такой грунтъ обращался въ сплошную грязь, черезъ которую не только проѣхать въ повозкѣ, но даже пройти распряженной лошади не было никакой возможности. Чтобы привести перспективную дорогу въ удовлетворительное состояніе, Крауссъ предлагалъ смести съ нея полъ-фута глины въ близъ выкопанныя ямы [1]). Проектированная Петромъ Великимъ перспективная дорога, по разсчету Фоккеродта, должна была сократить путь между Петербургомъ и Москвою съ 757 на 480 верстъ. «Однако», замѣчаетъ этотъ писатель: «совсѣмъ приведены были къ концу только первыя 120 верстъ отъ Петербурга; остальныя-же, проходя все по болотамъ и лѣснымъ дебрямъ и ни разу не попадая даже на какую нибудь деревню, не то что на городъ, никогда не были окончены» [2]). На одной изъ первыхъ картъ Петербургской губерніи (картѣ Ингерманландіи и Финскаго побережья), хранящейся въ Академіи Наукъ въ числѣ различныхъ гравюръ XVIII столѣтія («Академіи Наукъ съ грыдорованныхъ досокъ отпечатанные листы», часть I) направленіе перспективной дороги показано двумя прямыми пунктированными линіями черезъ Тосну, Саблино и Ижору къ Петербургу, около котораго конецъ ея упирается въ Финскій заливъ между Анненгофомъ и Елизаветгофомъ (немного южнѣе Екатерингофа).

Въ еще болѣе неудовлетворительномъ состояніи, чѣмъ перспективная, находилась прежняя ямская Петербургско-Московская дорога. Проѣзжая по ней въ 1723 г., Берхгольцъ обратилъ вниманіе на ея крайнюю извилистость. Другіе-же путешественники находили ее прямо невозможною (Веберъ говоритъ о своемъ путешествіи по ней, какъ объ «eine der beschwerlichsten Reisen». Кампредонъ называетъ ее «épouvantable»). Даже по оффиціальному описанію Краусса, она представлялась неудобною для проѣзда въ экипажѣ и требовала полнаго исправленія. На лучшемъ ея участкѣ отъ Москвы до Бронницъ часто попадались бревенчатые мосты, которые отъ усиленной гоньбы пришли въ негодность и угрожали опасностію при переѣздѣ; отъ Бронницъ до Новгорода она была выбита; значительныхъ исправленій также требовалъ и послѣдній ея участокъ отъ Новгорода до Сосницкой пристани. «Большія трудности», писалъ Кампредонъ французскому королю въ Апрѣлѣ 1723 г.:

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

[2]) Россія при Петрѣ Великомъ.—Чтенія въ Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ при Московск. Универс. 1874 г., кн. 2, стр. 82.

«встрѣченныя мною въ путешествіи изъ Москвы (въ Петербургъ), длившемся 24 дня, вмѣсто 5, употребляемыхъ на этотъ путь зимою, помѣшали мнѣ имѣть честь раньше дать Вашему Величеству отчетъ.... По ужасающей дорогѣ доѣхалъ я до Новгорода.... Теченіе рѣки (Волхова) такъ медленно, что наводненія ея представляютъ больше опасности для путешественниковъ, чѣмъ для окрестныхъ жителей. Я извѣдалъ это на опытѣ, ибо потерялъ часть своего багажа и самъ чуть не утонулъ, когда порывомъ вѣтра нашу барку ударило о плотину такъ, что часть борта раскололась.... Чтобы облегчить плаваніе вверхъ по Волхову, царь приказалъ устроить вдоль берега дорогу на сваяхъ, идя по которой люди и лошади могутъ тащить лодки до Твери черезъ небольшую рѣчку, впадающую въ Волховъ» [1]). Веберъ, совершившій переѣздъ изъ Петербурга въ Москву зимою 1716 г. въ теченіи 4 дней [2]), говоритъ, что лѣтомъ для такого путешествія по ямской дорогѣ потребовалось бы отъ двухъ до трехъ недѣль. По его словамъ, между Петербургомъ и Москвою было тогда 24 подставы (Poststationes oder Hama), находившіяся между собою въ разстояніи отъ 4 до 5 миль (по оффиціальному описанію Краусса—до 40 верстъ). На подставахъ содержалось по 20 и болѣе гонебныхъ лошадей [3]).

Чтобы проѣзжающимъ по Петербургско-Московской дорогѣ «легко было знать, какъ далеко имъ остается еще ѣхать», Петръ Великій повелѣлъ поставить на этой дорогѣ, также какъ и на другихъ, верстовые столбы съ обозначеніемъ разстоянія отъ мѣста до мѣста [4]). Гюйссенъ, авторъ перваго описанія Петербурга (1710—1711 гг.), говоритъ, что верста равнялась въ то время почти четверти нѣмецкой мили (5 верстъ составляли одну милю). При переѣздѣ изъ одного города въ другой, на каждой такой верстѣ можно было встрѣтить столбъ, на которомъ съ двухъ сторонъ было написано или вырублено, сколько между тѣми городами верстъ, такъ что путешественникъ всегда зналъ, какое пространство проѣхалъ и сколько ему остается еще

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XLIX, стр. 328.

[2]) Зимою по Петербургско-Московской дорогѣ ѣздили вообще очень скоро; примѣромъ такой быстроты сообщенія между столицами можетъ служить описанный *Шторхомъ* (Historisch—statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts, VII Theil, Leipzig, 1803, стр. 251) переѣздъ нѣкоего фонъ Гавена, прибывшаго на ямскихъ лошадяхъ изъ Петербурга въ Москву въ 72 часа—Büsching's Magažin, X, 316.

[3]) Das veränderte Russland, ч. I, стр. 125 и 126.

[4]) *Перри*, назв. соч., стр. 179—180.

ѣхать [1]). Тотъ же авторъ, а также Берхгольцъ и Перри удостовѣряютъ, что на Петербургско-Московской дорогѣ Петръ Великій намѣревался выстроить отъ станціи до станціи (въ 20—30 верстномъ разстояніи) удобные постоялые дворы, гдѣ путешественникамъ можно было-бы найти пріютъ и пищу [2]). Проѣзжавшая впослѣдствіи (въ 1730 г.) по этой дорогѣ леди Рондо нашла, однако, вмѣсто такихъ удобныхъ помѣщеній на станціяхъ, «маленькія и дымныя комнаты», въ которыхъ приходилось питаться только тѣмъ, что брали съ собою [3]).

По запискамъ иностранцевъ можно составить себѣ довольно полное представленіе также и о другой большой Петербургской дорогѣ, шедшей черезъ Нарву и Дерптъ въ Ригу. Когда Гюйссенъ въ первый разъ проѣзжалъ Ингерманландіею къ Петербургу, то находилъ еще кое кого по деревнямъ этой дороги. Но на возвратномъ пути, въ разстояніи 30, 40, 60 и болѣе миль, не было уже ни одной живой души: все погибло и вымерло отъ голода, войны и чумы и, «если-бы царь», замѣчаетъ Гюйссенъ, «овладѣвъ Лифляндіею, не устроилъ по дорогѣ отъ Нарвы черезъ Дерптъ (городъ этотъ былъ въ то время одною грудою камней) до Риги, т. е., на разстояніи почти ста миль, для собственнаго своего удобства и для порядочныхъ путешественниковъ нѣсколькихъ почтовыхъ домовъ, черезъ каждыя 3 или 6 миль, то проѣзжему въ суровое зимнее время пришлось-бы погибнуть отъ стужи и голода» [4]). Ко времени пріѣзда въ Россію Берхгольца (1721 г.) въ неудовлетворительномъ состояніи находилась только часть Петербургско-Рижской дороги—отъ Нарвы до Петер-

---

[1]) Exacte relation von der von Sr. Zaar. Maj, Petro Alexiowitz an dem grossen Newa-Strohm und der Ost-see neuerbauten Vestung und Stadt St. Petersburg. Leipzig. 1713—переводъ этой книги напечатанъ въ Русской Старинѣ, Октябрь и Ноябрь 1882 г.

Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (гл. XIX, ст. 6) повелѣно было дѣлать новыя сажени въ 3 аршина, а въ верстѣ учинить по 1000 сажень. Петръ Великій, по предположенію Каразина, намѣренъ былъ довести количество русскихъ верстъ въ градусѣ до четнаго числа *сто*. Пятисотныя версты упоминаются уже въ указахъ 1721 г. Опредѣлительное же приказаніе о томъ, чтобы верстовые столбы ставить на каждыхъ 500 саженяхъ, послѣдовало только въ 1744 г. (П. С. З. № 9031). Тѣмъ не менѣе, какъ до этого года, такъ и послѣ, версты въ Россіи были разной величины не столько по правиламъ закона, сколько по большему или меньшему расположенію землемѣровъ къ ямщикамъ и почтсодержателямъ (Русская Старина, Ноябрь 1882 г., стр. 297).

[2]) Заботы объ устройствѣ станцій были возложены Петромъ Великимъ на земскихъ коммисаровъ: они должны были стараться, чтобы станціи были выстроены въ мѣстахъ пристойныхъ съ довольными покоями для людей и лошадей и удовольствованы всѣми потребностями и харчами (Инструкція земскимъ коммисарамъ П. С. З. № 3295, п. 19).

[3]) Письма, изданныя подъ редакціею Шубинскаго, СПБ. 1874 г., стр. 6.

[4]) Назв. соч., Русская Старина, Октябрь 1882 г., стр. 57.

бурга. Прибывъ на ночлегъ въ Нарву, Берхгольцъ, по его словамъ, скоро замѣтилъ огромную разницу между этою станціею и станціями по ту сторону Нарвы: тамъ было во всемъ изобиліе, здѣсь—недостатокъ. Когда онъ спросилъ о конюшнѣ, ему отвѣтили, что ея вовсе нѣтъ. Конюшни не было также и на слѣдующей станціи въ Кипени, гдѣ Берхгольцъ привязывалъ лошадей у забора. На станціи-же Красное Село «ровно ничего не было». Разстоянія на Петербургско-Рижской дорогѣ, также какъ и на Московской, обозначались верстовыми столбами, при чемъ версты между Нарвою и Петербургомъ были гораздо короче, чѣмъ между Нарвою и Ревелемъ [1]). Чтобы привести въ порядокъ полотно Петербургско-Нарвской дороги, не имѣвшее подъ собою твердаго грунта, Петръ Великій повелѣлъ замостить его гладко обтесанными бревнами и посыпать сверху пескомъ. Реймерсъ утверждаетъ, что образцы для такого устройства почтовыхъ дорогъ Петръ Великій заимствовалъ изъ Швеціи, гдѣ на этотъ предметъ было обращено особое вниманіе королемъ Карломъ XI [2]). Гоньба на Петербургско-Рижской дорогѣ, какъ мы уже видѣли изъ цитированныхъ ранѣе указовъ, отправлялась уѣздными жителями на подставныхъ подводахъ.

При описанномъ выше состояніи шедшихъ къ Петербургу дорогъ и самый въѣздъ въ новую столицу представлялъ собою при Петрѣ Великомъ довольно невзрачный видъ. Заимствуемъ у Пекарскаго нѣсколько строкъ, наглядно изображающихъ эту интересную картину:

«Не только мѣстность самого города, но и окрестности его были низки и болотисты и сюда пролегала одна только дорога, которая неподалеку отъ Петербурга развѣтвлялась на двѣ и по нимъ однѣмъ въѣзжали и выѣзжали жители (на старинныхъ планахъ Петербурга дорога эта обозначена почти по тому направленію, гдѣ нынѣ Лиговская улица-каналъ); но и эти дороги такъ плохо содержались, что весною и осенью встрѣчались на нихъ десятками дохлыя лошади, павшія въ упряжи между трясинами. Около 1718 г. сдѣлана была плотина къ болѣе возвышенной части берега Невы (гдѣ нынѣ улицы Литейная, Сергіевская и др., а также соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній), однако, это не много помогло: плотина сооружена была кое какъ и скоро пришла въ разрушеніе. Нѣсколько далѣе отъ первой шла другая прямая (къ адмирал-

---

[1]) Дневникъ, ч. I, стр. 39—43.

[2]) St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Mit Rückblicken auf Entstehung und Wachsthum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums СПБ. 1805, часть I, стр. 74.

тейству), также довольно плохая дорога, которая простиралась на добрую четверть мили къ ямской слободѣ (она пересѣкала Фонтанку между Обуховскимъ и Семеновскимъ мостами); Веберъ, оставившій Россію около 1720 года, говоритъ, что она была уже въ его время вымощена» [1]).

Необходимо замѣтить, что въ Сенатскихъ приговорахъ и докладахъ разсматриваемаго періода встрѣчается уже нѣкоторое подобіе классификаціи существовавшихъ тогда въ Россіи дорогъ; такъ, напр., особо упоминается о «*проселочныхъ* дорогахъ» и о «*большихъ* дорогахъ»; дорога, шедшая отъ Москвы къ Петербургу, называется «Московскою *столбовою* дорогою» и т. п. [2]).

Что касается транспортныхъ средствъ, служившихъ для перевозки проѣзжающихъ, то въ отношеніи этихъ средствъ наблюдается въ разсматриваемомъ періодѣ болѣе нововведеній и улучшеній, чѣмъ въ отношеніи прежнихъ ямскихъ дорогъ.

Цѣны на лошадей измѣнились сравнительно мало. Изъ записокъ Гордона видно, что въ XVII столѣтіи онъ покупалъ своихъ лошадей за различную плату: самыя дешевыя стоили 5, 6½ и 9 рублей [3]). Такія-же приблизительно цѣны существовали на почтовыхъ лошадей и въ 10—20-хъ годахъ XVIII столѣтія. При учрежденіи въ 1714 г. Петербургско-Рижской почты на покупку лошадей для почтовыхъ становъ отъ Петербурга до Нарвы было назначено по 10 руб. на каждую. Въ 1722 г., какъ видно изъ сохранившагося при одномъ изъ дѣлъ Генеральнаго Почтамта отчета Генералъ-Почтъ-Директора Дашкова Правительствующему Сенату, Нарвскою Почтовою Конторою были куплены для почтовой гоньбы двѣ лошади за 18 р. 20 к. [4]). Въ виду близости Нарвы отъ Петербурга трудно предположить, чтобы въ цѣнахъ на лошадей того и другаго города существовала тогда значительная разница, подтвержденіемъ чего, повидимому, и можетъ служить приведенная выше цѣна на лошадей Петербургско-Нарвскаго тракта 1714 г.

Въ XVII вѣкѣ ямщикъ выѣзжалъ лѣтомъ на небольшой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, а зимой на небольшихъ саняхъ,—также въ одну лошадь. Если ѣзда производилась въ нѣсколько лошадей, то онѣ

---

1) Петербургская Старина.—Современникъ 1860 г., Іюнь, стр. 317—318.

2) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, томъ V, кн. 1, стр. 312, 516; кн. 2, стр. 588 и др.

3) Дневникъ II, 511, III, 102. *Брикнеръ*. Патрикъ Гордонъ и его дневникъ СПБ. 1878 г., стр. 180.

4) Дѣло Шафирова 1722 г., хранящееся въ Музеѣ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ (№ 45).

запрягались гусемъ. Ямщикъ садился обыкновенно въ ногахъ у ѣхавшаго, а проводникъ верхомъ, спустивъ ноги между оглоблей [1]). По описаніямъ Олеарія и Брюса, ямскія сани XVII столѣтія были очень низки и дѣлались изъ лубковъ или липовой коры длиною въ ростъ человѣка; внутри ихъ выстилали толстымъ войлокомъ: когда путешественникъ ложился въ нихъ, его закутывали въ длинныя овечьи шубы, покупавшіяся въ то время довольно дешево, а сверху покрывали войлокомъ или сукномъ. Такія-же повозки и такая же запряжка сохранились у ямщиковъ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Перри объясняетъ запряжку ямскихъ телѣгъ и саней въ одну лошадь чрезвычайною легкостью ихъ [2]). О легкости русскихъ повозокъ говоритъ также баронъ Мардефельдтъ въ письмѣ къ прусскому королю изъ Петербурга отъ 14 Іюня 1723 г. [3]).

По мнѣнію иностранцевъ, подобное устройство повозокъ въ Россіи представляло значительныя практическія удобства при тогдашнемъ состояніи путей сообщенія въ этой странѣ: лѣтомъ колеса не слишкомъ врѣзывались въ землю и не портили дороги глубокими колеями, а зимою сани безъ затрудненія для лошади могли легко скользить по снѣгу и льду. Особенно удобною повозкою они считали ямскія сани. Леди Рондо сравниваетъ ихъ съ колыбелью: «они сдѣланы», говоритъ она, «изъ дерева и покрыты кожею; въ нихъ ложатся, какъ въ постель, одѣвшись и покрывшись мѣхами; въ нихъ можетъ помѣщаться только одинъ человѣкъ, что весьма непріятно, такъ какъ не съ кѣмъ побесѣдовать» [4]).

Наряду съ прежними ямскими повозками въ источникахъ разсматриваемаго періода постоянно встрѣчаются и болѣе усовершенствованные экипажи, входившіе тогда въ употребленіе въ Россіи подъ вліяніемъ сближенія ея съ Западной Европой. Коляска упоминается еще въ запискахъ Гордона: она стоила въ его время 70 руб. [5]). Значительно дешевле стоили коляски, упоминаемыя въ Сенатскомъ приговорѣ 8 Октября 1713 г. и въ докладѣ къ Сенатскому приговору 20 Августа 1715 г.: въ первомъ случаѣ для присылки изъ Москвы въ Петербургъ, съ курь-

---

[1]) *Ключевскій*, назв. соч., стр. 225.
Гурляндъ, назв. соч., стр. 268.
[2]) Назв. соч., стр. 157—158.
[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XV, стр. 231.
[4]) Письма, стр. 6.
[5]) Дневникъ, III, 205.
Брикнеръ, назв. соч., стр. 182.

сромъ Юшковымъ, бабы Тарасовы жены съ дочерью были куплены двѣ «коляски съ крышками на дрогахъ» за 20 руб. съ припасами, а во второмъ для поклажи денежной казны, которую отвозилъ изъ Москвы въ Петербургъ подъячій Худяковъ,—одна коляска за 2 рубля [1]). Въ 1721 г. Берхгольцъ ѣхалъ по Петербургско-Московской дорогѣ въ каретѣ, а герцогъ Голштинскій—въ дормёзѣ. Въ то время въ Москвѣ дѣлали уже не только коляски, но и кабріолеты. «Русскіе», говоритъ Берхгольцъ, «никогда не ставятъ хорошаго желѣза къ коляскамъ и кабріолетамъ, назначаемымъ ими для продажи; иногда даже, чтобы сберечь немного желѣза, подкрашиваютъ кожаные ремни подъ цвѣтъ этого металла, обманывая такимъ образомъ добрыхъ людей». Тотъ же авторъ разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ своего Дневника, какъ путешествовали при немъ высокопоставленныя лица изъ русскаго общества: на пути изъ-заграницы въ Петербургъ онъ встрѣтилъ около Нарвы багажъ генерала Аллара, который везли почти на 60 подводахъ, а затѣмъ нѣсколько верстъ далѣе карету, въ которой сидѣла генеральша. Особенно оригинальный экипажъ, по его словамъ, былъ у архіепископа новгородскаго, попавшагося ему по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ: архіепископъ сидѣлъ на носилкахъ, державшихся на двухъ лошадяхъ [2]). Какъ видно изъ походныхъ юрналовъ Петра Великаго, самъ Императоръ постоянно ѣздилъ въ линеѣ [3]), коляскѣ и кибиткѣ, а Императрица—въ каретѣ [4]). Въ такихъ экипажахъ Петръ Великій, по замѣчанію Перри, путешествовалъ въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ какой-либо Государь въ мірѣ до него; обыкновенный его переѣздъ зимою равнялся ста англійскимъ милямъ въ день или около того [5]).

Для перевозки проѣзжающихъ въ зимнее время, кромѣ обыкновенныхъ саней, употреблялись также возки. Любопытное описаніе одного изъ возковъ того времени сохранилось у Вебера. Сверху и съ боковъ возокъ этотъ былъ такъ плотно задѣланъ и такъ крѣпко закрытъ, что

---

[1]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Академіею Наукъ, т. III, кн. 2, стр. 839 и т. V, кн. 2, стр. 778.

[2]) Дневникъ, ч. I, стр. 39, 265, ч. II, стр. 151 и ч. III, стр. 49.

[3]) О линеѣ и саняхъ Петра Великаго упоминается также въ V приложеніи къ протоколу Верховнаго Тайнаго Совѣта 19 Декабря 1727 г.—Сборн. Русскаго Историческаго Общества, т. LXIX, стр. 877.

[4]) По словамъ *Болотова*, каретъ въ Россіи было немного еще въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II. Въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія четырехмѣстная карета стоила отъ 30 до 50 руб. (Записки, т. II, стр. 666).

[5]) Назв. соч., стр. 179.

внутрь почти не проникало холоднаго воздуха. Съ обѣихъ сторонъ въ немъ находились маленькія окна и два помѣщенія (repositoria), куда клали взятыя съ собою для препровожденія времени книги и все необходимое для жизни въ пути. Спереди надъ головой висѣлъ фонарь съ восковыми свѣчами, зажигавшимися передъ наступленіемъ ночи. Внизу возка помѣщались постели, на которыхъ путешественники лежали днемъ и ночью во время переѣзда отъ мѣста до мѣста. Чтобы согрѣть возокъ, у ногъ ихъ ставили нагрѣтые камни или оловянные сосуды съ кипяткомъ. Несмотря, однако, на всѣ такія предосторожности, самыя крѣпкія вина и водки, хранившіяся въ запасномъ ящикѣ возка (Magazin), нерѣдко замерзали отъ холода и обращались въ ледъ. Въ такой подвижной комнатѣ можно было путешествовать днемъ и ночью, не выходя на станціяхъ, тѣмъ болѣе, что на всей Петербургско-Московской дорогѣ въ то время, когда проѣзжалъ по ней Веберъ (въ 1716 г.), нигдѣ, по его словамъ, не было еще трактировъ и даже нельзя было купить никакихъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ грубо испеченнаго хлѣба и плохой водки, а потому волей-неволей приходилось довольствоваться запасомъ тѣхъ сухихъ кушаній, которыя брали съ собою въ дорогу [1]).

При значительныхъ разстояніяхъ между ямами въ XVII столѣтіи, проѣзжающимъ иногда приходилось проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Въ такихъ случаяхъ, по разсказу Брюса, ямщики раскладывали зимой большой огонь, окружали его своими санями и, закутавшись въ шубы, спали болѣе удобно, чѣмъ въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ покой часто нарушался отъ совмѣстнаго пребыванія людей и животныхъ. Чтобы не было остановки при смѣнѣ лошадей на подставахъ, ямщики, подъѣзжая къ яму, громко свистали: на такой свистъ изъ двора тотчасъ-же выводили свѣжихъ лошадей [2]). Обычай давать ямщикамъ на водку существовалъ еще до Петра Великаго. Такая подача у Олеарія названа «хлѣбомъ съ масломъ». Объ ямскомъ свистѣ упоминается позднѣе и у Вебера. Онъ говоритъ, что звонкій свистъ замѣнялъ у русскихъ ямщиковъ почтовый рожокъ западно-европейскихъ государствъ (anstatt der Posthörner wissen sie sehr helle mit dem Munde zu flöten): имъ они погоняли лошадей и давали сигналъ встрѣчнымъ съѣхать съ дороги. По пріѣздѣ на станцію, ямщики громко шумѣли передъ станціоннымъ помѣщеніемъ, вызывая на смѣну свѣжія подводы крикомъ «давай!» (davai), и затѣмъ,

---

[1]) Назв. соч., стр. 125—126.

[2]) *Ключевскій*, назв. соч., стр. 226; *Гурляндъ*, назв. соч., стр. 268.

по перепряжкѣ лошадей, гнали ихъ всюду, гдѣ только было возможно, полнымъ галопомъ, хотя бы проѣзжающій и не понуждалъ ихъ къ тому.

Почтари Петербургско-Московской дороги (названные Веберомъ французскимъ словомъ «Postillons») носили обыкновенную крестьянскую одежду, надѣвая на грудь передъ отъѣздомъ мѣдную бляху съ изображеніемъ государственнаго орла [1]).

По примѣру Пруссіи, гдѣ почта дѣлилась въ то время на верховую (Reitpost) и повозочную (Fahrpost), Петръ Великій, какъ видно изъ инструкціи Генералъ-Почтъ-Директору Дашкову 13 Августа 1722 г. [2]), предполагалъ и въ Россіи устроить для перевозки проѣзжающихъ между Ригою, Петербургомъ и Москвою, т. наз.. *тельжную почту* (Fahrpost), которая должна была ходить по одному разу въ недѣлю. Для приведенія въ исполненіе намѣренія Петра Великаго въ томъ-же 1722 г. были составлены два проекта устройства телѣжной почты между Петербургомъ и Москвою: одинъ Петербургскимъ Почтмейстеромъ Генрихомъ Готлибомъ Креуссомъ и другой—Секретаремъ Генеральнаго Почтамта Вольфгангомъ Пестелемъ [3]).

Проектъ Краусса состоялъ изъ двухъ частей: введенія подъ названіемъ «должности подлежащее разсужденіе, какимъ образомъ отъ Москвы до С.-Петербурга и съ перемѣнами отъидущая ѣдущая почта учреждена быть имѣетъ» и самаго проекта, озаглавленнаго «не въ указъ вѣдѣніемъ, какимъ образомъ отъ Москвы до С.-Петербурга и съ перемѣнами отъидущая ѣдущая почта по починкѣ дорогъ и индѣ распредѣленныхъ подставъ способнѣе сочинена можетъ быть и что на содержаніе оной погодно потребно».

Во введеніи составитель проекта указывалъ на то, что предварительно устройства телѣжной почты необходимо было починить дороги между Петербургомъ и Москвою и иначе распредѣлить почтовыя подставы.

Устроить новыя станціи по Петербургско-Московскому тракту онъ предполагалъ такимъ-же образомъ, какъ были устроены ранѣе подставы для верховой почты между Ригою и Петербургомъ [4]), а именно: расположить станціи для перемѣны лошадей на разстояніи 20—21 версты отъ всякой лежащей по пути деревни и снабжать ихъ запасомъ фуража

[1]) *Веберъ*, назв. соч., стр. 126—127; *Шторхъ*, назв. соч., стр. 245.
[2]) П. С. З. № 4073.
[3]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.
[4]) Объ устройствѣ подставъ для этой почты будетъ сказано ниже.

на нѣсколько мѣсяцевъ изъ тѣхъ ямовъ, гдѣ ранѣе содержались гонебныя лошади, при чемъ, если на такомъ разстояніи не будетъ деревни или жилища, то построить двѣ горницы и конюшню для лошадей «безъ тягости и въ скорое время, понеже лѣсу довольно».

Самый проектъ устройства телѣжной почты между Петербургомъ и Москвою, какъ видно изъ введенія къ нему, былъ составленъ Крауссомъ съ совѣта Московскаго Почтмейстера Фадемрехта. Исходя изъ того положенія, что для правильной организаціи телѣжной почты необходимо не только содержаніе въ готовности годныхъ лошадей на станціяхъ, но и постоянное стараніе о томъ со стороны возчиковъ, составитель проекта, прежде всего, предлагалъ, для сокращенія расходовъ казны, договориться съ ямщиками, чтобы они имѣли на каждой подставѣ по 6 лучшихъ лошадей и отправляли почтовую коляску до слѣдующей подставы со своими возчиками на 4 лошадяхъ. Какъ мы уже видѣли выше, по дѣйствовавшимъ въ то время постановленіямъ Петербургскимъ ямщикамъ платилось за лошадь прогоновъ по деньгѣ съ версты; за перевозку телѣжной почты Крауссъ полагалъ назначить имъ по копѣйкѣ съ версты, чтобы они «благо пробавитися могли». Почтовыхъ колясокъ, по его мнѣнію, необходимо было сдѣлать шесть. Что касается устройства ихъ, то составителю проекта, повидимому, не были извѣстны усовершенствованія въ прусскихъ почтовыхъ повозкахъ послѣдняго времени, такъ какъ онъ находилъ послѣднія неудобными для Россіи единственно потому, что русскому пассажиру трудно и опасно провести въ пути 8 дней и 8 ночей безъ всякаго прикрытія. Чтобы избѣгнуть такого неудобства, Крауссъ совѣтовалъ устроить русскія почтовыя коляски на подобіе дорожныхъ полукаретъ. Въ каждой такой коляскѣ должно было помѣщаться по 4 человѣка; спереди-же и сзади онѣ должны были имѣть выдвижные ящики для перевозки багажа. Такъ какъ съ предполагавшимся новымъ распредѣленіемъ разстояній между станціями число почтовыхъ подставъ между Петербургомъ и Москвою должно было увеличиться съ 26 примѣрно до 33, то составитель проекта предлагалъ имѣть въ запасѣ для всѣхъ подставъ 66 колесъ и 66 осей—по 2 колеса и по 2 оси для каждой подставы, а въ зимнее время—переставлять коляски на большія дровни. Для безопасности въ пути коляски должны были сопровождаться вагенмейстерами, въ числѣ 4-хъ. Первый вагенмейстеръ долженъ былъ слѣдовать съ почтовою коляскою отъ Москвы до Твери, второй—отъ Твери до Вышняго-Волочка, третій—отъ Вышняго-Волочка до Новгорода и четвертый—отъ Новгорода до Петербурга. Предназначеніе этихъ лицъ

заключалось въ томъ, чтобы, по тщательномъ осмотрѣ состоянія коляски передъ отходомъ почты, размѣстить пассажировъ, принять отъ почтмейстера отправляемую кладь, имѣть наблюденіе за цѣлостію и сохранностію ея въ пути и сдать ее по описи другому вагенмейстеру въ мѣстѣ смѣны ихъ. Предоставляя опредѣлить размѣръ жалованья для вагенмейстеровъ «высокоучрежденному Генеральному Почтовому Управленію», Крауссъ полагалъ, что на такую должность можно было найти надежныхъ людей за 4 руб. въ мѣсяцъ. Каждому же возчику (ямщику), по мнѣнію Краусса, слѣдовало выдавать на годъ простой верхній кафтанъ сермяжнаго сукна, брюки, кожаные сапоги, шляпу, почтовый рожокъ и 4 рубля денегъ.

Для покрытія всѣхъ такихъ расходовъ какъ на устройство, такъ и на содержаніе телѣжной почты, необходимо было изыскать и соотвѣтственные доходы. Доходы эти, прежде всего, должны были состоять изъ платы за перевозку пассажировъ. Составитель проекта предполагалъ назначить ее въ размѣрѣ 15 руб. съ каждаго проѣзжающаго, разрѣшивъ ему при томъ брать съ собою багажа не болѣе 60 фунтовъ, а за излишекъ обязать его платить съ каждаго фунта по таксѣ или по оцѣнкѣ. Подобную-же плату съ фунта въ проектѣ предполагалось назначить и за перевозку прочихъ вещей, отправляемыхъ съ телѣжною почтою. При полномъ комплектѣ пассажировъ въ почтовой коляскѣ, казна должна была получить съ нихъ за 4 мѣста 60 руб., кромѣ той платы, которая могла поступить еще за перевозку товаровъ; расходъ-же казны долженъ былъ состоять въ платѣ прогоновъ ямщикамъ по 1 коп. за каждую лошадь и версту, всего на 4 лошади и 737 верстъ разстоянія между Петербургомъ и Москвою [1]) 29 р. 48 к.; такимъ образомъ, каждый курсъ телѣжной почты могъ дать прибыли 30 руб. 52 коп. (60 р.—29 руб. 48 коп.). Находя поэтому новое предпріятіе выгоднымъ для казны, составитель проекта отнесся, однако, къ опредѣленію его доходности съ большою осторожностію. Большое значеніе Крауссъ придавалъ безопасности дорогъ, достигнуть которой, по его мнѣнію, возможно было лишь «чрезъ жестокіе печатные указы за подписаніемъ Его Императорскаго Величества собственной руки». Такіе указы онъ совѣтовалъ выставить на каждой почтовой подставѣ съ предупрежденіемъ, что виновный «въ касательствѣ дѣйствомъ до сей почты», кто-бы онъ ни былъ, подвергнется суду Генеральнаго Почтоваго Управленія, при чемъ не только «дѣйстви-

[1]) Въ Сенатскомъ указѣ 17 Декабря 1720 г. (объ учрежденіи ординарной почты— П. С. З. № 3691) разстояніе это было исчислено въ 735 верстъ.

тели», но и товарищи ихъ, не смотря на лица, будутъ наказаны «на тѣлѣ и животѣ по изобрѣтенію оныхъ погрѣшенія».

Къ проекту Краусса была приложена «роспись, что для вчиненія и содержанія между Москвою и С.-Петербургомъ ѣдущей почты надобно и погодно изъ почтовой казны давано имѣетъ быть». По этой росписи предполагалось изготовить для телѣжной почты 6 покрытыхъ почтовыхъ колясокъ цѣною по 40 руб. каждая «со всѣмъ уборомъ», 66 запасныхъ окованныхъ колесъ—по $1^1/_2$ руб. за колесо, 66 запасныхъ окованныхъ осей по 80 коп. за ось и 6 большихъ дровенъ - по 6 руб. каждая; 4 вагенмейстерамъ назначить жалованья по 4 руб. въ мѣсяцъ, а 33 возчикамъ—по 4 руб. въ годъ съ аммуниціею; за 52 курса телѣжной почты изъ Москвы въ Петербургъ и столько-же курсовъ въ обратномъ направленіи уплачивать ямщикамъ прогоновъ 3.065 р. 92 к. въ годъ, считая по 29 р. 48 к. за курсъ, и на «коломазь» - по 6 руб. Общій расходъ на телѣжную почту былъ исчисленъ въ суммѣ около 4.000 р. По исключеніи его изъ ожидавшейся къ поступленію платы за перевозку пассажировъ въ размѣрѣ 6.240 руб. (4×15×104), въ казнѣ должно было остаться чистаго дохода 2.240 руб. въ первый же годъ существованія телѣжной почты. Кромѣ такого дохода для казны, учрежденіемъ этой почты было-бы «учинено», по словамъ Краусса, «великое вспоможеніе въ отправленіи бѣднымъ, ѣдущимъ чрезъ сей случай». Необходимые для первоначальнаго устройства телѣжной почты 4.000 руб. составитель проекта предлагалъ заимствовать изъ почтовыхъ доходовъ.

Еще большею подробностію и разработанностію отличался другой проектъ устройства телѣжной почты между Петербургомъ и Москвою, составленный Секретаремъ Генеральнаго Почтамта Пестелемъ. Въ этомъ послѣднемъ проектѣ, подъ названіемъ «нижайшее предложеніе объ учрежденіи телѣжной почты отъ Москвы и къ Москвѣ», составитель останавливается, прежде всего, на разсмотрѣніи слѣдующихъ вопросовъ:

1) какимъ образомъ установить безопасность по дорогѣ между Петербургомъ и Москвою?

2) можно-ли устроить и всегда содержать въ исправности удобныя телѣги для такой почты?

3) можно-ли достать потребныхъ для телѣжной почты лошадей и все необходимое для ихъ содержанія?

4) могутъ-ли проѣзжающіе на такой почтѣ получать въ дорогѣ съѣстные припасы?

и 5) можно-ли устроить телѣжную почту «безъ утраты и поврежденія государева интереса»?

Для установленія безопасности по дорогѣ Пестель предлагалъ назначить отрядъ солдатъ, которые осматривали-бы трактъ, попутныя села и деревни и всякія подозрительныя мѣста и очищали-бы ихъ отъ разбойниковъ. Кромѣ того, онъ совѣтовалъ, подобно Краусcу, издать и опубликовать на всѣхъ ямахъ особый Высочайшій указъ о томъ, что за «поврежденіе» телѣжной почты виновный, кто-бъ онъ ни былъ, будетъ подлежать суду Генеральнаго Почтамта и наказанъ имъ вмѣстѣ съ соучастниками, смотря по винѣ каждаго, «тѣлесно и пожитками и смертью накрѣпко». Старостъ-же, по его мнѣнію, слѣдовало обязать возможно чаще осматривать крестьянскіе дворы и переписывать всѣхъ живущихъ въ этихъ дворахъ, при чемъ въ случаѣ, если бы среди мѣстныхъ обывателей нашлись подозрительные люди, немедленно брать ихъ подъ караулъ и допрашивать. Лучшимъ средствомъ для установленія безопасности по дорогѣ составитель проекта считалъ, однако, назначеніе на каждый ямъ по два солдата, изъ которыхъ одинъ сопровождалъ бы прибывающую почту, а другой—отходящую. Такіе солдаты должны были составлять одну офицерскую команду и всегда быть въ готовности «для сысканія воровъ при приключающихся случаяхъ воровской ватаги».

По второму вопросу Пестель находилъ, что для постройки удобныхъ телѣгъ всегда можно найти достаточно дерева и прочихъ матеріаловъ; необходимо было только назначить знающихъ дѣло и честныхъ управителей.

Въ пріисканіи и содержаніи лошадей для телѣжной почты (третій вопросъ) Пестель также не находилъ никакихъ затрудненій. Для этого онъ предполагалъ войти въ соглашеніе съ ямщиками, поручивъ каждому изъ нихъ за извѣстную плату содержать на одномъ или двухъ ямахъ по 6 хорошихъ лошадей и работнику и заключивъ для того съ ними особые контракты на слѣдующихъ условіяхъ. Во первыхъ, чтобы не загонять лошадей и устроить правильный ходъ почты, ямы необходимо было расположить въ разстояніи 20—25 верстъ одинъ отъ другаго. Во вторыхъ, слѣдовало принимать во вниманіе каждый разъ мѣсто нахожденія яма, а именно входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, можетъ ли ямщикъ имѣть около станціи покосы для сѣна и землю для сѣянія овса, или одни только покосы для сѣна, или, наконецъ, ни того, ни другаго (напр., если ямъ окруженъ болотами), а также—расположенъ-ли ямъ ближе къ Петербургу, гдѣ жизнь была очень дорога, или ближе къ Москвѣ, гдѣ она стоила значительно дешевле. Въ томъ случаѣ, если

ямъ находился на пустомъ и болотистомъ мѣстѣ и фуражъ для лошадей приходилось привозить издалека, ямщику, по мнѣнію Пестеля, можно было назначить прогонную плату за возку телѣжной почты въ размѣрѣ 1 коп. съ версты и лошади или общую годовую плату въ суммѣ 100 рублей при двукратномъ отправленіи этой почты въ недѣлю. Если-же при ямѣ были сѣнные покосы, а овесъ приходилось покупать, то ямщику можно было назначить прогонную плату въ размѣрѣ 3 (?—вѣроятно, 1¹/₂) денегъ на версту и лошадь или общую годовую плату въ суммѣ 75 р. Наконецъ, если ямщикъ имѣлъ при станціи какъ сѣнные покосы, такъ и пашню для овса, то прогонную плату ему можно было назначить въ размѣрѣ 1 деньги съ версты и лошади, а общую годовую плату—въ суммѣ 52 рублей. Кромѣ прогонной платы, Пестель предполагалъ установить въ пользу ямщиковъ особый сборъ съ пассажировъ въ размѣрѣ 1 или 2 копѣекъ на каждомъ ямѣ: «отъ того никакой ѣздокъ отговариваться не будетъ, понеже на всю дорогу даже до Москвы малое число изойдетъ, однакожъ, толикое будетъ, что ямщикъ можетъ своего работника въ годъ прокормить».

Разрѣшеніе четвертаго вопроса—относительно продовольствія проѣзжающихъ пищею — Пестель находилъ наиболѣе затруднительнымъ какъ вслѣдствіе того, что пассажиру невозможно было брать съ собою съѣстныхъ припасовъ на 100 миль пути, такъ и потому, что на Московской дорогѣ тогда не было еще трактировъ и постоялыхъ дворовъ. По мнѣнію составителя проекта, на вновь устраиваемыхъ ямахъ слѣдовало имѣть, кромѣ сарая для лошадей, удобную избу для отдыха и постоя проѣзжающихъ. Содержаніе такого постоялаго двора можно было поручить самому ямщику или другому лицу, заявившему желаніе, разрѣшивъ имъ продавать мясо и различные съѣстные припасы, а также пиво и вино, при чемъ послѣднее брать не иначе, какъ со сдаточнаго двора и по установленной цѣнѣ. Для того, чтобы на постоялыхъ дворахъ не происходило безпорядковъ, Пестель предлагалъ особыми указами запретить на нихъ ссоры и драки и «прочія противности» и вмѣнить въ обязанность всѣмъ посѣтителямъ ихъ передъ отъѣздомъ расплачиваться съ хозяиномъ за забранные припасы. Со временемъ же такіе дворы предполагалось сдавать на откупъ и извлекать изъ нихъ доходъ въ пользу казны.

Что касается устройства самой телѣжной почты, то, чтобы сдѣлать ее «покойною и къ скорому поспѣшенію», Пестель совѣтовалъ заказать отъ 4 до 6 почтовыхъ колясокъ изъ хорошаго и сухаго дерева, окованныхъ желѣзомъ. Коляски эти должны были имѣть колеса, также окован-

ныя желѣзомъ, и кожаный верхъ для предохраненія проѣзжающихъ отъ дождя и ненастья. По своей длинѣ, ширинѣ и вышинѣ внутреннее устройство ихъ должно было быть разсчитано для свободнаго помѣщенія 4 пассажировъ; спереди же и сзади должны были находиться приспособленія для безопасной отъ дождя перевозки баула и связокъ.

На каждомъ ямѣ, по мнѣнію составителя проекта, необходимо было имѣть въ запасѣ по два колеса—переднему и заднему—и ось для почтовой коляски. Для наблюденія за порядкомъ при слѣдованіи почты, осмотра отправляемыхъ съ нею вещей, размѣщенія пассажировъ, починки почтовыхъ колясокъ и перекладки съ одной повозки на другую товаровъ составитель проекта предлагалъ назначить четырехъ вагенмейстеровъ, возложивъ на нихъ отвѣтственность за цѣлость и сохранность клади до сдачи ея на почтѣ. Подобно Крауссу, онъ предполагалъ распредѣлить по тракту вагенмейстеровъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ слѣдовалъ съ почтою отъ Петербурга до Новгорода, другой — отъ Новгорода до Вышняго-Волочка, третій — отъ Вышняго-Волочка до Твери и четвертый—отъ Твери до Москвы и въ обратномъ порядкѣ. Въ случаѣ порчи почтовой коляски въ пути, вагенмейстеръ обязанъ былъ при помощи ямщиковъ или крестьянъ произвести необходимое исправленіе ея.

Издержки на устройство телѣжной почты по разсчету, сдѣланному Пестелемъ, должны были составить: 1) на изготовленіе четырехъ крытыхъ телѣгъ со всѣми принадлежностями, считая по 40 руб. каждую,— 160 руб., 2) на изготовленіе 60 запасныхъ колесъ, окованныхъ желѣзомъ, считая по 1 р. 50 к. каждое, — 90 руб., 3) на изготовленіе 60 окованныхъ осей, считая по 80 к. каждую,—48 руб., 4) на жалованье вагенмейстерамъ—200 руб., 5) на изготовленіе имъ же мундировъ — 198 руб., 6) на пріобрѣтеніе дегтя для телѣгъ—6 руб. и 7) на уплату ямщикамъ прогоновъ, общую сумму которыхъ во время составленія проекта не представлялось возможнымъ выяснить съ точностью, такъ какъ не было сдѣлано еще раздѣленія ямщиковъ на три указанныя выше категоріи. Всѣ издержки на устройство и содержаніе телѣжной почты были исчислены Пестелемъ въ размѣрѣ 4.000 руб. въ годъ, кромѣ расходовъ на непредвидѣнные случаи, на установленіе безопасности и на починку дороги. Что касается доходовъ отъ телѣжной почты, то они, по мнѣнію Пестеля, должны были состоять: 1) изъ платы за провозъ пассажировъ, которую онъ предполагалъ опредѣлить въ размѣрѣ 15 руб. отъ Петербурга до Москвы, разрѣшивъ каждому проѣзжающему брать съ собою въ счетъ этой платы отъ 50 до 60 фунтовъ багажа, и 2) изъ платы

за перевозку отправляемой съ тяжелою почтою клади въ связкахъ, а также съ излишняго противъ разрѣшеннаго къ безплатной пересылкѣ вѣса пассажирскаго багажа, которую Пестель предполагалъ назначить съ фунта. Общую сумму доходовъ составитель проекта находилъ возможнымъ вычислить лишь по перевозкѣ пассажировъ, такъ какъ для опредѣленія дохода отъ пересылки грузовъ у него не имѣлось въ виду никакихъ данныхъ. При полномъ каждый разъ комплектѣ пассажировъ, получаемая съ нихъ плата должна была составить 6.840 рублей въ годъ. Надѣяться на такой успѣхъ въ дѣлѣ эксплоатаціи тяжелой почты было, однако, довольно трудно и потому Пестель считалъ необходимымъ ограничить эту сумму 3.400 р. Разсчитывать, по его мнѣнію, можно было только на пассажировъ прямаго сообщенія отъ Петербурга до Москвы и обратно, такъ какъ въ то время едва-ли нашлись бы желающіе ѣхать на телѣжной почтѣ изъ попутныхъ мѣстъ, подобно тому, какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ проѣзда колясочной почты нерѣдко ожидали на станціяхъ по 2 и по 3 пассажира. Кромѣ того, слѣдовало ожидать значительнаго пониженія доходности телѣжной почты въ зимнее время: прежде всего, невозможно было сдѣлать такихъ большихъ санныхъ полозьевъ, на которыхъ помѣстилась бы почтовая коляска съ четырьмя пассажирами, ихъ багажемъ и прочею кладью и, такимъ образомъ, вмѣсто одной коляски, пришлось бы отправлять до шести саней, что должно было повлечь за собою лишніе расходы. Съ другой стороны, большія затрудненія представляло собою и размѣщеніе въ саняхъ пассажировъ: «великая трудность была бы», по словамъ Пестеля, «когда двѣ незнакомыя и часто неравныя персоны подъ одною-бъ полостію ради стужи лежали бъ». Уменьшенія числа пассажировъ зимою необходимо было ожидать еще и потому, что въ это время каждый могъ найти дешевыхъ извозчичьихъ лошадей и не только проѣхать на нихъ самъ, но и перевезти всю свою семью за 6 руб. Запретить такой способъ переѣздовъ между Петербургомъ и Москвою не представлялось возможнымъ, такъ какъ для нѣкоторыхъ лицъ съ семьями могло потребоваться сразу болѣе 20 почтовыхъ саней. Такимъ образомъ, на значительное число пассажировъ для телѣжной почты слѣдовало разсчитывать лишь осенью и весною, во время распутицы.

Послѣдній вопросъ — возможно ли устроить телѣжную почту безъ вреда Всевысочайшему государственному интересу и «съ учиненіемъ довольствія» — Пестель разрѣшилъ отрицательно: ежегодные доходы отъ такой почты, по его мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не могли покрыть расходовъ. Поэтому, говорилъ онъ, если *«почта есть украшеніе земли,*

такожъ въ торгахъ и промыслахъ зѣло каждому человѣку вездѣ удобное дѣло есть, то нужно нѣкой способъ сыскать, чѣмъ оное въ доброе состояніе привести безъ великаго вреда или убытка высокому интересу Его Императорскаго Величества». Исходя изъ того положенія, что весною, лѣтомъ и осенью телѣжная почта представляла собою для населенія скорый и безопасный способъ передвиженія и приносила ему значительную пользу перевозкою всякихъ товаровъ и пакетовъ, составитель проекта находилъ справедливымъ, чтобы лица, пользовавшіяся доставляемыми ею выгодами и удобствами, со своей стороны, присовокупляли нѣчто для ея содержанія. По примѣру Пруссіи, онъ предлагалъ учредить для того особыя конторы подъ вѣдѣніемъ Генералъ Почтъ-Директора въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ которыя должны были бы являться всѣ ѣхавшіе на своихъ или на наемныхъ лошадяхъ для объявленія и записи числа имѣвшихся при нихъ колясокъ, саней и лошадей. Изъ конторы выдавалось бы особое письмо съ означеніемъ въ немъ объявленнаго числа колясокъ, саней и лошадей и «проѣзжій пассъ». На основаніи такихъ писемъ съ отъѣзжающихъ долженъ былъ взыскиваться сборъ, извѣстный въ нѣмецкихъ государствахъ подъ названіемъ «мостовыхъ или провожатыхъ денегъ». Документы эти должны были предъявляться на первой заставѣ для провѣрки числа экипажей и лошадей и служить основаніемъ для отчетности по еженедѣльно представляемымъ въ Генеральный Почтамтъ справкамъ дежурящаго на заставѣ офицера. Мостовой сборъ предназначался на покрытіе дефицитовъ отъ эксплоатаціи телѣжной почты, на исправленіе и починку дороги, на устройство для проѣзжающихъ удобныхъ постоялыхъ дворовъ и на содержаніе солдатъ для охраны пассажировъ въ пути отъ нападенія разбойниковъ. Онъ, по заключительнымъ словамъ проекта, «нѣчто принести можетъ, однакожъ, государству не малаго вреда чрезъ оный не причинится, но наипаче полезнѣйшее пріобрѣсти можетъ».

Изложеннымъ проектамъ устройства телѣжной почты не суждено было, однако, осуществиться въ царствованіе Петра Великаго, такъ какъ, съ одной стороны, при тогдашнемъ устройствѣ способовъ передвиженія въ Россіи особой потребности въ учрежденіи пассажирской почты еще не ощущалось, а, съ другой, не было достаточнаго числа подготовленныхъ почтовыхъ чиновниковъ, которые могли бы оказать необходимое содѣйствіе въ дѣлѣ организаціи такой почты [1]).

[1]) *Jahn.* Versuch einer historischen Darstellung des Postwesens in Russland—рукопись, хранящаяся въ библіотекѣ Германскаго Имперскаго Почтамта.

Предположеніе объ устройствѣ колясочной почты между Петербургомъ и Москвою было

Въ томъ-же году, въ которомъ ямщики были переселены въ Петербургскую губернію, въ губерніи этой былъ установленъ правильный ходъ почтъ по двумъ главнымъ трактамъ—Московскому и Рижскому. 22 Іюня 1714 г. Сенатомъ былъ объявленъ слѣдующій указъ Петра Великаго: «изъ С.-Петербурга до Москвы, изъ Москвы до С.-Петербурга учинить *обыкновенную* почту, въ недѣлю два дни, а именно: въ Понедѣльникъ и въ Пятницу, для того, что безъ уставленной почты нужнѣйшіе государевы указы и письма посылкою медлятся» [1]). Хотя въ указѣ 1714 г. и не содержится болѣе подробныхъ свѣдѣній объ устройствѣ новой Петербургско-Московской почты, тѣмъ не менѣе какъ самое названіе ея («обыкновенная» въ противуположность «нарочной»), такъ и цѣль учрежденія приводятъ къ тому заключенію, что она была ничто иное, какъ прежняя курьерская Московско-Новгородская почта, продолженная до Петербурга, съ болѣе правильнымъ лишь и точнымъ опредѣленіемъ времени ея отправленій и что она предназначалась, подобно прежнимъ курьерскимъ почтамъ, исключительно для разсылки правительственной корреспонденціи. Своею особенностью, а именно періодичностью двукратныхъ въ недѣлю отправленій въ назначенные указомъ дни—она приближается уже къ учрежденной затѣмъ «ординарной» государственной почтѣ, съ которою носитъ одно общее названіе и отъ которой разнится только невыработанностью еще своей организаціи. Доказательствомъ того, что названія «обыкновенная» почта и «ординарная» или, какъ тогда ее называли, «ординалная» почта были синонимами на языкѣ того времени можетъ служить приговоръ Правительствующаго Сената 22 Ноября 1714 г.: въ немъ учрежденная одновременно съ Петербургско-Московскою Петербургско-Рижская почта названа этимъ послѣднимъ терминомъ—«а въ Ригу», сказано въ приговорѣ, «къ Губернатору, князю Голицыну, указъ на *ординалной* почтѣ отъ Рижскаго здѣсь Почтмейстера 29 числа посланъ» [2]). Еще нагляднѣе тождественность этихъ названій подтверж-

---

приведено въ исполненіе лишь въ XIX столѣтіи: сначала въ 1821 г. частнымъ акціонернымъ обществомъ для перевозки однихъ только пассажировъ и затѣмъ въ 1840 г. почтовымъ вѣдомствомъ для совмѣстной перевозки какъ пассажировъ, такъ и почтъ. См. мою статью «Проекты устройства телѣжной почты между С.-Петербургомъ и Москвою въ царствованіе Императора Петра Великаго», помѣщенную въ Октябрьской книжкѣ Почтово-Телеграфнаго Журнала за 1902 г. (стр. 716—732) и составленный мною Историческій очеркъ развитія почты въ Россіи въ XIX столѣтіи (приложеніе къ юбилейной исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, глава III, стр. 34 и слѣд.).

[1]) П. С. З. № 2830.

[2]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 1152.

дается сопоставленіемъ указовъ Сенатскаго 30 Апрѣля 1719 г. и Именнаго, объявленнаго изъ Сената 24 Мая 1720 г. [1]): въ первомъ указѣ учреждавшаяся тогда отъ Петербурга до всѣхъ знатныхъ городовъ государственная почта названа «обыкновенною», а во второмъ «ординарною». Названіе «ординарная» почта, несомнѣнно, было заимствовано изъ Германіи, гдѣ словомъ «ordinari Post» называлась почта, учрежденная еще въ 1616 г. между Лейпцигомъ и Франкфуртомъ на Майнѣ [2]), и было перенесено въ Россію нѣмцами, устраивавшими Петербургско-Рижскій трактъ въ 1714 г. Въ Регламентѣ объ учрежденіи Петербургско-Рижской почты 24 Сентября 1714 г. прямо говорится объ «von hier (St.-Petersburg) nach Riga und Reval und Pernau von dannen wieder und anheer gehende *ordinaire* Post» [3]). Такимъ образомъ, въ наименованіи Петербургско-Московской почты 1714 г. «обыкновенною» нельзя не видѣть, хотя первоначально и номинальнаго только, нѣмецкаго вліянія на начинавшееся въ то время переустройство прежней русской почтово-ямской гоньбы.

Образцомъ для такой реформы и должна была послужить учрежденная одновременно съ Петербургско-Московскою Петербургско-Рижская почта. Устройство ея было поручено Петербургскому Почтмейстеру Крауссу. Изъ рапорта, представленнаго Крауссомъ 20 Сентября 1714 г. объ осмотрѣ имъ станцій Петербургско-Рижскаго тракта, видно, что верховую почту между Петербургомъ и Нарвою, которая начала ходить въ Февралѣ мѣсяцѣ того же года, проектировано было устроить слѣдующимъ образомъ [4]). Для отправленія почты изъ Петербургской Почтовой Конторы назначались 3 лошади съ тремя конюхами. Почталіонамъ предполагалось дать однообразную форменную одежду. Такъ какъ Петръ Великій пожелалъ, чтобы при отъѣздѣ почты почталіоны, по германскому обыкновенію, трубили въ рогъ, то для обученія ихъ этому искусству имѣлось въ виду вызвать въ Петербургъ опытнаго почталіона, служившаго въ Митавской Почтовой Конторѣ, съ жалованьемъ по 1 рублю въ недѣлю. Первая

---

1) П. С. З. №№ 3362 и 3591.

2) *Crole.* Geschichte der deutschen Post, стр. 324.

3) Названіе это употреблялось тогда и во Франціи. Такъ, напр., кардиналъ Дюбуа писалъ къ Кампредону въ письмѣ, отправленномъ изъ Парижа въ Петербургъ 18 Сентября 1722 г.: «je vous ai souvent écrit tous les *ordinaires*», «je puis encore moins que jamais vous confier par la voie de *l'ordinaire* les raisons» и т. д. Сборникъ Русскаго Истор. Общ., т. XLIX, стр. 147.

4) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 20—24 Сентября 1714 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 170.

станція отъ Петербурга находилась тогда въ Дудергофѣ. Перегонъ этотъ составлялъ 30 верстъ. Вслѣдствіе того, что почтовыя станціи до Нарвы были общими для трехъ дорогъ—прямой Рижской, шедшей отъ нея направо Ревельской и налѣво Псковской, и такъ какъ для одной лошади было очень трудно, особенно въ дурную погоду, дѣлать по 30 верстъ въ оба конца, Крауссъ находилъ необходимымъ перенести первую отъ Петербурга почтовую станцію съ 18 почтовыми лошадями въ Горѣлый Кабачекъ (Karceler Krug), находившійся въ 24 верстахъ отъ города, и устроить здѣсь первую смѣну. Вторая станція за Дудергофомъ была въ Новой Бури на разстояніи 38 верстъ. Эту станцію Крауссъ полагалъ устроить на мызѣ Кипень въ 21 верстѣ отъ Горѣлаго Кабачка съ 20 почтовыми лошадьми. Третья станція—Копорье—находилась отъ Новой Бури въ 25 верстахъ. Съ уменьшеніемъ разстояній между первыми двумя станціями, отъ Кипени до Новой Бури оставалось только 23 версты. Поэтому новая третья станція должна была замѣнить собою прежнюю вторую въ Новой Бури, а четвертая—прежнюю третью въ Копорьѣ, отстоявшемъ отъ Новой Бури въ 25 верстахъ, съ поставкою лишь на нихъ новыхъ лошадей вмѣсто прежнихъ негодныхъ для почтовой гоньбы. Точно также должны были остаться въ прежнихъ мѣстахъ и слѣдовавшія за Копорьемъ станціи: Пилава мыза (Bilof), находившаяся въ 25 верстахъ, на которой Крауссъ нашелъ 15 посредственныхъ лошадей, Ямбургъ, находившійся въ 22 верстахъ, гдѣ онъ нашелъ 16 такихъ же лошадей, и Нарва, находившаяся въ 25 верстахъ. Въ Нарвѣ должно было содержаться 20 лошадей; изъ нихъ Крауссъ нашелъ только 8 и то настолько плохихъ, что на нихъ нельзя было возить ни почты, ни проѣзжающихъ. Невозможность привести въ порядокъ Нарвскую почтовую станцію оберъ-комендантъ объяснилъ большимъ разгономъ лошадей на три развѣтвлявшіеся отъ Нарвы тракта. Управляющимъ почтою въ Нарвѣ Крауссъ назначилъ одного изъ мѣстныхъ рыцарей Вильгельма Себастьяна, выдавъ ему отъ себя грамоту на такое назначеніе (Bestallung) подъ условіемъ утвержденія его затѣмъ въ этомъ званіи высшею властью.

Такимъ образомъ, нормальнымъ числомъ почтовыхъ лошадей на станціяхъ между Петербургомъ и Нарвою, подобно тому, какъ и на прочихъ подставахъ Петербургско-Рижскаго тракта, было 20.

Отъ Нарвы до Риги почтовыя станціи содержались тѣмъ же способомъ, какъ и ранѣе—до 1714 г. (см. описаніе Петербургско-Рижскаго тракта въ первомъ періодѣ), при чемъ отъ Нарвы до Дерпта ландраты, которымъ Дерптскій дистриктъ былъ отданъ на откупъ за 25.000 р.,

назначали на станціи по 2 крестьянина, а надзоръ за станціонными лошадьми поручали унтеръ-коммисарамъ (Unter-Commissaire).

Что касается дальнѣйшей почтовой дороги, шедшей отъ Риги до пограничнаго прусскаго города Мемеля, то объ устройствѣ ея въ «извѣстіи о состояніи почтъ въ Рижской губерніи» (приложенномъ къ промеморіи въ Приказъ Ямскихъ Дѣлъ 5 Сентября 1722 г.) сохранились слѣдующія свѣдѣнія: «нѣмецкая почта учреждена по прежнему шведскому порядку и съ нѣкоторымъ иноземцемъ въ Курляндіи именемъ Урбаномъ контрактъ учиненъ, по которому онъ обязанъ подставы и почталіоны между Доблеиомъ и Мемелемъ содержать и почтовыя сумы вѣрно отправлять, такожъ отъ Риги до Доблена здѣшній (т. е., Рижскій) почтъ правитель съ нѣкоими людьми въ платежѣ лошадей подъ нѣмецкую почту договорилъ и къ тому генералъ почтъ правитель нѣсколько денегъ опредѣлилъ» [1]).

По осмотрѣ Почтмейстеромъ Крауссомъ Петербургско-Рижскаго тракта, былъ изданъ Регламентъ 24 Сентября 1714 г. объ устройствѣ почты между Петербургомъ и Ригою. Въ Регламентѣ этомъ встрѣчаются общія мѣста съ «Уложеніемъ, каковымъ образцемъ почту держать не една нація, но и прочія во всей Европѣ» 1710 г., о которомъ мы говорили выше при изложеніи исторіи Петербургской почты въ первомъ періодѣ ея развитія при Петрѣ Великомъ. Начинается онъ съ подробнаго титула князя Меншикова [2]) и состоитъ, подобно Уложенію 1710 г., изъ 10 пунктовъ. Прежде всего, въ немъ было объявлено объ устройствѣ, по повелѣнію Петра Великаго, почтовыхъ станцій между Петербургомъ, Ревелемъ и Перновымъ для верховой ординарной почты и для перевозки проѣзжающихъ съ поставкою на нихъ установленнаго числа лошадей и о дарованіи Высочайшею властью вновь учреждаемой почтѣ, почтовымъ домамъ и служащимъ, по общепринятымъ всюду обычаямъ, высокихъ привилегій (die hohen Privilegia), съ воспрещеніемъ всѣмъ и каждому задерживать почты въ пути или причинять почтовымъ служащимъ какой-либо вредъ и насиліе (tortiren — «турбовать» Уложенія 1710 г.);

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1. За содержаніе почты Урбанъ получалъ по 520 талеровъ въ годъ.

[2]) Титулъ этотъ приведенъ у *Хрущова* (назв. соч., стр. 87) съ пропускомъ семи словъ, напечатанныхъ здѣсь курсивомъ: «Wir, Alexander Menschikow, des Römischen und Russischen Reichs Fürst, Hertsog von Ingermanlandt, Erbherr zu Oranienburg etc... dero grosz: Czaar: Maj. meiners allergnädigsten Herrn premier ministre d'éstat commandirender General-Feldtmarschall über dero armées *und General Gouverneur aller conquetirten Provinzien*, Ritter des Orden S-to Andreas, Elephanten *weissen* und schwartzen Adler etc. etc.

для того-же, чтобы всякій зналъ, какъ ему обходиться съ почтою и почтовыми служащими (damit ein jeder wisse, wie er sich hierbei zu bezeigen»—въ Уложеніи 1710 г. «да познаетъ почтовое обхожденіе и уложеніе»), настоящій Регламентъ и былъ публикованъ путемъ печати. Возлагая заботы объ исправномъ содержаніи почтовыхъ станцій на ландратовъ, Регламентъ вмѣнялъ имъ въ обязанность поручать надзоръ за каждыми двумя перегонами особому унтеръ-коммисару съ тѣмъ, чтобы распоряженія послѣдняго исполнялись какъ подчиненными ему солдатами на станціяхъ, такъ и пассажирами во всемъ томъ, что могло касаться пользы и интересовъ Его Величества. Коммисаровъ онъ обязывалъ исполнять ихъ должность сообразно данной имъ инструкціи подъ опасеніемъ строгаго наказанія за нарушеніе установленныхъ правилъ. Въ особенности-же они должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы прибывающія верховыя почты отправлялись далѣе безъ замедленія и чтобы часы прихода и отхода почтъ записывались съ точностью въ дорожные документы (Stunde-Zettel). Курьеровъ, посылаемыхъ изъ Петербурга и изъ Риги по дѣламъ государевой службы, они должны были снабжать хорошими лошадьми и необходимыми проводниками для возможно поспѣшнаго слѣдованія ихъ къ мѣсту назначенія, при чемъ курьерамъ строго подтверждалась обязанность ихъ платить прогоны за даваемыхъ имъ лошадей. Такъ какъ съ нѣкоторыхъ станцій поступали жалобы на то, что курьеры, промедливъ въ какомъ либо мѣстѣ, усиленно гнали затѣмъ лошадей, чтобы наверстать потерянное время, отъ чего послѣднія нерѣдко падали въ пути,—проводникамъ-же, не соглашавшимся исполнять такія ихъ требованія, наносили побои, то Регламентъ строго воспрещалъ курьерамъ дѣлать что-либо подобное въ будущемъ подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, предписывая имъ ѣздить по дорогамъ сзади проводниковъ и соблюдать установленное правило о слѣдованіи на почтовыхъ лошадяхъ по 8 верстъ въ часъ. Въ случаѣ-же, если бы кто-нибудь изъ курьеровъ позволилъ себѣ, вопреки этому постановленію, обгонять въ пути проводника и загналъ-бы или сдѣлалъ негодною для гоньбы почтовую лошадь, коммисару вмѣнялось въ обязанность доносить о томъ Петербургскому Почтамту для возмѣщенія стоимости испорченной лошади и для соотвѣтственнаго наказанія виновнаго. Что касается прочихъ проѣзжающихъ, то коммисаръ обязанъ былъ отпускать имъ почтовыхъ лошадей только по подорожнымъ, выданнымъ въ Петербургѣ княземъ Меншиковымъ или Государственнымъ Канцлеромъ, а въ Ригѣ Губернаторомъ княземъ Голицынымъ, и при томъ не иначе, какъ за установленные прогоны, не дѣлая

ни для кого исключенія и принимая въ такихъ случаяхъ всѣ мѣры къ предоставленію пассажирамъ скораго и удобнаго проѣзда. Со своей стороны, проѣзжающіе должны были ѣздить на отпущенныхъ имъ лошадяхъ не далѣе одной станціи и затѣмъ обращаться за подводами къ мѣстному коммисару, выжидая, пока не будутъ отправлены имъ далѣе. Если бы, сверхъ ожиданія, нашлись, по словамъ Регламента, такіе безбожные люди, которые рѣшились бы сдѣлать нападеніе на верховую почту или обезпокоить проѣзжающихъ, то коммисару предоставлялось воспользоваться имѣвшимся на каждой станціи карауломъ и при помощи крестьянъ задержать и заключить подъ стражу злоумышленниковъ, донеся о томъ Петербургскому Почтамту. «Такъ какъ наше и Его Царскаго Величества высокое намѣреніе», сказано было въ заключительныхъ словахъ Регламента, «состоитъ въ томъ, чтобы оказать публикѣ услугу устройствомъ вѣрной и безопасной перевозки почты, то еще разъ строго напоминается каждому о томъ, чтобы имъ исполнялись всѣ предписанныя выше постановленія или чтобы, въ противномъ случаѣ, онъ ожидалъ себѣ наказанія за нарушеніе ихъ какъ тѣлесно, такъ и отнятіемъ жизни, чести и имущества, по важности его проступка; для того-же, чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ этого Регламента, предписывается опубликовать его во всеобщее свѣдѣніе на каждой почтовой станціи» [1]).

Изъ производившейся затѣмъ въ Петербургской Губернской Канцеляріи переписки по поводу устройства этой почты видно, что 30 Декабря 1714 г. послѣдовалъ новый Высочайшій указъ за подписью князя Меншикова, которымъ повелѣно было «*для ординалной почты и штаветовъ* учредить отъ Петербурга до Нарвы въ 9 станахъ на каждомъ стану по 4 лошади добрыхъ, которыхъ купить каждую цѣною по 10 рублевъ изъ доходовъ Петербургской губерніи; почтарей выбрать изъ ямщицкихъ и изъ стрѣлецкихъ и изъ прочихъ служилыхъ людей и сдѣлать на нихъ мундиръ темнозеленый съ красными обшлаги, а сверхъ, вмѣсто епанчей, сарцуты, вмѣсто шляпъ, картузы красные, на грудяхъ сдѣлать по орлу свинцовому *противъ прусскаго манера,* купить рожки, а для ученія взять одного изъ Рижскихъ почталіоновъ, а почтмейстеру фуражъ на оныхъ лошадей покупать на почтовыя деньги». Во исполненіе

---

[1]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 20—24 Сентября 1714 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 170.

До 20-хъ годовъ XVIII столѣтія на Ревельско-Рижскомъ трактѣ прогоны платились курьерами по деньгѣ съ версты и лошади, а частными проѣзжающими—по 2 деньги (о прогонахъ за возку почтъ на этомъ трактѣ сказано ниже).

этого указа почталіонскіе кафтаны были сдѣланы изъ англійскаго зеленаго сукна [1]) съ красными обшлагами и отворотами и съ мѣдными пуговицами, сарцуты съ васильковыми обшлагами и отворотами, а головной уборъ съ верхомъ изъ англійскаго зеленаго сукна и съ отворотами изъ англійскаго краснаго сукна; орлы же были изготовлены мѣдные. Такая форменная одежда была заказана для 20 почталіоновъ, которые затѣмъ и переданы въ распоряженіе Шафирова, назначеннаго въ 1715 г., по указу Петра Великаго, управляющимъ вновь учрежденныхъ почтъ Петербургской, Рижской и прочихъ завоеванныхъ провинцій. Посланные къ Шафирову почталіоны были распредѣлены по Петербургско-Нарвскому участку Рижскаго тракта слѣдующимъ образомъ: по два изъ нихъ было назначено въ Петербургъ, Дудорову мызу (Дудергофъ), Новую Бурь, Копорье, Пилаву мызу и Ямбургъ, трое—въ Нарву и пять оставлено въ запасѣ на Петербургскомъ почтовомъ дворѣ [2]). Почталіоны эти, какъ видно изъ одного дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [3]), перевозили почты съ проводниками, мѣнявшимися на каждой станціи.

Веберъ, бывшій въ Петербургѣ въ концѣ 10-хъ годовъ XVIII столѣтія, утверждаетъ, что въ 1718 г. почталіоны преобразованной по нѣмецкому образцу верховой почты носили сѣрые мундиры съ нашитыми на нихъ сзади почтовыми рожками изъ краснаго сукна. По его словамъ, опредѣленные въ эту должность крестьяне сначала никакъ не могли усвоить себѣ нововведеній нѣмецкой почты, состоявшихъ въ ѣздѣ по точному росписанію часовъ прибытія и отправленія почтъ съ почтовыхъ станцій и въ подачѣ сигналовъ на почтовомъ рожкѣ. Онъ разсказываетъ, что былъ въ Петербургѣ очевидцемъ очень интереснаго случая, какъ одинъ изъ новыхъ почталіоновъ, отказываясь учиться на почтовомъ рожкѣ, уморилъ себя изъ злости крѣпкой водкой, предпочитая скорѣе умереть, чѣмъ приставить къ губамъ нѣмецкій инструментъ: этимъ поступкомъ, говоритъ Веберъ, онъ хотѣлъ, должно быть, показать примѣръ упрямства своей націи [4]).

---

[1]) Зеленый цвѣтъ форменнаго мундира остался съ этихъ поръ принадлежностію почтоваго вѣдомства не только въ XVIII, но и въ XIX столѣтіяхъ.

[2]) Роспись почталіонамъ отъ Петербурга до Нарвы и свѣдѣнія о постройкѣ для нихъ форменнаго платья извлечены изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[3]) Дѣло 5 Августа 1721 г.

[4]) Назв. соч., I томъ, стр. 126. Комментируя приведенное здѣсь сообщеніе Вебера о форменной одеждѣ почталіоновъ, *Шторхъ* совершенно правильно замѣчаетъ, что новая форма была дана тогда однимъ только почтарямъ иностранной почты, такъ какъ ординарная государственная почта была учреждена позднѣе (назв. соч., часть VII, стр. 257).

О количествѣ прогоновъ, платившихся за перевозку почтъ по Нарвской дорогѣ въ разсматриваемомъ періодѣ, можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, сохранившимся въ Сенатскомъ указѣ 20 Декабря 1723 г. [1]) и въ архивномъ дѣлѣ Московскаго Почтамта того-же года за № 2.

Въ первомъ изъ этихъ источниковъ приведена, между прочимъ, справка Петербургской Почтовой Конторы, изъ которой видно, что «ординарная заморская почта (т. е., почта, учрежденная между Петербургомъ и Ригою) началась Февраля съ 24 дня 714 года и была подъ вѣдѣніемъ Свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) и отправляли разныхъ ямовъ ямщики на своихъ лошадяхъ до 716 года безъ прогонныхъ денегъ, для того, что о выдачѣ оныхъ денегъ указомъ было не опредѣлено, также платежа не было за умаленіемъ сборныхъ денегъ, а надлежитъ въ дачѣ быть 128 рублевъ 84 копѣйки; а когда оная почта стала быть подъ вѣдѣніемъ бывшаго Генерала Почтъ Директора Шафирова, съ того времени по приказу его за 716, 717 и 718 годы прогонныя деньги даваны на всѣ станы сполна, а именно отъ С.-Петербурга по Нарвской дорогѣ по копѣйкѣ на версту на двѣ лошади». Эта послѣдняя прогонная плата за возку почтъ по Нарвской дорогѣ была измѣнена въ 1720 г., когда, по приведеннымъ выше указамъ, размѣръ ея былъ опредѣленъ въ 6 копѣекъ за 10 верстъ съ каждой почтовой лошади.

Что касается общихъ годовыхъ суммъ, платившихся за перевозку почтъ по Нарвской дорогѣ, то о нихъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по уцѣлѣвшимъ счетамъ Петербургской Почтовой Конторы 20-хъ годовъ XVIII столѣтія, приложеннымъ къ слѣдственному дѣлу о С.-Петербургскомъ Почтмейстерѣ Крауссѣ 1723 г. (№ 2 по Архиву Московскаго Почтамта). По отношенію къ Нарвской дорогѣ такія суммы были выдѣлены въ особыя рубрики лишь въ счетахъ за первыя полугодія 1721 и 1722 гг. Онѣ составляли: въ первомъ полугодіи 1721 г.—85 р. 54 к. и въ первомъ полугодіи 1722 г.—142 р. 71 к., т. е., какъ мы увидимъ ниже, половину тѣхъ суммъ, которыя были уплачены одновременно съ ними за перевозку почтъ по Петербургско-Московской дорогѣ.

Чтобы организовать перевозку почтъ по Петербургско-Рижскому тракту на слѣдующихъ за Нарвою участкахъ, баронъ Шафировъ заключилъ въ Ревелѣ 13 Августа 1715 г. контрактъ съ ландратами фонъ-Ниротомъ и Таубе, по которому Ревельская верховая почта до Нарвы

---

[1]) П. С. З. № 4400.

была передана имъ въ содержаніе на три года—до 1 Мая 1718 г. По этому контракту, состоявшему изъ 6 статей, ландраты получали за перевозку почты между Нарвою и Ревелемъ по 6 копѣекъ съ лота, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ различными привилегіями, о которыхъ, какъ мы видѣли выше, упоминалось уже въ Регламентѣ 1714 г., а именно: почтовый дворъ освобождался отъ всякаго постоя, а сторожъ при почтовомъ дворѣ—отъ посадскаго караула. Со своей стороны, ландраты обязаны были возить почту по два раза въ недѣлю. Избранный ими для управленія Ревельскою почтою Почтовый Секретарь Гультфильтеръ долженъ былъ завѣдывать вмѣстѣ съ тѣмъ и Рижскою почтою. Полученныя съ почтою письма ему вмѣнялось въ обязанность раздавать по назначенію, не требуя съ адресатовъ никакой дополнительной за то платы. Гультфильтеръ далъ присягу въ томъ, что будетъ исправно пересылать письма, вести вѣрный счетъ собираемымъ почтовымъ деньгамъ и «открывать всякія подозрительныя корреспонденціи» [1]). По заключеніи Шафировымъ контракта съ баронами Нпротомъ и Таубе, заграничная почта Именнымъ указомъ 27 Сентября 1715 г. была ввѣрена управленію иноземца Ивана Юрьева (впослѣдствіи Оберъ-Секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ).

Изъ сохранившагося въ одномъ изъ дѣлъ Архива Морскаго Министерства письма барона Шафирова къ графу Апраксину 25 Марта 1720 г. видно, что до этого года никакой прогонной платы ландратамъ за перевозку почтъ между Ревелемъ и Нарвою не производилось. Когда-же въ 1720 г. Ревельскіе ландраты обратились къ графу Апраксину съ жалобою на неплатежъ имъ мѣстнымъ почтмейстеромъ прогонныхъ денегъ за почты, баронъ Шафировъ отвѣчалъ, «что всего та почта по дважды въ недѣлѣ изъ Ревеля ходитъ и на оной немного купеческихъ писемъ, но больше о дѣлѣхъ государевыхъ изъ губерніи отъ оберъ-коменданта и въ коллегіи, такожъ и изъ коллегіи, за которыя письма платежу нигдѣ не берутъ и почитай со всѣхъ и въ чужіе краи изъ Риги и отсюды посылаемыхъ и сюда приходящихъ писемъ государевыхъ и канцелярскихъ не платятъ-же, но принуждены за оныя платить изъ почтовыхъ другихъ доходовъ, и, ежели къ тому и за прогоны всюду внутрь государства платить, то не достанетъ и на служителей почтовыхъ платы, а не то, что остатку» [2]).

---

[1]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 13 Августа 1715 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 175.

Рукопись Публичной Библіотеки 1807 г. «О почтѣ» (F. IV. № 648).

Смирновъ, назв. соч., статья вторая, стр. 19—20.

[2]) Дѣло графа Апраксина 1719 г. № 190.

Описавъ устройство Нарвскаго и Ревельскаго участковъ Петербургско-Рижскаго почтоваго тракта, считаемъ не лишнимъ для полноты очерка перечислить всѣ находившіяся на этомъ трактѣ въ разсматриваемомъ періодѣ почтовыя станціи, съ указаніемъ разстояній между ними, исчисленныхъ въ верстахъ отъ каждой предъидущей станціи [1]. Отъ Петербурга до Нарвы почта перевозилась въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія черезъ слѣдующіе «станы»: Горѣлый Кабачекъ (отъ Петербурга 25 верстъ), Кипину мызу (20 в.), Костково (20 в.), Чирковичи (20 в.), Ополье (22 в.), Жабино (20 в.) и Нарву (18 в.), всего на разстояніи 145 верстъ, и далѣе отъ Нарвы до Ревеля —: черезъ Вайвары (26 в.), Фокенгофъ (17 в.), Воргалъ (26 в.), Гоенкрейцъ (24 в.), Подрусъ (23 в.), Лоппъ (21 в.), Когалъ (21 в.), Гегелахтъ (25 в.) и Ревель (20 в.), всего на разстояніи 203 верстъ. Отъ Нарвы-же до Риги первыя двѣ почтовыя станціи были общія съ Ревельскою дорогою, а въ Фокенгофѣ Рижскій почтовый трактъ отдѣлялся и шелъ далѣе черезъ Пурро (15 верстъ отъ Фокенгофа), Пунгернъ (15 в.), Кауксъ (22 в.), Неппалъ (16 в.), Торму (24 в.), Игаферъ (22 в.), Дерптъ (22 в.), Уддернъ ($24^1/_2$ в.), Кункакъ ($23^1/_2$ в.), Телицъ ($21^1/_2$ в.), Гулвенъ (20 в.), Краценъ (23 в.), Папендорфъ (25 в.), Роопъ (26 в.), Энгельгартсгофъ (23 в.), Гилзенферъ (17 в.), Нейермиленъ (14 в.) и Ригу (11 в.), всего на разстояніи 407 верстъ [2]. По всѣмъ этимъ станціямъ возка отходящихъ и приходящихъ почтъ производилась на двухъ лошадяхъ, при чемъ прогоны за каждую лошадь платились, по указамъ 20-хъ годовъ, въ размѣрѣ 6 копѣекъ на 10 верстъ.

Почтовыя сумы съ письмами отправлялись изъ Риги въ Дерптъ, въ Ревель (черезъ Фокенгофъ), въ Нарву и въ Петербургъ и въ обратномъ направленіи по два раза въ недѣлю. Первоначально, со времени установленія хода почтъ по Петербургско-Рижскому тракту (на основаніи однихъ источниковъ—съ 23, по другимъ же—съ 24 Февраля 1714 г.), днями отправленія этихъ почтъ изъ Петербурга были Вторникъ и Суббота. Такой порядокъ просуществовалъ, однако, всего лишь нѣсколько недѣль и затѣмъ по указу «высокихъ коллегій» былъ замѣненъ другимъ, по которому Рижскія почты стали отправляться изъ Петербурга въ Поне-

---

1) Въ 1717 г. отъ Петербурга до Нарвы считалось 164 версты, а до Ревеля—360 вер. Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 30 Августа 1717 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 188.

2) Дѣла Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи, хранящіяся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи (№ 1065 по каталогу Архива) и дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главн. Упр. Почтъ и Телеграфовъ № 1. Названія станцій переданы нами въ томъ самомъ видѣ, какъ они были выписаны въ Извѣстіи отъ Генеральнаго Почтъ-Амта въ Ямскую Канцелярію 26 Февраля 1725 г.

дѣльникъ и въ Пятницу. По дѣйствовавшему тогда росписанію, верховыя почты находились въ дорогѣ между Петербургомъ и Ригою четыре дня, вслѣдствіе чего почта, отходившая изъ Петербурга въ Понедѣльникъ, получалась въ Ригѣ въ Пятницу, а отходившая въ Пятницу—во Вторникъ. Дни прибытія Петербургскихъ почтъ въ Ригу не были согласованы со днями отправленія заграничныхъ почтъ изъ Риги въ Мемель, которыми издавна были Воскресенье и Четвергъ. Такъ какъ при описанномъ порядкѣ хода почтъ заграничная корреспонденція совершенно непроизводительно пролеживала въ Ригѣ двое сутокъ, то, чтобы «отъ такого непорядочнаго хожденія почты въ дѣлѣхъ и интересахъ Его Императорскаго Величества не прилучилось какого предосужденія», Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, согласно меморіалу Петербургскаго Почтмейстера Краусса, постановила 13 Декабря 1723 г. послать промеморію въ Ямскую Канцелярію о возстановленіи прежняго порядка пересылки заграничной корреспонденціи, а именно объ отправленіи верховыхъ почтъ изъ Петербурга въ Ригу во Вторникъ и въ Субботу [1]).

Вмѣстѣ съ перенесеніемъ въ Россію германской почтовой организаціи, при Петрѣ Великомъ вошли въ русскій языкъ и нѣкоторые иностранные почтовые термины, сохранившіеся до самаго послѣдняго времени, какъ, напр.. почтамтъ, почтъ-контора или почтовая контора, почталіонъ («постильонъ», по названію того времени) [2]), эстафета (называвшаяся ранѣе «нарочною почтою»), экспедиція («другая почтовая экспедиція или», какъ сказано въ переводѣ 1723 г. одного изъ меморіаловъ Почтмейстера Краусса, по русски «отправленіе») [3]), почтовый *пакетъ* съ письмами или постъ-пакетъ, почтовый протоколъ, реестръ и др. Слово «корреспонденція» при Петрѣ Великомъ означало собою не пересылаемые по почтѣ предметы, какъ нынѣ, а самую пересылку или почтовыя сообщенія вообще; въ этомъ смыслѣ въ источникахъ говорится, напр., «о

---

[1]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1 Декабря 1723 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 203.

О перемѣнѣ въ 1723 г. дней отправленія изъ Петербурга Рижской почты имѣется замѣтка также и въ Дневникѣ *Берхгольца*: «22 Декабря», говоритъ онъ: «здѣшній Почтъ-Директоръ Краузе увѣдомилъ Его Королевское Высочество, что по приказанію Императора дни отхода германской почты будутъ измѣнены уже на этой недѣлѣ, т. е., вмѣсто Понедѣльника и Пятницы, назначены будутъ Вторникъ и Четвергъ (?), потому что до сихъ поръ письма должны были цѣлый день (?) лежать въ Ригѣ. Между тѣмъ почта по прежнему будетъ отправляться вечеромъ» (часть III, 1723 г., стр. 266).

[2]) Слово «почтмейстеръ» употреблялось въ Россіи еще въ XVII столѣтіи: первымъ носилъ это званіе Андрей Виніусъ.

[3]) Впослѣдствіи словомъ «экспедиція» стали называться отдѣленія почтамтовъ, при чемъ въ разговорномъ языкѣ его употребляли иногда вмѣсто слова «почта» или «корреспонденція». Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно встрѣчается, между прочимъ, и у Гоголя въ Мертвыхъ Душахъ: «хорошо тебѣ», замѣчали обыкновенно другіе чиновники почтмейстеру Ивану Андреевичу: «у тебя дѣло почтовое—принять да отправить *экспедицію*».

нынѣшней нужной и частой корреспонденціи изъ Нейштадта въ Ревель»[1]), «о многихъ корреспонденціяхъ при войскѣ ради различныхъ случаевъ и дѣлъ»[2]), «о корреспонденціи и торговлѣ, за случаемъ войны пресѣченныхъ»[3]) и проч.

Въ 1722 г., какъ мы уже сказали выше, возникло предположеніе объ устройствѣ по Петербургско-Рижскому тракту, кромѣ существовавшей тогда легкой (верховой) почты, еще и тяжелой для сношеній между Россіею и Пруссіею. Предположеніе это, встрѣтило, однако, значительныя затрудненія какъ вслѣдствіе необходимости отправлять такую почту транзитомъ черезъ Курляндское герцогство, такъ и по поводу разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности за денежныя отправленія[4]). Веденіе переговоровъ по настоящему дѣлу было возложено прусскимъ королемъ на его посланника въ Петербургѣ барона фонъ Мардефельдта. Въ письмѣ къ королю, отправленномъ Мардефельдтомъ изъ Петербурга 14 Іюня 1723 г., сохранились чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о положеніи и устройствѣ въ то время почтовой части въ Россіи. «Получилъ я со всеподданнѣйшимъ почтеніемъ», писалъ Мардефельдтъ королю: «всемилостивый приказъ Вашего Величества отъ 1 сего мѣсяца касательно устройства тяжелой почты (einer fahrenden Post) изъ Мемеля въ Петербургъ. Я не премину поговорить объ этомъ, гдѣ слѣдуетъ. Лучше всего, вѣроятно, будетъ, если я сдѣлаю такое предложеніе самому царю черезъ Ягужинскаго и при томъ укажу на то, что Его Величеству этимъ путемъ можно будетъ имѣть два раза въ недѣлю свѣжихъ устрицъ. Но главный пунктъ состоитъ въ первой ссудѣ (Vorschuss) и въ сохранности пакетовъ, а потому я долженъ пока донести Вашему Величеству, что русскій Генеральный Директоръ Почтъ Дашковъ—человѣкъ крайне разсѣянный (confuser) и совершенно несвѣдущій въ почтовомъ дѣлѣ, такъ что съ нимъ толковаго (kluges) ничего не сдѣлаешь. Далѣе и Петербургскій Почтдиректоръ Краузе, какъ и его подчиненные, мало или ровно ничего не смыслятъ въ такомъ учрежденіи. Наконецъ, трудно ожидать, чтобы этотъ проектъ былъ осуществленъ, если Ваше Величество не благоволите прислать сюда проекта почтоваго регламента (einen ungefährlichen Plan

---

1) П. С. З. № 3809

2) П. С. З. № 3006.

3) Походный юрналъ Петра Великаго 1716 г., 28 Февраля (стр. 17).

По Генеральному Регламенту коллегіямъ 28 Февраля 1720 г. (П. С. З. № 3534) слово «корреспонденція» имѣло значеніе «письменной пересылки».

4) *Стефанъ.* Geschichte der Preussischen Post, стр. 145—148.

von einem solchen Postreglement), на которомъ можно было бы основываться при составленіи правилъ, согласныхъ съ правами и обычаями здѣшней страны. Я того мнѣнія, что условія относительно этого учрежденія лучше заключить, по крайней мѣрѣ относительно Лифляндіи и Эстляндіи, съ сословіями этихъ провинцій. Если бы здѣшнее главное почтовое управленіе обѣщало самыя значительныя вознагражденія за потерянныя вещи, то всетаки ни одинъ человѣкъ не повѣритъ, на основаніи этого обѣщанія, почти ни одного талера. Почтовая касса совершенно пуста, а кулачное право давно уже убило здѣсь всякій общественный кредитъ, такъ что истецъ по подобному дѣлу не видѣлъ бы конца хлопотамъ, не добившись ничего. Изъ этого же слѣдуетъ также, что почтовыя правила встрѣтятъ тысячи препятствій. Каждый вельможа захочетъ по прежнему обычаю посылать даромъ своихъ людей и вещи; почтмейстерамъ и ихъ подчиненнымъ пришлось бы плохо, если бы они вздумали сопротивляться этому» [1]). Вслѣдствіе такого донесенія своего посланника король рѣшилъ вторично послать въ Петербургъ прусскаго почтоваго чиновника (въ 1725 г.; въ первый разъ имъ былъ посланъ въ Петербургъ тайный почтовый секретарь Бертрамъ въ 1722 г., о чемъ мы уже говорили выше). Между тѣмъ въ Пруссіи было получено извѣстіе о кончинѣ Петра Великаго. Событіе это, въ связи съ неустойчивостью дѣлъ въ Курляндіи, послужило основаніемъ къ прекращенію дальнѣйшихъ переговоровъ [2]).

Кромѣ сухопутнаго почтоваго сообщенія по Рижскому тракту, между Петербургомъ и Германіею съ 1724 г. установилось еще морское—посредствомъ двухъ русскихъ фрегатовъ, обращенныхъ въ почтовыя яхты. Эти почтовыя суда (т. наз., пакетботы), изъ которыхъ одно называлось «Св. Яковъ», а другое «Принцъ Александръ» [3]), ходили первоначально между Кронштадтомъ и Любекомъ. По словамъ Берхгольца, фрегатъ «Св. Яковъ» совершалъ свой путь отъ Любека до Кронштадта въ 5 дней, чего, конечно, нельзя не назвать весьма скорымъ для того времени переѣздомъ [4]). Для поддержанія и дальнѣйшаго развитія Петербургской торговли и почтовыхъ сообщеній по водянымъ путямъ. Петръ Великій 7-го

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XV, стр. 229—230.

[2]) Посылочный обмѣнъ между Россіею и Пруссіею производился помимо почты черезъ частныхъ коммисіонеровъ до 1833 г., когда, по перенесеніи почтоваго тракта съ Полангена и Мемеля на Таурогенъ и Лаугсаргенъ, между русскими и прусскими почтовыми учрежденіями была установлена впервые пересылка тяжелыхъ почтъ.

[3]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло графа Апраксина 1725 г. № 233.

[4]) Дневникъ, часть IV, стр. 79.

Февраля 1724 г. «въ присутствіи въ Адмиралтейской Коллегіи указалъ имѣть для почты при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ пакетботы и оныхъ комплетъ наполнить до 8 судовъ и по силѣ того Его Императорскаго Величества Именнаго указа тѣхъ пакетботовъ на Олонецкой верфи и (было) построено, которымъ наречены имена какъ слѣдуетъ ниже, а именно: «Почтъ-Горнъ», «Почтъ-Вагенъ», «Флигель Дефамъ», «Куріеръ», «Почталіонъ», «Меркуріусъ», «Фортуна» и «Ласка» [1]). Первые шесть изъ этихъ пакетботовъ вмѣстѣ съ прежнимъ фрегатомъ «Св. Яковъ», какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ Адмиралтействъ Коллегіи, поддерживали затѣмъ почтовое сообщеніе между Кронштадтомъ, съ одной стороны, и Любекомъ и Данцигомъ, съ другой, при чемъ въ каждый изъ двухъ названныхъ германскихъ городовъ отправлялось по два однихъ и тѣхъ-же пакетбота. На такихъ почтовыхъ судахъ перевозились письма, пассажиры и товары. Точныхъ свѣдѣній о первоначальной платѣ, взимавшейся за перевозку въ Германію писемъ морскимъ путемъ, въ дѣлахъ Архива Морскаго Министерства не сохранилось. Повидимому, плата эта взималась въ томъ-же размѣрѣ, какъ и за сухопутную пересылку иностранной корреспонденціи. Подтвержденіемъ нашего предположенія можетъ служить тотъ фактъ, что съ пониженіемъ барономъ Остерманомъ въ 1727 г. почтовой таксы за сухопутную пересылку писемъ въ Германію была понижена плата и за морской транзитъ ихъ на русскихъ пакетботахъ [2]). За перевозку-же пассажировъ бралось по 3 ефимка [3]), при чемъ каждому пассажиру предоставлялось безплатно провезти съ собою 100 фунтовъ багажа. Излишекъ вѣса багажа оплачивался слѣдующимъ образомъ: отъ 10 фунтовъ до пуда и съ пуда 30 коп., отъ пуда до 100 фунтовъ—40 коп., а свыше по 12 коп. съ пуда. Въ томъ случаѣ, если пассажиры садились на пакетботы въ пути, съ нихъ бралось: отъ Дагерорта до Кронштадта по 1 ефимку, а между Дагерортомъ и Данцигомъ по 2 ефимка. Пакетботы отходили изъ Кронштадта черезъ 8—12 дней, а изъ Данцига черезъ 12 дней и находились въ пути 7, 8 и болѣе дней. Объ отходѣ каждаго пакетбота въ Петербургѣ выставлялись объявленія отъ Адмиралтейской Коллегіи у Почтоваго двора, у кирки Адмирала Крейса, у Литейнаго двора, у кирки въ Греческой Слободѣ и у Мытнаго двора, а впослѣдствіи печаталось въ Академическихъ Вѣдомостяхъ. По сохранившимся отчетамъ командировъ, ко-

---

[1]) А. М. М.—Дѣло Адмиралтействъ Коллегіи 1732 г. № 22.

[2]) Съ 1728 г. она составляла 20 к. до Данцига и 40 коп. до Любека съ лота письма.

[3]) Ефимокъ—искаженное русское названіе рейхсталера (іоахимсталера).

торыми назначались лейтенанты русскаго флота, пассажировъ и товаровъ на пакетботахъ перевозилось очень мало: нерѣдко они отправлялись совершенно пустыми [1]). Поэтому не безосновательно доносилъ въ 1827 г. прусскій посланникъ въ Петербургѣ своему королю о томъ, что ходившіе между Кронштадтомъ, Любекомъ и Данцигомъ русскіе пакетботы были предназначены болѣе для перевозки устрицъ, морской рыбы, фруктовъ и другихъ выписывавшихся изъ Гамбурга продуктовъ для Двора и придворной кухни, чѣмъ для почтовыхъ сообщеній. Такъ какъ подобные товары удобнѣе было получать черезъ Любекъ и Данцигъ, торговля которыхъ была значительнѣе торговли прочихъ прибрежныхъ нѣмецкихъ городовъ, то и попытка прусскаго правительства направить курсъ русскихъ пакетботовъ, для облегченія взаимныхъ почтовыхъ сообщеній, на Кенигсбергъ и Штеттинъ или на Пиллау и Кольбергъ тогда не имѣла никакого успѣха [2]).

Внутренняя почтовая такса за пересылку писемъ по Петербургско-Рижскому тракту со времени учрежденія «нѣмецкой» почты въ 1714 г. была установлена въ слѣдующемъ размѣрѣ: отъ Петербурга до Нарвы—5 копѣекъ, до Дерпта—8 копѣекъ, до Ревеля—10 коп., до Риги—15 коп. и до Митавы—18 коп. *за лотъ*. Такса эта оставалась неизмѣнною въ продолженіи всего царствованія Петра Великаго.

Первоначально она служила основаніемъ и для исчисленія таксъ за пересылку корреспонденціи между Петербургомъ и иностранными государствами транзитомъ черезъ Ригу и Мемель. По завоеваніи въ 1710 г. Риги, Петръ Великій повелѣлъ, чтобы «сборъ почтовыхъ денегъ былъ содержанъ по прежнему шведскому владѣнію» [3]). А такъ какъ «иностранное писемъ отправленіе токмо отъ королевскаго прусскаго пограничнаго почтоваго управленія зависѣло», говоритъ Чулковъ: «того ради принуждены были за фундаментъ принять оную о платежѣ съ писемъ таксу, которая за долгое время отъ короны шведской съ тогдашнимъ курфирстскимъ бранденбургскимъ дворомъ поставлена была и какъ отходящія, такъ и приходящія письма по тому, какъ они изъ Пруссіи по состоянію разстоянія всякаго мѣста платежомъ отягчены были, такъ оставить» [4]).

---

[1]) А. М. М.—Дѣла Адмиралтействъ Коллегіи 1728 г. № 21, 1744 г. № 7 и 1761 г. № 21.

[2]) *Стефанъ*, назв. соч.

[3]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

[4]) Историческое описаніе россійской коммерціи при всѣхъ портахъ и границахъ отъ древнихъ времянъ до нынѣ настоящаго и всѣхъ преимущественныхъ узаконеній по оной Государя Императора Петра Великаго и нынѣ благополучно царствующія Государыни Императрицы Екатерины Великія. Москва 1781—88 гг., томъ V, книга I, стр. 51.

При этомъ Почтмейстеръ Крауссъ, устраивавшій тогда почту въ Ригѣ, прибавилъ къ прежней платѣ за пересылку писемъ между Мемелемъ и Ригою 3 гроша и 2 вердинга и опредѣлилъ ее въ 12 прусскихъ грошей за лотъ. Замѣнивъ прусскіе гроши русскими копѣйками, Крауссъ составилъ Петербургскія таксы за иностранную корреспонденцію изъ 15 копѣечной платы за пересылку письма отъ Петербурга до Риги, 12 копѣечной платы за пересылку его отъ Риги до Мемеля и заграничнаго почтоваго сбора (такъ наз., порта) за дальнѣйшій транзитъ до мѣста назначенія. Такимъ образомъ, въ 1714 г. за лотъ каждаго иностраннаго письма была опредѣлена плата въ размѣрѣ 27 коп. отъ Петербурга до Мемеля, съ прибавленіемъ къ ней, въ подлежащихъ случаяхъ, соотвѣтствующей заграничной платы до мѣста назначенія. Вслѣдствіе уравненія стоимости прусскаго гроша и русской копѣйки при взиманіи почтоваго сбора въ Россіи, русское почтовое управленіе получало въ свою пользу не только причитавшуюся ему внутреннюю плату за каждое иностранное письмо, но и разницу на курсѣ, такъ какъ, взимая съ корреспондентовъ иностранный портъ копѣйками, оно выплачивало его за границу прусскими грошами. Такая разница на курсѣ достигала довольно значительныхъ размѣровъ; такъ, напр., для каждаго голландскаго письма она составляла, по разсчету Чулкова, 5 копѣекъ [1]).

Когда впослѣдствіи лифляндскіе ландраты обратились къ Шафирову съ требованіемъ о платежѣ имъ прогоновъ за возку почтъ по Петербургско-Рижскому тракту (первоначально верховыя почты перевозились на крестьянскихъ лошадяхъ безплатно), угрожая въ противномъ случаѣ прекратить почтовую гоньбу, Шафировъ принужденъ былъ возвысить таксы за иностранную корреспонденцію, ибо «изъ почтовой казны за малымъ сборомъ платить было невозможно». Новыя таксы за пересылку иностранной корреспонденціи были введены въ 1718 г. Онѣ были въ $2^1/_2$ раза выше прежнихъ, какъ это видно изъ того, что плата за иностранное письмо отъ Петербурга до Мемеля составила, вмѣсто прежнихъ 27 коп., 69 коп. съ лота. Объясненіе такого возвышенія таксъ мы находимъ, между прочимъ, въ плакатѣ объ учрежденіи почтъ 9 Іюля 1718 г. «Всѣмъ и каждымъ довольно извѣстно есть», сказано въ этомъ плакатѣ, «коимъ образомъ Его Царское Величество, нашъ Всемилостивѣйшій Царь и Государь, о учрежденіи здѣшнихъ (т. е., Петербургскихъ) почтъ крайнимъ образомъ стараться повелѣлъ, дабы оныя въ доброе состояніе при-

[1]) Тамъ-же, стр. 53.

вести, и для того къ наилучшему способствованію корреспонденціи въ иныя государства прежде чрезъ Польшу зѣло безпорядочно ходящую почту отставить и прямымъ путемъ чрезъ Ригу и Мемель оную въ добрый порядокъ привесть повелѣлъ и, хотя къ тому въ началѣ великія иждивенія потребны были, то, однакожъ, Его Царское Величество со особливой отеческой милостью къ государству на то смотрѣть не изволилъ, но къ вящему облегченію корреспонденціи потребныя лошади для перевозу почтъ своимъ подданнымъ подъ оныя давать и для новости до сего времени *малую* цѣну на отходящія и приходящія на тѣхъ почтахъ письма наложить повелѣлъ. *Но понеже и нынѣ доходы почтовые въ такомъ состояніи находятся, что едва къ почтовому дѣлу потребные служители изъ того содержаны быть могутъ, не считая потребныхъ убытковъ на лошадей, которыя до сего времени отъ подданныхъ взяты суть*, того ради генеральное почтовое правительство» и т. д. [1]).

Таксы 1718 г. не только вызвали многочисленныя жалобы со стороны купечества и прочихъ корреспондентовъ [2]), но и оказались убыточными для самого почтоваго управленія: корреспонденція значительно уменьшилась, при чемъ сотни заграничныхъ писемъ оставались на почтѣ невостребованными и потому, слѣдовательно, неоплаченными причитающимся почтовымъ сборомъ. Такъ какъ внутреннія почтовыя таксы Петербургско-Рижскаго тракта не были измѣнены въ 1718 г., то купцы устроили въ Ригѣ перепріемъ корреспонденціи, посылавшейся изъ Петербурга за границу, что дало имъ возможность дѣлать большія сбереженія на пересылкѣ иностранныхъ писемъ въ ущербъ почтовымъ доходамъ. Такъ, напр., пересылка однолотнаго письма въ Голландію стоила по новой таксѣ изъ Петербурга 90 коп., а изъ Риги 50 коп.; купцы посылали такія письма изъ Петербурга сначала въ Ригу, платя за нихъ съ лота по 15 коп., и затѣмъ уже досылали ихъ изъ Риги въ Голландію, платя 50 коп. съ лота. Такимъ образомъ, каждое письмо изъ Петербурга въ Голландію обходилось имъ 65 коп., вмѣсто установленныхъ новою таксою 90 коп. съ лота, т. е., на 25 коп. менѣе, чѣмъ слѣдовало получить

---

[1]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 9 Іюля 1718 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 190.

[2]) Насколько дорого обходилась въ то время пересылка иностранной корреспонденціи, можно видѣть изъ письма французскаго коммисара въ Петербургѣ де Лави во французское министерство, въ которомъ онъ сообщалъ, что издерживалъ на свою переписку не менѣе 2000 ливровъ въ годъ.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XXXIV, стр. 253.

почтѣ. Хотя Шафировъ и даже самъ царь обѣщали купцамъ понизить таксы 1718 г., но обѣщаніе это было исполнено лишь въ 1727 г.— уже по кончинѣ Петра Великаго [1]).

Для того, чтобы дать полное представленіе о Петербургскихъ таксахъ за пересылку иностранной корреспонденціи въ царствованіе Петра Великаго, приводимъ сравнительную таблицу этихъ таксъ, составленную на основаніи данныхъ, сохранившихся въ одномъ изъ дѣлъ Генеральнаго Почтамта 1722 г. [2]):

За письмо вѣсомъ въ 1 лотъ платилось отъ Петербурга	По таксѣ 1714 года			По таксѣ 1718 года		
	всего копѣекъ,	изъ которыхъ уплачивалось Пруссіи	и оставалось въ пользу Петербургской Почтовой Конторы.	всего копѣекъ.	изъ которыхъ уплачивалось Пруссіи	и оставалось въ пользу Петербургской Почтовой Конторы.
до Мемеля и Кенигсберга	27	—		69		69
» Кейданъ, Вильны и Гродны	35	8		69		61
» Инстербурга	36	9		69		60
» Фишъ-Гаузена	37½	10½		69		58½
» Данцига, Пиллау	39	12		69		57
» Торна, Грауденца	42	15		69		54
» Столпе, Кеслина и Керлина	47	20		69		49
» Кольберга	48	21		90		69
» Старгарда (Староярть — ?) и Нейгарда	49	22		90		68
» Ростока, Висмара и Штеттина(?)	53	26		90		64
» Франкфурта на Одерѣ	51	24		90		66
» Шлезвига	53	26	27	90	Столько-же, сколько по таксѣ 1714 года.	64
» Берлина, Гамбурга и Любека	30	3		69		66
въ Гольштейнъ, Данію, Швецію и Норвегію	63	36		90		54
до Ганновера	63	36		90		54
» Лейпцига	61	34		90		56
» Нюрнберга и Франкфурта на Майнѣ	67	40		90		50
» Гессена, Оснабрюка, Бремена, въ Брабантъ и Фландрію	67	40		90		50
во Францію	67	40		90		50
въ Голландію	65	38		90		52
» Англію	71	44		99		55
» Италію и Аугсбургъ	84	57		99		42

По таксѣ 1718 г. Петербургскою Почтовою Конторою было собрано за иностранную корреспонденцію въ періодъ времени съ 1 Іюля 1720 г. по 1 Іюля 1723 г., т. е., за три года—7.614 р. 9 к.

[1]) Въ 1727 г. была возстановлена прежняя 27 копѣечная такса за пересылку писемъ между Петербургомъ и Мемелемъ.

[2]) По Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

Почтовые сборы за иностранную корреспонденцію, уплачивавшіеся Петербургскою Почтовою Конторою Мемельскому Почтамту, назывались «ремизами» [1]). Какъ видно изъ сохранившихся счетовъ этой конторы, ремизы составляли значительную статью почтовыхъ расходовъ: такъ за одни только «приходящія и отходящія письма, въ Его Императорскаго Величества интересахъ писанныя», въ 1720 г. было заплачено Мемельскому Почтамту 3163 р. 78 к. и въ 1721 г.—2085 р. 19 к.

Первоначально платежъ ремизовъ Мемельскому Почтамту производился крайне неисправно. Стефанъ въ своей Исторіи прусской почты сообщаетъ по этому поводу очень интересные факты, характеризующіе разсматриваемый періодъ времени. Образовавшійся съ давнихъ поръ долгъ Рижскаго Почтамта Мемельскому въ 1714 г. составлялъ 8.000 талеровъ. Несмотря на всѣ дружественныя напоминанія, Рижскій Почтмейстеръ Веселингъ [2]) не производилъ никакого платежа. Когда къ концу слѣдующаго года долгъ достигъ 10.000 талеровъ, прусскій король обратился съ жалобою къ русскому правительству черезъ своего посланника въ Петербургѣ. Вице-Канцлеръ баронъ Шафировъ предложилъ Рижскому Почтамту немедленно уплатить должныя деньги. Почтмейстеръ не обратилъ, однако, на это предписаніе никакого вниманія и, когда Мемельскій Почтамтъ напомнилъ ему о канцлерскомъ приказѣ, отвѣчалъ, что канцлеру слѣдовало бы указать также, гдѣ ему взять денегъ для уплаты: Петербургская и Московская Почтовыя Конторы состояли у него въ недоимкѣ или присылали ему самую низкопробную монету, дворяне въ продолженіи цѣлыхъ лѣтъ не платили ему вѣсовыхъ денегъ, при чемъ, если бы онъ даже и уступилъ имъ, по ихъ требованію, одну половину этихъ денегъ, то никогда не получилъ-бы другой. Этотъ нелишенный извѣстныхъ основаній отвѣтъ былъ сообщенъ въ Петербургъ. Прусскій посланникъ доносилъ затѣмъ, что русское правительство потребовало отъ Рижскаго Почтмейстера немедленной уплаты должной Мемельскому Почтамту суммы, «угрожая ему въ противномъ случаѣ отрѣшеніемъ отъ должности и московскимъ кнутомъ». Такое распоряженіе подѣйствовало и Пруссія получила 4.000 талеровъ. Черезъ два года, однако, долгъ снова возросъ до 11.000 талеровъ. На этотъ разъ представленія въ Петербургъ оказались недѣйствительными, такъ какъ Рижскій Почтмейстеръ съумѣлъ привлечь столичныхъ чиновниковъ на свою сторону. Прусскій король, котораго ничто

---

[1]) Названіе это сохранилось за почтовыми сборами, уплачивавшимися иностраннымъ почтамтамъ, и въ XIX столѣтіи.

[2]) Веселингъ, бывшій купцомъ въ Ригѣ, управлялъ въ то время также Ревельскою и Нарвскою почтами.

такъ не приводило въ дурное расположеніе духа, какъ неаккуратное поступленіе денегъ въ его кассы, потребовалъ отъ русскаго правительства уплаты всей суммы съ процентами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и въ обезпеченіе правильнаго поступленія денегъ на будущее время—представленія залога въ размѣрѣ 6.000 талеровъ. Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій онъ грозилъ прервать почтовыя сношенія съ Россіей. При послѣдовавшемъ затѣмъ свиданіи съ царемъ въ 1717 г., прусскій король лично разсказалъ ему о настоящемъ случаѣ. Отъ его вниманія не ускользнуло то обстоятельство, что Вице-Канцлеръ Шафировъ и его Секретарь Остерманъ были предрасположены въ пользу Рижскаго Почтмейстера. Поэтому онъ обѣщалъ имъ въ особомъ разговорѣ, по полученіи всей должной суммы, подарить первому 1.000, а второму 200 дукатовъ. Тогда въ Ригѣ была назначена особая коммисія для разсмотрѣнія служебныхъ дѣйствій мѣстнаго почтмейстера. По предложенію русскаго правительства, въ составъ этой коммисіи вошелъ также начальникъ Мемельскаго Почтамта. Коммисіею была обнаружена масса злоупотребленій. Рижскій Почтмейстеръ былъ арестованъ и отрѣшенъ отъ должности. Имущество его было конфисковано на удовлетвореніе требованій прусскаго почтоваго управленія. Новый почтмейстеръ (Фелькерзамъ) долженъ былъ представить залогъ въ размѣрѣ 4.000 талеровъ. Преобразованіе русскаго почтоваго управленія по окончаніи Сѣверной войны, заключаетъ этотъ разсказъ Стефанъ, сдѣлало невозможнымъ повтореніе подобныхъ случаевъ въ будущемъ [1]).

Черезъ годъ послѣ учрежденія Петербургско-Рижской «нѣмецкой» почты она была продолжена отъ Петербурга до Москвы и такимъ образомъ замѣнила собою прежнюю заморскую почту, ходившую изъ Москвы въ Ригу черезъ Псковъ и затѣмъ въ Вильну черезъ Смоленскъ. Объ устройствѣ этой второй половины новой нѣмецкой почты въ одномъ изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]) сохранились слѣдующія свѣдѣнія. «1715 года Іюля въ 6 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ... указалъ, по Именному своему Царскаго Величества указу, заморскую почту, которая учреждена была отъ Москвы чрезъ Смоленскъ на Вильну и на Королевецъ (Кенигсбергъ), учредить нынѣ отъ Москвы чрезъ С.-Петербургъ и Ригу и для того отъ С.-Петербурга до Новагорода лѣтомъ, пока новая (перспективная) дорога не учреждена, чрезъ Ильинскій погостъ самымъ прямымъ

[1]) Geschichte der Preussischen Post, стр. 148.

[2]) Дѣло 6 Іюля 1715 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 173.

путемъ, чрезъ которыя мѣста ближе, а зимою на Тесовъ и на Орлину мызу, такожъ и отъ Новагорода до Торжка, до Твери и до Клину и до Москвы учинить *особливые* для отвозу заморскихъ писемъ почтовые станы, станъ отъ стану верстъ по 20 и по 25, на которыхъ поставить для вышепомянутой заморской почты по 4 лошади добрыхъ на всякомъ стану и выбрать ямщиковъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, по опредѣленію комендантовъ и приказныхъ людей, въ селахъ и деревняхъ крестьянъ, людей добрыхъ и непрестарѣлыхъ, человѣка по 2, по которымъ взять поруки добрыя, чтобъ имъ съ тѣхъ почтовыхъ становъ никогда никуда не отлучаться и отвозить тѣ заморскія письма отъ стану до стану безъ задержанія во всякой цѣлости съ запискою чиселъ и часовъ, чтобъ въ провозѣ тѣхъ писемъ умедленія никакого и неисправы отнюдь не было, и быть для той записи черезъ 2 стана по дьячку. И возить тѣ заморскія письма по подорожнымъ изъ С.-Петербурга изъ Государственной Посольской Канцеляріи за подписаніемъ Государственнаго Подканцлера Тайнаго Совѣтника барона Петра Павловича Шафирова или, по отбытіи его, Государственнаго Подканцлера, изъ С.-Петербурга за Его Царскимъ Величествомъ въ походъ, Посольской Канцеляріи секретарей, а съ Москвы по подорожнымъ изъ Государственнаго Посольскаго Приказу за закрѣпою секретарей, въ которыхъ подорожныхъ имянно будетъ написано, что посланныя изъ С.-Петербурга въ Москву или изъ Москвы въ С.-Петербургъ чрезъ почту *заморскія письма*, а кромѣ вышеписанныхъ подорожныхъ, за подписаніемъ помянутыхъ персонъ, по другимъ почтовымъ подорожнымъ на оныхъ почтовыхъ лошадяхъ ни за чьимъ подписаніемъ не изъ Посольскаго Приказу не возить и нарочнымъ курьерамъ никому тѣхъ почтовыхъ лошадей отнюдь не давать, развѣ что будетъ кто съ такими *заморскими* письмами посланъ изъ Посольской Канцеляріи для скораго отвозу, кто нарочно посланной изъ С.-Петербурга или съ Москвы съ подорожною за вышеписанными приписьми, чтобы *во исправномъ хожденіи заморскихъ писемъ, для чего оная особливая почта учинена*, никакой остановки и помѣшательства не было, а кто будетъ на которыхъ станѣхъ оныя почтовыя лошади брать силою, тѣхъ имена записывать, и сколько кто и въ которыя числа возьметъ и помѣсячно присылать тое записку при почтовыхъ письмахъ въ С.-Петербургъ въ Посольскую Канцелярію, а въ городѣхъ и на ямѣхъ подорожныхъ, по которымъ будутъ посланы письма, досматривать, что оныя изъ Посольскаго Приказу и за вышеозначенными подписьми, и чинить по вышеписанному опредѣленію. И для учрежденія помянутыхъ почтовыхъ становъ и разставки лошадей ѣхать

изъ С.-Петербурга посланнымъ подьячимъ Посольской Канцеляріи Ѳедосью Ряховскому, да Губернской Канцеляріи Новгородскому Андрею Карпову прямо на Новгородъ, проимаясь чрезъ Ильинскій погостъ, усматривая, гдѣ ближе и удобнѣе, и по вышеписанному Его Царскаго Величества указу и по даннымъ изъ С.-Петербургской Губернской Канцеляріи указамъ въ приличныхъ мѣстѣхъ, въ селахъ и въ деревняхъ, чинить почтовые станы разстояніемъ, какъ выше означено, станъ отъ стану верстъ по 20 и по 25, а по крайней нуждѣ, гдѣ въ близости селъ и деревень не будетъ, и по 30 и на тѣхъ станахъ поставить для почтовой гоньбы съ заморскими письмами, выбравъ, по 4 лошади добрыхъ и по 2 человѣка почтарей, и, гдѣ въ проѣздѣ чрезъ рѣчки или небольшія болота найдется трудность, велѣть тутошнихъ селъ и деревень крестьяномъ учинить гати и мосты, чтобъ затѣмъ почтовой гоньбѣ препонъ не было; а отъ Новагорода до Торжка, до Твери и до Московской губерніи учинить тако-жъ почтовые станы и поставить на оныхъ съ ямовъ по 4 лошади ямскихъ съ почтарями, выбравъ изъ ямщиковъ, людей и лошадей нарочатыхъ, а гдѣ и въ которыхъ мѣстѣхъ и на сколькихъ верстахъ оные почтовые станы учинены будутъ и на нихъ которыхъ ямовъ ямщики или селъ и деревень крестьяне и кто имяны поставлены будутъ, учинить подлинное всему въ тетратѣхъ записку и, взявъ по тѣхъ почтаряхъ, которые на почтовыхъ станахъ поставлены для почтовой гоньбы будутъ, поруки и велѣть тѣмъ порукамъ въ помянутой запискѣ приложить руки.» За возку «почтовыхъ заморскихъ писемъ» почтарямъ Петербургско-Московскаго тракта было назначено платить указныя поверстныя деньги. Плата эта должна была производиться слѣдующимъ образомъ. Во всѣхъ попутныхъ городахъ и ямскихъ станахъ постановлено было вести особыя книги, въ которыя записывались отпуски заморскимъ письмамъ; по окончаніи каждаго года ямщики должны были посылать такія книги со своими выборными въ Петербургъ къ барону Шафирову, отъ котораго, по справкѣ съ записями, имъ и выдавались причитавшіяся прогонныя деньги.

На основаніи указа 6 Іюля 1715 г. почтовые станы для Петербургско-Московской нѣмецкой почты были учреждены въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Тоснѣ (33 вер.), въ деревнѣ царскаго секретаря Волкова—Лезьѣ (32 вер.), въ деревнѣ Ген.-Лейт. князя Долгорукова—Новинкѣ (30 в.), въ селѣ боярина Апраксина—Бабинѣ (30 в.), въ деревнѣ маіора Путилова—Холоньѣ Полѣсьѣ (27 в.), въ деревнѣ Ѳутынья монастыря—Спасской Полисти (18 в.), въ погостѣ Григорья Богослова Подберезскомъ (24 в.), въ Новгородѣ (23 в.), въ Бронницкомъ ямѣ (37 в.), въ Зай-

цевскомъ станѣ (33 в.), въ Крестецкомъ ямѣ (33 в.), въ селѣ Яжелбицахъ (40 в.), въ Зимнегорскомъ ямѣ (25 в.), въ селѣ Едровѣ (25 в.), въ Хотиловскомъ ямѣ (33 в.), въ Вышневолоцкомъ ямѣ (37 в.), въ селѣ Рахинѣ (37 в.), въ Торжкѣ (33 в.), въ селѣ Мѣдномъ (30 в.), въ Твери (30 в.), въ селѣ Городнѣ (30 в.), въ селѣ Шошѣ, въ селѣ Спасскомъ Клинскаго уѣзда, въ Клинѣ, на Солнечной горѣ, въ вотчинѣ стольника Собакина—селѣ Чашниковѣ и въ вотчинѣ Нарышкиныхъ—деревнѣ Новой (послѣдніе 6 становъ находились между собою въ разстояніи 20 верстъ) [1].

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того-же 1715 г. «для лучшей и скорѣйшей съ заморскими письмами гоньбы» отъ Петербурга до Новгорода были разставлены на 8 станахъ выборные *почталіоны*, по одному на каждый станъ. Почталіоны эти были посланы съ командированнымъ тогда изъ Петербурга въ Новгородъ подъячимъ Иваномъ Юрьевымъ Меньшимъ, при чемъ почтарямъ вновь учрежденныхъ подставъ было наказано, «дабы они тѣмъ выбраннымъ и поставленнымъ почталіонамъ въ дачѣ для той почтовой гоньбы почтовыхъ лошадей были послушны». При распредѣленіи почталіоновъ подъячій Юрьевъ одного изъ нихъ поставилъ, вмѣсто деревни Холопья Полѣсья, въ село Чудово, находившееся въ 20 верстахъ отъ Бабина [2]. Въ противуположность почталіонамъ Рижскаго тракта, почталіоны Московскаго тракта возили корреспонденцію одни, безъ посыльщиковъ [3].

Устройство на Петербургско-Московскомъ трактѣ новыхъ почтовыхъ становъ для нѣмецкой почты, какъ видно изъ донесеній помме-

---

[1]) Нѣсколько иныя разстоянія между этими станами были показаны осматривавшимъ ихъ въ 1716 г. подъячимъ Протопоповымъ, а именно разстояніе между Едровымъ и Хотиловскимъ ямомъ было исчислено тогда въ 37 верстъ, между Торжкомъ и Мѣднымъ—въ 33 в., между Тверью и Городнею—въ 31 в., между Чудовымъ и Полѣсьемъ и между Бронницами и Зайцевымъ—въ 30 в., между Мѣднымъ и Тверью—въ 28 в., между Тосною и Лезьею, между Лезьею и Новникою, между Бабинымъ и Чудовымъ и между Полѣсьемъ и Подберезьемъ -въ 25 в., между Яжелбицами и Зимнею горою, между Зимнею горою и Едровымъ и между Клиномъ и Солнечною—въ 22 в., между дер. Новою и Москвою—въ 21 в.. между Подберезьемъ и Новгородомъ — въ 20 в., между Чашниковымъ и дер. Новой — въ 18 в., между Шошей и Спасскимъ—въ 17 в. и между Городнею и Шошей — въ 15 в. — Дѣло Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 30 Января 1716 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 181.

Въ 1717 г. отъ Петербурга до Новгорода считалось новопроложенною (перспективною) дорогою всего 160 верстъ, а отъ Новгорода до Москвы—557 в. — Дѣло Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 30 Августа 1717 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 188.

Въ началѣ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія на перспективной дорогѣ, какъ видно изъ дѣлъ Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, находились слѣдующія станціи отъ Петербурга: Ижора (30 верстъ), Тосна (25 в.), Любань (25 в.), Грядка (15 в.), Сосница близъ Волхова (15 в.) и далѣе Плотичка (34 в.) и Новгородъ (33 в.).

[2]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 13 Сентября 1715 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 176.

[3]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 1 Мая 1717 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 187.

нованныхъ выше подъячихъ, было сопряжено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ большими затрудненіями. Такъ, въ Соснѣ ямщики, не повѣривъ объявленному Ряховскимъ указу, заявили, что лошадей для почты имъ взять негдѣ и ставить ихъ они не хотятъ. Такой-же отвѣтъ былъ данъ и Юрьеву управителемъ почтовыхъ дѣлъ Боровитиновымъ, вѣдавшимъ въ то время почтовые станы отъ Петербурга до Новгорода, и лишь въ 1716 г. посланнымъ вновь подъячимъ Протопоповымъ былъ найденъ въ Соснѣ 1 ямщикъ, у котораго стояли 3 лошади понедѣльно съ перемѣною. То-же самое случилось и въ Рахинѣ. Въ другихъ мѣстахъ почтари, поставивъ по указу лошадей на почтовый станъ, затѣмъ съѣзжали съ него и скрывались, какъ это было, напр., на Солнечной горѣ.

Пересылка «нѣмецкой» почты между Петербургомъ и Москвою черезъ вновь учрежденные почтовые станы началась со 2 Февраля 1716 г. [1]). Первоначально на каждомъ такомъ станѣ содержалось для нея по четыре лошади, согласно указу 6 Іюля 1715 г. Затѣмъ на почтовыхъ станахъ между Петербургомъ и Новгородомъ, какъ видно изъ Сенатскаго указа 8 Іюля 1723 г., для «заморской почты» содержалось только по три лошади, а для курьеровъ и прочихъ посланныхъ по десяти. Такъ какъ содержаніе 13 лошадей на каждомъ почтовомъ станѣ причиняло ямщикамъ «великіе убытки и раззореніе», то Сенатъ 8 Іюля 1723 г. предписалъ «отъ Петербурга до Новгорода на почтовыхъ станахъ быть по шести лошадей, а прочимъ съ дальнихъ ямовъ почтовымъ и *кои стоятъ для заморской почты не быть*», при чемъ подтвердилъ, чтобы казенная корреспонденція пересылалась чрезъ учрежденныя почты, а не чрезъ нарочныхъ курьеровъ и посыльщиковъ [2]). Такимъ образомъ съ 1723 г. лошади на почтовыхъ станахъ сдѣлались общими какъ для почты, такъ и для курьеровъ, посылки которыхъ были ограничены «самыми нужными Его Величества дѣлами» [3]).

Что касается прогоновъ, платившихся ямщикамъ за возку «нѣмецкой» почты по Петербургско-Московскому тракту, то размѣръ ихъ мѣнялся нѣсколько разъ. Первоначально съ 1716 по 1719 г. Шафировъ платилъ ямщикамъ отъ Петербурга до Новгорода по копѣйкѣ на версту, а отъ

---

[1]) П. С. З. № 4400.

[2]) П. С. З. № 4263.—О казенной «ординарной» почтѣ между Петербургомъ и Москвою будетъ сказано ниже.

[3]) Впослѣдствіи, при баронѣ Остерманѣ, на почтовыхъ станахъ Петербургско-Московскаго тракта было поставлено снова по 4 лошади исключительно для возки иностранной почты.—Сенатскій указъ 25 Августа 1729 г. П. С. З. № 5466.

Новгорода до Торжка и обратно отъ Вышняго Волочка по шести копѣекъ на 10 верстъ на каждыя двѣ лошади. Затѣмъ съ 1719 г. онъ установилъ эту плату въ размѣрѣ одной деньги на версту отъ Петербурга до Новгорода и шести денегъ на 10 верстъ отъ Новгорода до Торжка на каждую лошадь. Такой платежъ производился за 6 мѣсяцевъ Январьскаго и Іюльскаго кварталовъ на одну лошадь, а за другіе 6 мѣсяцевъ Апрѣльскаго и Октябрьскаго кварталовъ «для худаго пути» на двѣ лошади. Въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ прогоны давались ямщикамъ за возку нѣмецкой почты по Петербургско-Московскому тракту до 1723 г. Такъ какъ 24 Мая 1720 г. былъ изданъ новый указъ о прогонныхъ таксахъ (см. выше), то Сенатъ, по челобитью Новгородскихъ ямщиковъ, опредѣлилъ 20 Декабря 1723 г. выдать имъ недополученныя ими съ Іюля 1720 г. по Іюль 1723 г. прогонныя деньги за возку почтъ въ суммѣ 1113 руб. 51 коп. [1]).

Объ общихъ годовыхъ суммахъ, платившихся ямщикамъ Петербургско-Московскаго тракта за возку нѣмецкой почты, можно судить по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ счетамъ Петербургской Почтовой Конторы; такъ, за первую половину 1721 г. имъ было заплачено 165 руб. 1 к., а за первую половину 1722 г.—294 р. $79^2/_{10}$ к. [2]), т. е., въ 2 раза болѣе, чѣмъ за возку нѣмецкой почты по Нарвской дорогѣ въ тѣ же полугодія 1721—1722 г.г. (см. выше) [3]).

Петербургско-Московская нѣмецкая почта первоначально отходила въ оба направленія по одному разу въ недѣлю — въ Четвергъ [4]). Затѣмъ, какъ видно изъ неопубликованной въ Полномъ Собраніи Законовъ первой части Сенатскаго указа 17 Декабря 1725 г., днями отправленія ея изъ Петербурга были Понедѣльникъ и Четвергъ [5]). Въ тѣ же дни она отправлялась и изъ Москвы, на что имѣются указанія у Миллера въ «реестрѣ, въ которые городы и въ которые дни изъ ямской и нѣмецкой въ Москвѣ почтовыхъ конторъ отправлялись почты» [6]).

---

[1]) П. С. З. № 4400.

[2]) Слѣдственное дѣло о Петербургскомъ Почтмейстерѣ Краусѣ 1723 г., по Архиву Московскаго Почтамта № 2.

[3]) Этимъ даннымъ соотвѣтствуетъ и донесеніе Шафирова Правительствующему Сенату 1719 г. объ устройствѣ находившихся въ его вѣдѣніи почтъ, по которому ямщикамъ Петербургско-Московскаго тракта платилось въ то время прогоновъ до 500 рублей въ годъ.—Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Дѣла Правительствующаго Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г.г., по каталогу Архива № 1065.

[4]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 1 Мая 1717 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 187.

[5]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло Вице-Адмирала Змаевича 1725—1726 г.г. № 38.

[6]) Московскій Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Портф. Г. Ф. Миллера, № 385. II, 7, по каталогу Левинскаго и Токмакова № 11 (по библіотекѣ).

Хотя Петербургско-Московская и Петербургско-Рижская нѣмецкія почты составляли какъ-бы одно цѣлое, тѣмъ не менѣе основанія для исчисленія платы за пересылку писемъ на этихъ почтахъ были разныя: въ то время, какъ на Петербургско-Рижской почтѣ плата за письма взималась *съ лота*, на Петербургско-Московской почтѣ она бралась, по прежнему Московскому обыкновенію, *съ золотника*. Размѣръ Петербургско-Московской таксы оставался въ продолженіи всего царствованія Петра Великаго однимъ и тѣмъ же: онъ составлялъ отъ Москвы до Петербурга 10 к., до Клина 3 к., до Твери 4 к., до Торжка 5 к., до Вышняго-Волочка 6 к. и до Новгорода 7 к. за золотникъ вѣса письма [1]). Въ томъ случаѣ, если письмо посылалось по нѣмецкой почтѣ изъ Петербурга черезъ Москву на Архангельскій трактъ, почта котораго находилась также въ вѣдѣніи Шафирова, то за пересылку его по двумъ этимъ почтамъ взималось до Вологды 15 коп. и до Архангельска 20 коп. съ золотника [2]).

Доходы Петербургской Почтовой Конторы отъ пересылки писемъ по Московскому тракту были значительно менѣе доходовъ отъ пересылки писемъ по Рижскому тракту, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

		доходы Рижскаго тракта.	доходы Московскаго тракта.
за первую половину	1721 г. . .	3.192 р. 3 1/2 к.	683 р. 10 к.
» вторую »	1721 » . .	4.327 » 18 1/2 »	593 » 27 1/2 к.
» первую »	1722 » . .	3.800 » 14 »	1.368 » 40 к.

Необходимо замѣтить, что Петербургско-Московская нѣмецкая почта служила главнымъ образомъ для пересылки коммерческой корреспонденціи и потому называлась при Петрѣ Великомъ «*купеческою*» почтою. На ямскую почту, которая, какъ мы увидимъ ниже, съ 1720 г. начала ходить между Петербургомъ и Москвою параллельно нѣмецкой почтѣ и съ которою пересылалась также частная корреспонденція, купеческія письма не принимались.

Кромѣ Петербургско-Московской нѣмецкой почты, въ вѣдѣніе Петербургской Почтовой Конторы поступила вскорѣ еще одна почта — Выборгская. Первоначально почтовыя сношенія съ Финляндіею поддерживались посредствомъ курьеровъ, которые перевозили корреспонденцію черезъ почтовые станы, находившіеся на мызахъ Выборгскаго уѣзда, приписанныхъ

---

[1]) *Быпшевъ.* О почтовыхъ сборахъ съ самаго учрежденія почтъ въ Россіи до настоящаго времени. Прибавл. къ Общ. Цирк. по Главн. Упр. Почтъ 1843 г., № 6, стр. 9—10.

[2]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

къ Адмиралтейству; отъ Выборга же до Гельсингфорса корреспонденція перевозилась моремъ. Правильная почта между Петербургомъ и Выборгомъ была учреждена въ 1719 г. Подобно Рижской почтѣ, она была устроена Почтмейстеромъ Крауссомъ, въ одномъ изъ донесеній котораго сохранились слѣдующія свѣдѣнія объ ея учрежденіи. «Когда Его Императорское Величество въ 1719 г. во флотѣ подъ Аландомъ обрѣтался, тогда отъ бывшаго въ то время Генерала Почтъ-Директора Шафирова [1]) мнѣ ордеромъ опредѣлено (было), дабы я безъ отлагательства почту регулярно отъ С.-Петербурга до Выборга учредилъ, и потому я по нижайшей должности стараніе имѣлъ, понеже сперва надобна была шлюпка, на которой постиліона съ почтою до Лахты водою перевозить. И того ради въ высокохвальной Адмиралтейской Коллегіи о томъ просилъ. И по тому прошенію господинъ адмиралъ Крейсъ ординовалъ, дабы во всѣ почтовые дни ординарная шлюпка съ людьми изъ Адмиралтейства отъ почтоваго двора отправленнаго почтиліона съ почтою до Лахты перевозили, а въ помянутой Лахтѣ изъ С.-Петербургскаго губернаменту 5 лошадей, а отъ Сестры рѣки поставлены лошади на остальныхъ 5 почтовыхъ станахъ изъ Выборгскаго уѣзда и на onoe удовольствованіе бригадиръ и оберъ-комендантъ господинъ Шуваловъ репартицію въ томъ дистриктѣ по крестьянскимъ дворамъ расположилъ. А оные крестьяне контрактъ съ коммисаромъ, именуемымъ Христіаномъ Блумомъ, учинили, по которому ему ставятся лошади, а отъ мужиковъ получаетъ на оныя лошади кормъ и сверхъ того нѣсколько денегъ. Какъ тотъ контрактъ и въ Государственной Камеръ-Коллегіи конфирмовали. А пошлины отъ писемъ, которыя на помянутой почтѣ какъ отъ С.-Петербурга до Выборга, такъ и назадъ, отправляются, берется *за лотъ* по 5 копѣекъ, но, хотя сперва отъ зачатія почты корреспонденція мала была, съ которыхъ не собиралось и прогонныхъ денегъ на оную почту по 139 копѣекъ, однакожъ, понеже о государевыхъ дѣлахъ письма до флоту при томъ же отправля-

---

[1]) Въ Архивѣ Морскаго Министерства сохранилось письмо Шафирова къ Апраксину отъ 21 Іюня 1719 г., въ которомъ онъ предлагалъ устроить почту отъ Гельсингфорса черезъ Выборгъ въ Петербургъ сухимъ путемъ, при чемъ отъ Выборга до Петербурга «учредить прямою дорогою прежніе почтовые станы», «съ довольнымъ числомъ почтовыхъ лошадей противъ прежнихъ лѣтъ», чтобы никакія мызы и деревни не были освобождены отъ поставки лошадей, «прогонныя же деньги за курьеровъ и письма платить, гдѣ надлежало, по прежнему опредѣленію, записывая ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и имѣя затѣмъ счетъ съ канцеляріею Шафирова и съ другими, отъ кого тѣ письма и курьеры посланы будутъ, какъ то чинилось тогда на Московской и Рижской почтахъ». Переписка объ учрежденіи этой почты велась Шафировымъ съ Выборгскимъ и Гельсингфорскимъ комендантами. — Дѣло графа Апраксина 1719 г. № 176.

лись, также и корреспонденція изъ Выборга въ нѣмецкія земли зачалась, не смотря на убытокъ такой почты, и по сіе число есть въ содержаніи». Сенатскимъ указомъ 29 Іюля 1719 г. управленіе Выборгскою почтою было поручено Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а назначеніе на ея станы надзирателей—Выборгскому Оберъ-Коменданту Шувалову [1]).

По Сѣверному миру граница между Россіею и Швеціею была опредѣлена за м. Кананогомъ, находившимся въ 25 верстахъ отъ Выборга. Объ устройствѣ въ это время Выборгскаго почтоваго тракта можно составить себѣ довольно полное представленіе по одному документу, сохранившемуся въ архивномъ дѣлѣ Генеральнаго Почтамта 1722 г. подъ названіемъ «Спецификація, какимъ образомъ послѣ учиненнаго мира почтовые станы учреждены для Его Императорскаго Величества экспрессовъ, для курьеровъ и прочихъ проѣзжихъ въ Выборгской провинціи, въ коммисіи, гдѣ камерирскія дѣла Выборгской конторы, по репартиціи изъ уѣздовъ крестьянскихъ лошадей на всякомъ почтовомъ стану по 6, а прежде мира было на всякой почтѣ по 10 лошадей»:

названія почтовыхъ становъ.	разстоянія между ними въ верстахъ.	количество содержавшихся на нихъ уѣздныхъ лошадей: Выборгскихъ.	Кексгольмскихъ.	всего.
Отъ Выборга по Лапстранской дорогѣ до Кананога	25	—	10	10
Отъ Кананога до мѣста обмѣна почтовой корреспонденціи со Швеціей.	20	3	—	3
Затѣмъ по Петербургской дорогѣ:				
Отъ Выборга до Пенниперо (Кангунцкой почты).	16	2	4	6
Отъ Пенниперо до Фалкиной (Валки)	29	—	6	6
Отъ Фалкиной до Новой Кирки.	15	3	3	6
Отъ Новой Кирки до Черной рѣки	25	3	3	6
Отъ Черной до Сестры рѣки .	27	3	3	6
Отъ Сестры рѣки до Лахты .	20	1	5	6
Отъ Лахты до Петербурга сухимъ путемъ	26	—	—	13
Отъ Лахты до Петербурга водою.	7			
Всего отъ Петербурга до мѣста обмѣна почтовой корреспонденціи со Швеціей	184			56
а до Выборга	139			

[1]) П. С. З. № 3408.

Изъ шести лошадей, содержавшихся на почтовыхъ станахъ Петербургско-Выборгской дороги, двѣ предназначались для ординарной почты и эстафетъ [1]), а четыре—для экспрессовъ и курьеровъ.

По существовавшему тогда распредѣленію почтовой повинности, крестьяне Выборгскаго и Кексгольмскаго уѣздовъ должны были ставить на станціи по одной лошади съ 30 дворовъ. Крестьяне Выборгскаго уѣзда могли мѣнять своихъ лошадей по двѣ еженедѣльно, крестьяне же Кексгольмскаго уѣзда, за дальностію разстоянія большинства кирокъ и погостовъ отъ прежней почтовой дороги (до 20—60 миль, считая въ каждой милѣ 5 русскихъ верстъ) платили почтовому коммисару Выборгской провинціи Петеру Блуму фонъ Флорину по 5 р. 50 коп. за каждую лошадь въ мѣсяцъ. Не смотря, однако, на такую значительную для того времени наемную плату, содержаніе почтовыхъ лошадей было крайне невыгодно для Флорина, такъ какъ оберъ и унтеръ-офицеры Выборгскаго гарнизона и другіе чины, въ нарушеніе указовъ Петра Великаго, постоянно ѣздили на почтовыхъ лошадяхъ безплатно. Поэтому, для поддержанія Выборгскаго тракта, Флоринъ просилъ въ 1723 г. принять мѣры къ прекращенію подобныхъ злоупотребленій и даровать ему вмѣстѣ съ крестьянами—почтсодержателями, т. наз., «гесть-геверскія привилегіи» (особыя права на содержаніе постоялыхъ дворовъ или гостинницъ), которыя существовали на прежней Выборгской почтовой дорогѣ, когда она принадлежала еще Швеціи [2]). Проектъ объ устройствѣ трактировъ для проѣзжающихъ на почтовыхъ дворахъ Выборгскаго тракта и о перенесеніи вмѣстѣ съ тѣмъ этого тракта на прежнюю шведскую дорогу былъ представленъ также Почтмейстеромъ Крауссомъ. «А наиперво нужняе», доносилъ онъ, согласно ордеру Сената, въ Маѣ 1723 г.: «чтобъ новую, нынѣшнюю дорогу, которая учреждена тогда для скрытности отъ непріятельскихъ партій, перемѣнить и по старой дорогѣ почтовые станы учредить, понеже на той старой дорогѣ лучшее довольство корму лошадямъ, такожъ и перевозъ до Лахты, который не безъ труда, отставится, а противъ Аптекарскаго Острова на Выборгской сторонѣ вмѣсто Лахты почтовый дворъ построить и лошадей тамъ поставить. И, ежели Его

---

[1]) Съ 1719 г. до заключенія Сѣвернаго мира для возки почты на этихъ станахъ содержалось по 3 лошади.—Московскій Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣла Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г., по каталогу Архива № 1065.

[2]) Объ устройствѣ почтовой части въ Финляндіи до присоединенія ея къ Россіи см. мою статью «Историческое развитіе и современное устройство почты въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ», напечатанную въ Мартовской книгѣ Почтово-Телеграфнаго Журнала за 1902 г., стр. 244 и слѣд.

Императорскаго Величества всемилостивѣйшее позволеніе будетъ, дабы въ томъ и въ другихъ почтовыхъ дворахъ питья имѣть для продажи, тогда могутъ проѣзжихъ людей довольствовать и кушаньемъ». Предположеніе Краусса относительно перенесенія Петербургско-Выборгскаго тракта на старую шведскую дорогу [1]), повидимому, не осуществилось, такъ какъ Выборгская почта перевозилась изъ Петербурга до Лахты водою не только въ 1724, но и въ 1737 г.г. [2]).

Изъ Петербурга Выборгская почта отправлялась одинъ разъ въ недѣлю. Днемъ отправленія ея, какъ видно изъ письма Генералъ-Почтъ-Директора Дашкова къ графу Апраксину 15 Мая 1724 г. и изъ Дневника Берхгольца [3]), была Пятница. Рижская и Московская почты отходили по вечерамъ, Выборгская же—въ полдень.

Согласно оффиціальному донесенію Краусса объ устройствѣ Петербургско-Выборгской почты, за каждый курсъ ея прогоны платились въ размѣрѣ 1 р. 39 к. (по 1 к. съ версты и лошади). Если принять во вниманіе, что между Петербургомъ и Выборгомъ почта пересылалась еженедѣльно по одному разу, то годовой расходъ на уплату прогоновъ за эту почту долженъ былъ простираться до 144 р. 56 к. Такой выводъ подтверждается, между прочимъ, и счетомъ Петербургской Почтовой Конторы за вторую половину 1722 г., по которому общій расходъ на уплату прогоновъ за возку почтъ по Нарвской, Московской и Выборгской дорогамъ показанъ за соотвѣтствующіе шесть мѣсяцевъ въ размѣрѣ 530 р. 34 к. Если вычесть изъ нихъ полугодовые прогоны Выборгской почты 72 р. 28 коп., то получится 458 р. 6 к., т. е., приблизительно та самая сумма, которая была уплачена за возку Нарвской и Московской почтъ въ первой половинѣ 1722 г. (437 р. 50 к.).

---

[1]) Старая Выборгская дорога при шведскомъ владѣніи проходила черезъ слѣдующія мѣстности, въ которыхъ находились почтовые станы: въ разстояніи 2 верстъ отъ Петербурга противъ Аптекарскаго Острова, на Выборгской сторонѣ, и затѣмъ черезъ Гапокангаиъ (5 миль), Валкесаари (3 мили), Іоецъ селке (3 мили), Паннала (4 мили), Кангалпелдо (4 мили), Пенипере (4¾ мили) и Выборгъ (3¼ мили), всего на протяженіи 2 верстъ и 27 миль.—Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

[2]) Архивъ Морскаго Министерства. Письмо Генералъ-Почтъ-Директора Дашкова къ гр. Апраксину 15 Мая 1724 г. о присылкѣ изъ Адмиралтейской Коллегіи въ Петербургскую Почтовую Контору шлюпки съ «квартермистромъ» и гребцами для перевозки Выборгской почты до Лахты (въ дѣлѣ графа Апраксина 1724 г. № 228) и указъ изъ Кабинета въ Адмиралтейскую Коллегію 3 Мая 1737 г. объ отпускѣ безденежно въ Петербургскую Почтовую Контору четырехвесельнаго ялбота или четырехвесельной шлюпки для той же почты (въ дѣлѣ Адмиралтействъ Коллегіи 1736 г. № 17).

[3]) А. М. М. Дѣло гр. Апраксина 1724 г. № 228.

Дневникъ Берхгольца, ч. III, стр. 266.

По Петербургско-Выборгской почтѣ, подобно тому какъ и по Петербургско-Рижской, пересылалась не только внутренняя корреспонденція (въ Выборгъ), но и иностранная (въ Швецію). Когда по Сѣверному миру пограничнымъ почтовымъ мѣстомъ между Россіею и Швеціею сдѣлался Кананогъ, Краусс предложилъ прибавить къ существовавшей тогда Петербургско-Выборгской пятикопѣечной почтовой таксѣ еще двѣ копѣйки съ лота за пересылку письма отъ Выборга до Кананога, а за письма въ Швецію—дополнительный сборъ по шведскому почтовому тарифу. По этому же послѣднему тарифу письмо въ одинъ лотъ оплачивалось отъ Выборга до Гельсингфорса—3 ёре, до Стокгольма—7 ёре, до Гамбурга и городовъ Помераніи—27 ёре и т. д., при чемъ шведское ёре считалось равнымъ русской копѣйкѣ [1]).

О суммахъ годоваго сбора съ Выборгской корреспонденціи въ счетахъ Петербургской Почтовой Конторы не сохранилось никакихъ свѣдѣній, такъ какъ Выборгская Почтовая Контора была подчинена Петербургской и доходы ихъ показывались въ одной и той же рубрикѣ. Вообще же Петербургско-Выборгская почта при Петрѣ Великомъ не приносила никакого дохода. На поддержаніе ея Петербургская Почтовая Контора ежегодно отпускала въ дополненіе къ сборамъ за Выборгскую корреспонденцію еще небольшія суммы изъ прочихъ своихъ доходовъ. Такъ, во второй половинѣ 1721 г. Петербургская Почтовая Контора приплатила къ Выборгскимъ почтовымъ сборамъ 80 р. 30 к., а въ первой половинѣ 1722 г.—14 р. 88 к.

Послѣднею Петербургскою почтою, учрежденною при Петрѣ Великомъ, была почта на Котлинъ Островъ (Кронштадтская). Указъ объ учрежденіи ея послѣдовалъ 18 Августа 1721 г. «Августа 18 дня», читаемъ мы въ донесеніи графа Апраксина Правительствующему Сенату 7 Сентября 1721 г.: «Царское Величество, будучи въ Адмиралтейской Коллегіи, указалъ Именнымъ своимъ указомъ для всякихъ посылаемыхъ о его Государевыхъ дѣлахъ указовъ и писемъ, которые надлежатъ посылать на Котлинъ Островъ, для скорости учредить почту до Котлина Острова отъ С.-Петербурга и поставить по три почтовыя лошади» [2]). Во исполненіе этого указа Ямскимъ Приказомъ было поставлено въ томъ

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

[2]) А. М. М. Дѣло Адмиралтействъ Коллегіи 1721 г. № 73. Сношенія между Петербургомъ и Котлинымъ Островомъ производились въ то время на почтовыхъ буерахъ и доншхоутахъ. Дѣло той-же Коллегіи, того-же года № 1.

же году по три почтовыхъ лошади въ Стрѣльнѣ и Ораніенбаумѣ. Перевозка корреспонденціи по новой почтѣ производилась посредствомъ курьеровъ, которымъ подорожныя выдавались въ Петербургѣ изъ Ямскаго Приказа, а на Котлиномъ Островѣ—отъ посылавшихъ ихъ командировъ. Выдача подорожныхъ была установлена «для того, чтобъ подъ образомъ курьеровъ не проѣзжали другіе люди, которымъ на тѣхъ почтовыхъ лошадяхъ ѣздить не надлежитъ». За возку почты между Петербургомъ и Котлинымъ Островомъ ямщикамъ постановлено было платить прогоны въ размѣрѣ двухъ денегъ на каждую версту и лошадь.

Въ слѣдующіе года Адмиралтейство платило Ямской Канцеляріи за каждую лошадь, содержавшуюся для Кронштадтской почты, по 25 копѣекъ въ сутки. Лошади для этой почты содержались обыкновенно по два и по три мѣсяца. Такъ какъ «посылокъ было мало и ямщики съ лошадьми стояли праздно», то резолюціею Адмиралтейской Коллегіи 14 Апрѣля 1725 г. сухопутная Кронштадтская почта была упразднена, а указы и письма предписано было посылать изъ Петербурга въ Кронштадтъ на ординарныхъ шлюпкахъ [1]). Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра Великаго Кронштадтская почта была устроена еще по образцу прежнихъ курьерскихъ почтъ перваго десятилѣтія XVIII вѣка. Она сдѣлалась доступною для частной корреспонденціи и поступила въ завѣдываніе Петербургской Почтовой Конторы лишь по кончинѣ Петра I. Въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія въ Кронштадтѣ находился особый «почтовый управитель», подчиненный Петербургскому Почтдиректору. Изъ одного архивнаго дѣла Адмиралтействъ Коллегіи видно, что 1 Декабря 1732 г. онъ получилъ отъ Петербургской Почтовой Конторы ордеръ, которымъ ему было приказано «зимнимъ временемъ почту изъ Кронштадта до С.-Петербурга не отправлять, понеже почтовой казнѣ за малыми *партикулярными письмами* не безъ убытку будетъ, а впредь отправляться будетъ по вскрытіи водъ». Въ виду этого ордера казенная корреспонденція морскаго вѣдомства стала пересылаться зимою между Петербургомъ и Кронштадтомъ посредствомъ пѣшихъ матросовъ [2]).

---

[1]) А. М. М. Дѣло Адмиралтействъ Коллегіи 1721 г. № 1.

[2]) А. М. М. Дѣло Адмиралтействъ Коллегіи 1732 г. № 13. Такими «ходоками» зимняя почта между Петербургомъ и Кронштадтомъ доставлялась въ продолженіи всей первой половины XVIII столѣтія. Описаніе устройства этой пѣшей почты сохранилось въ протоколѣ Адмиралтейской Коллегіи 3 Декабря 1751 г.: «Адмиралтействъ Коллегія приказали въ Конторы въ здѣшнюю Адмиралтейскую и Главнаго Командира Кронштадтскаго порта послать указы, велѣть для пересылки отсюда въ Кронштадтъ и изъ Кронштадта писемъ противъ прежняго учредить нарочныхъ ходоковъ, въ томъ числѣ двухъ отъ С.-Петербурга Адмирал-

Какъ уже замѣчено выше, 1714-му году суждено было имѣть чрезвычайно важное значеніе въ исторіи Петербургской почты при Петрѣ Великомъ: въ этому году въ Петербургѣ не только были поселены ямщики и установленъ правильный ходъ почтъ по важнѣйшимъ трактамъ, но и построенъ первый почтовый домъ (извѣстный подъ названіемъ «почтоваго двора» въ русскихъ источникахъ и «Posthaus»'а или «Postamt»'а въ нѣмецкихъ). Постройку этого дома къ 1714 году относятъ Богдановъ [1]) и комментаторъ походныхъ юрналовъ Петра Великаго [2]). Достовѣрность ихъ мнѣнія подтверждается, между прочимъ, и описаніемъ Петербурга, сдѣланнымъ Гюйссеномъ. Въ первомъ изданіи книги Гюйссена, вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1713 г., не упоминается еще о существованіи въ Петербургѣ почтоваго дома, чего нельзя, повидимому, объяснить случайнымъ недосмотромъ или пропускомъ автора, такъ какъ во второмъ изданіи той же книги, вышедшемъ во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ въ 1718 г., вполнѣ опредѣленно уже говорится о томъ мѣстѣ, гдѣ находился тогда Петербургскій почтовый домъ. Въ почтовомъ домѣ помѣщалась и вновь открытая въ 1714 г. Петербургская Почтовая Контора (Почтамтъ), какъ это видно изъ записокъ одного поляка - очевидца о Петербургѣ 1720 г., по словамъ котораго «за царскими дворцами (здѣсь именно, какъ мы увидимъ ниже, и былъ построенъ почтовый домъ) находилось зданіе, гдѣ останавливалась почта» [3]). Хранящаяся въ Публичной Библіотекѣ историческая рукопись о русской почтѣ 1806 г. [4]), а

тейской Конторѣ, а другихъ двухъ-же изъ Кронштадта, дабы тѣ письма могли доходить скорѣе и тѣмъ ходокамъ не было излишняго труда оныя письма какъ отсюда, такъ и изъ Кронштадта относить до избушки, которая посреди моря бываетъ, и тамо, размѣняяся межъ собою, идти обратно каждому въ тѣ мѣста, откуда будутъ посланы, да отъ оной-же Конторы Главнаго Командира Кронштадтскаго порта моремъ до половины дороги поставить противъ прежняго въ надлежащей дистанціи вехи, а другую половину такія же вехи поставить отъ Конторы надъ портомъ Галерной Гавани, а лѣсъ на оныя рубить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ прежде въ вырубкѣ имѣлся, и, когда оныя вехи будутъ поставлены, о томъ въ Коллегію репортовать, о чемъ и въ оную Контору надъ портомъ Галерной Гавани послать указъ также въ Компанейскую Контору о постановленіи объявленной избы послать указъ».—Дѣло Адмиралтейской Коллегіи 1747 г. № 8.

[1]) Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга съ 1703—1751 годъ, сочиненное *Богдановымъ* и пополненное *Рубаномъ* СПБ. 1779 г., стр. 124. 148.

[2]) выноска *а* на стр. 6 юрнала 1720 г. (СПБ. 1855).

[3]) Русская Старина, Іюнь 1879 г., стр. 273.

[4]) Свѣдѣнія, касающіяся до первоначальнаго учрежденія почтъ въ Россіи, постепеннаго ихъ распространенія въ оной и вообще до всего Почтоваго Департамента, собранныя въ Главномъ Почтовомъ Правленіи по приказанію господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Виктора Павловича Кочубея со времени присоединенія почтоваго управленія къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ 1806 года 9 Іюня и представленныя его Сіятельству въ исходѣ того-же года (F. IV. № 647).

также Смирновъ [1]) и Янъ [2]) относятъ учрежденіе Петербургскаго Почтамта къ 1717 г. Такое предположеніе опровергается, однако, Регламентомъ объ учрежденіи Петербургско-Рижской почты 1714 г. и счетами Петербургской Почтовой Конторы за отправленныя въ Ригу письма 1714—1715 гг. Въ Регламентѣ объ учрежденіи Петербургско-Рижской почты, данномъ княземъ Меншиковымъ въ Петербургѣ на принадлежавшемъ ему Васильевскомъ Островѣ *24 Сентября 1714 г.*, содержится прямое указаніе на то, что о злоупотребленіяхъ курьеровъ и о загонѣ ими почтовыхъ лошадей «soll der Commissarius an unser *albier gesetztes Post-Amt* es sonderlichst berichten» (долженъ коммисаръ особенно доносить нашему учрежденному здѣсь, т. е., въ Петербургѣ, Почтамту) [3]); счета же за Рижскую корреспонденцію, сохранившіеся при слѣдственномъ дѣлѣ о Петербургскомъ Почтмейстерѣ Крауссѣ 19 Августа 1723 г., были озаглавлены слѣдующимъ образомъ: счетъ 1714 г.—«Extract ausz denen Post-Protocollen was *seit der Zeit der Post-Einrichtung des 23 February 1714* von denen bis nach Riga franquirten Posten anbehaltenen Mitteln einkommen», а счетъ 1715 г.—«Extract aus denen Post-Protocollen was seit der Zeit des 3 January bis ulto Juny 1715 *bey dem S-t Petersburgischen Post-Comptoir* vorabgegangene Brieffe bis Riga anbehaltenen Mitteln einkommen» [4]). Сопоставляя приведенные источники, нельзя не придти къ тому заключенію, что Петербургская Почтовая Контора (или иначе Почтамтъ) была учреждена въ 1714, а не 1717 г.

Петровъ [5]) впервые обратилъ вниманіе на то, что въ царствованіе Петра Великаго въ Петербургѣ было построено два почтовыхъ дома. Первый почтовый домъ былъ построенъ на Адмиралтейской сторонѣ, у Троицкой пристани; «по сторонамъ его, неизвѣстно точно когда, были вырыты продолговатые прямолинейные пруды (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся служительскій домъ Мраморнаго дворца и дома принца Ольденбургскаго и сосѣдній съ нимъ) въ сосновой рощѣ, по всей вѣроятности, естественной». Домъ этотъ былъ маленькій, мазанковый. Затѣмъ

---

[1]) Историческое обозрѣніе почтъ въ Россіи.—Прибавленіе къ общ. цирк. по Главному Упр. Почтъ за 1844 г. № 12, статья вторая, стр. 22.

[2]) Versuch einer historischen Darstellung des Postwesens in Russland—рукопись, хранящаяся въ библіотекѣ Германскаго Имперскаго Почтамта.

[3]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 24 Сентября 1714 г., по каталогу Левнискаго и Токмакова № 170.

[4]) Дѣло Архива Московскаго Почтамта № 2.

[5]) Исторія Санкт-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городскаго управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ 1703—1782. Спб. 1885. стр. 109. 129.

Высочайшею резолюціею на строительномъ докладѣ 20 Мая 1715 г., при опредѣленіи направленія нынѣшней Большой Милліонной улицы, въ самомъ началѣ ея, гдѣ въ настоящее время помѣщается Мраморный дворецъ, былъ намѣченъ второй (большой двухэтажный) почтовый дворъ, который и выстроенъ въ 1716 г. Такимъ образомъ, оба почтовые дома, выстроенные при Петрѣ Великомъ, находились приблизительно въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Сообщеніе Петрова о второмъ Петербургскомъ почтовомъ домѣ отчасти совпадаетъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются о немъ у Голикова. Въ 1714 году «Великій Государь», говоритъ Голиковъ: «привелъ въ наилучшій порядокъ нѣмецкую почту, учрежденную еще великимъ его родителемъ въ Москвѣ, и повелѣлъ выстроить на Адмиралтейской сторонѣ большой почтовый домъ со множествомъ покоевъ, въ коихъ-бы пріѣзжающіе иностранцы имѣть могли покойныя для себя квартиры» [1]), а въ слѣдующемъ 1715 году, продолжаетъ тотъ-же историкъ, «Петръ Великій далъ повелѣніе о достройкѣ для пріѣзжихъ чужестранцевъ вышеупомянутаго почтоваго дома, при которомъ повелѣлъ одну залу убрать наилучше, въ коей потомъ снисходительный государь имѣлъ со своими министрами, генералами и офицерами публичныя ассамблеи и другія большія для увеселенія всѣхъ собранія; сей домъ избралъ монархъ для собраній таковыхъ, какъ кажется, для того, чтобы участниками онаго были и чужестранцы, имѣвшіе въономъ квартиры, которыхъ онъ принималъ не только милостиво, но и всячески старался сдѣлать имъ пребываніе въ Петербургѣ пріятнымъ, ибо всякое увеселеніе сего Великаго Государя имѣло цѣлію своею какую нибудь пользу» [2]). Упоминаемая Голиковымъ зала находилась въ обширномъ помѣщеніи верхняго этажа новаго почтоваго дома. Въ этомъ помѣщеніи Петръ Великій не только «многократно отправлялъ нѣкоторымъ праздникамъ и викторіямъ торжества», но и бывалъ на свадьбахъ у своихъ приближенныхъ; здѣсь, напр., справлялись свадьбы С. А. Головина (19 Апрѣля 1719 г.), генералъ-адъютанта Румянцева, у котораго посаженнымъ отцомъ былъ самъ царь, а посаженною матерью—царица, при чемъ, по словамъ цитированныхъ выше записокъ поляка—очевидца, «угощенье было въ верхнихъ залахъ почтоваго двора» [3]) и др. Объ обѣдахъ Петра Великаго на второмъ почтовомъ дворѣ упоминается, между прочимъ, и въ юрналахъ: такъ, въ

[1]) Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, ч. IV, Москва 1788 г., стр. 343.

[2]) Тамъ-же, ч. V, стр. 20—21.

[3]) Русская Старина, Іюнь 1879 г., стр. 289.

юрналѣ 3 Февраля 1720 г. имѣется замѣтка о томъ, что въ этотъ день «Ихъ Величества кушали на почтовомъ дворѣ и были гости».

Другое предназначеніе большаго почтоваго дома, сооруженнаго въ 1716 г., заключалось, по указанію Голикова, въ томъ, чтобы предоставить готовое помѣщеніе лицамъ, впервые пріѣзжавшимъ въ Петербургъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у Берхгольца. «Въ почтовомъ домѣ», разсказываетъ онъ: «обыкновенно остаются всѣ пассажиры до пріисканія квартиръ, потому что гостинницъ, гдѣ-бы можно было останавливаться, здѣсь нѣтъ, кромѣ этого дома, который тѣмъ неудобенъ, что всѣ должны выбираться оттуда, если царь угощаетъ въ немъ; а это очень часто случается зимою и въ дурную погоду (какъ зимній, такъ и лѣтній дворцы царя очень малы, потому что онъ не можетъ жить въ большомъ домѣ; слѣдовательно, въ нихъ не довольно мѣста для такихъ случаевъ, повторяющихся здѣсь почти еженедѣльно). Лѣтомъ почтовый домъ очень пріятенъ: изъ него чудесный видъ; но зимою тамъ, говорятъ, почти нельзя жить отъ холода... Въ почтовомъ домѣ не держатъ лошадей на готовѣ и всегда посылаютъ за ними въ ямскую слободу» [1]), которая, какъ мы уже говорили ранѣе, находилась въ пяти верстахъ отъ города около Александро-Невскаго монастыря.

Изъ всего сказаннаго о возникновеніи и устройствѣ почтовыхъ домовъ въ Петербургѣ можно сдѣлать тотъ выводъ, что постройка перваго почтоваго дома находилась въ связи съ учрежденіемъ въ 1714 г. нѣмецкой почты между Петербургомъ и Ригою. Въ этомъ домѣ тогда-же была открыта «нѣмецкая» Почтовая Контора, первымъ Почтмейстеромъ которой былъ устроитель Петербургско-Рижскаго почтоваго тракта Крауссъ (въ рапортѣ его объ устройствѣ почтовыхъ станцій между Петербургомъ и Ригою имъ сдѣлана слѣдующая подпись: «*St. Petersburg, den 20-ten Sept. 1714. Gottlieb Krauss Postmeister allda*» [2]), а 22 Января 1715 г. онъ оффиціально уже названъ *почтмейстеромъ* въ приговорѣ Правительствующаго Сената [3])). Вновь учрежденная между Ригою и Петербургомъ «нѣмецкая» почта, какъ мы видѣли, была продолжена въ 1715 г. до Москвы. Такимъ образомъ, Петербургская Почтовая Контора сдѣлалась перепріемнымъ пунктомъ получившей новое направленіе Московской ино-

---

[1]) Дневникъ, часть I, стр. 139, 65.

[2]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 20 и 21 Сентября 1714 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 170.

[3]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Академіею Наукъ, т. V, книга 1, стр. 33.

странной почты, которая находилась тогда въ вѣдѣніи барона Шафирова и управлялась исключительно нѣмцами. Когда Петербургъ, съ перенесеніемъ сюда царской резиденціи и высшихъ правительственныхъ учрежденій, сдѣлался новою столицею Россіи, въ него начался съѣздъ «всякаго чина людей» по обѣимъ большимъ дорогамъ: извнутри Россіи—по Московской и изъ-заграницы—по Рижской. Гостинницъ въ Петербургѣ тогда еще не было, а существовавшій въ немъ почтовый домъ, по своимъ малымъ размѣрамъ, не могъ удовлетворять такому назначенію. Этими причинами, надо полагать, и было вызвано сооруженіе втораго большаго почтоваго дома въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ находился первый домъ. Такимъ образомъ, второй почтовый домъ, по самому своему предназначенію, былъ ничѣмъ инымъ, какъ почтовою гостинницею.

Сдѣланные нами выводы подтверждаются, между прочимъ, и тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаетъ о почтовомъ домѣ Реймерсъ. «Недалеко отъ прежняго зимняго дворца», говоритъ онъ: «находился на берегу Невы въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, почтовый домъ (Posthaus-ein von Fachwerk gebautes und mit Ziegeln gedecktes Gebaüde). Сюда съ самаго начала царь опредѣлилъ, кромѣ почтмейстера, еще трактирщика (Wirth), родомъ изъ Данцига, у котораго можно было имѣть квартиру и получать разныя вина. Такъ какъ, кромѣ этой гостинницы (Wirthshaus), другихъ въ Петербургѣ тогда еще не было, то пріѣзжіе обыкновенно останавливались въ почтовомъ домѣ... Тогдашній почтдиректоръ по установленной царемъ табели о рангахъ имѣлъ низшій чинъ фендрика [1]); такъ какъ почтовые доходы въ то время были крайне незначительны, то и жалованье его, сообразно чину, было очень невелико. Чтобы вознаградить его другимъ какимъ нибудь способомъ, ему разрѣшено было ежегодно получать изъ-за границы нѣкоторыя вещи для собственнаго употребленія безъ оплаты таможенною пошлиною и, кромѣ того, содержать на свой счетъ, вблизи своей квартиры, трактиръ (Gasthof), приносившій ему значительный доходъ». Трактиръ (Gasthof), который содержалъ Петербургскій Почтмейстеръ, находился, также какъ и почтовый домъ, недалеко отъ прежняго зимняго дворца: это видно изъ того, что впослѣдствіи, когда зимній дворецъ Петра Великаго былъ отданъ Императрицею Елизаветою Петровною Лейбъ-Компаніи, компанейцы, пользуясь близостію почтмейстерскаго трактира, постоянно проводили въ немъ

[1]) Это, повидимому, ошибка: табелью о рангахъ 24 Января 1722 г. (П. С. З № 3890), должность Петербургскаго Почтмейстера была отнесена къ XIII, а не къ XIV классу (см. ниже).

время, затѣвали ссоры и драки и производили другіе безпорядки, что и послужило причиною закрытія трактира [1]). Къ сочиненію Реймерса для большей наглядности изложенія приложенъ планъ Петербурга 1716 г., на которомъ почтовый домъ (Posthaus) показанъ противъ Петропавловской крѣпости на берегу Невы, а рядомъ съ нимъ,—съ задней стороны,—другой домъ, названный на планѣ гостинницей (Wirthshaus) [2]). Очевидно, этотъ послѣдній домъ и былъ тою самою почтовою гостинницею, гдѣ, по словамъ Реймерса, хозяйничалъ трактирщикъ изъ Данцига и гдѣ останавливались пріѣзжающіе въ Петербургъ, или иначе, по названію Петрова, вторымъ почтовымъ дворомъ. Что же касается почтмейстерскаго трактира (Gasthof), то по плану 1716 г. и по другимъ источникамъ намъ не удалось установить съ точностію мѣста нахожденія его въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ.

Кромѣ почты и гостинницы, на Петербургскомъ почтовомъ дворѣ, по словамъ Петрова, находилась еще первая архитектурная школа, которую завелъ Генералъ-Архитекторъ Леблонъ и въ которой образовался и потомъ училъ М. Гр. Земцовъ [3]).

Сказавъ, когда и въ какомъ мѣстѣ была открыта въ Петербургѣ первая Почтовая Контора, мы разсмотримъ теперь ея внутреннее устройство и дѣятельность при Петрѣ Великомъ.

Мы уже видѣли, что Петербургская Почтовая Контора завѣдывала въ царствованіе этого государя такими тремя почтами—Рижскою, Московскою и Выборгскою, по которымъ пересылалась, главнымъ образомъ,

---

[1]) *Реймерсъ*, назв. соч., т. I, стр. 74—76.

Въ вознагражденіе за отнятые доходы, Петербургскому Почтдиректору при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, указомъ 13 Декабря 1749 г., была пожалована въ пожизненное владѣніе мыза Хотынецъ, Ямбургскаго уѣзда, при чемъ еще ранѣе въ 1744 г., указомъ 25 Іюля, былъ данъ высшій-подполковничій рангъ.—*Барановъ*. Архивъ Правительствующаго Сената, т. III, опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ. 1740—1762 гг. Спб. 1878 г. №№ 9916 и 9288.

Мыза Хотынецъ принадлежала мѣсту Петербургскаго Почтдиректора, на хозяйственномъ правѣ, до 1848 г. Въ этомъ послѣднемъ году былъ возбужденъ вопросъ о передачѣ ея къ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ съ назначеніемъ С.-Петербургскому Почтдиректору изъ казны, по средней доходности мызы за послѣднія 10 лѣтъ,—3000 руб. сер. (всеподданнѣйшая записка Главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ графа Адлерберга 22 Августа 1848 г.).

[2]) Назв. соч., т. I, стр. 132.

[3]) Назв. соч., стр. 116.

Впослѣдствіи (11 Іюня 1735 г.) состоялось Высочайшее повелѣніе о постройкѣ въ Петербургѣ, вмѣсто прежняго деревяннаго, новаго каменнаго почтоваго двора на Нѣмецкой улицѣ. До 1782 г. почтовый дворъ находился на Дворцовой площади близь, т. наз., экзерцизгауса, а въ 1782 г. былъ переведенъ оттуда на вновь заложенную Исаакіевскую улицу въ домъ, купленный у Ягужинскаго, гдѣ Почтамтъ помѣщается и въ настоящее время.

иностранная корреспонденція и которыя были устроены не только по образцу, заимствованному изъ Германіи, но и лицами нѣмецкаго происхожденія. Она была какъ по своему названію (Post-Comptoir, Postamt), такъ и по внутренней своей организаціи чисто нѣмецкимъ учрежденіемъ, перенесеннымъ на завоеванную Россіею землю. Очень возможно, что ближайшимъ образцомъ для ея устройства послужилъ, какъ полагаетъ Смирновъ [1]), Рижскій Почтамтъ. Но даже и при такомъ предположеніи нѣмецкое происхожденіе Петербургской Почтовой Конторы остается внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ прототипомъ самого Рижскаго Почтамта были германскія почтовыя учрежденія.

Первоначально Петербургская Почтовая Контора состояла изъ двухъ лицъ: Почтмейстера—Генриха Готлиба Краусса [2]) и переводчика (бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ русскимъ писцомъ) Гаврилы Осипова. Почтмейстеръ получалъ жалованья 400 руб. въ годъ; переводчикъ же въ 1714 г.—39 руб., а въ 1715 г.—52 р. Въ этомъ послѣднемъ году штатъ Петербургской Почтовой Конторы увеличился 20 почталіонами, изъ которыхъ двое вскорѣ же выбыли и еще двое были посланы въ Нарву. Почталіоны получали жалованья по 1 руб. въ мѣсяцъ. Хозяйственные расходы Конторы составляли: въ 1714 г.—на отопленіе 20 р., на бумагу 6 руб., на бечевки, чернила и сургучъ 8 руб. и на холстъ для почтовыхъ мѣшковъ 64 коп., а въ 1715 г.—на отопленіе 40 руб., на бумагу, сургучъ, чернила и проч. 19 руб., на почталіонскіе мундиры (mondur) 14 руб. и на пріобрѣтеніе для Конторы шлюпки съ цѣпью и замкомъ 3 р. 25 к. Кромѣ того, въ счетѣ Почтмейстера Краусса за 1715 г. показанъ расходъ на рабочихъ, строившихъ домъ въ продолженіи $^3/_4$ года (vor $^3/_4$ Jahr Hausz Häuer), въ размѣрѣ 96 руб. Если это былъ расходъ на постройку, т. наз., втораго почтоваго двора, сооруженнаго, по словамъ Петрова, въ 1716 г. (см. выше), то нельзя не признать, что онъ обошелся казнѣ очень недорого.

Съ 1716 по 1720 г. въ вѣдѣніе Петербургской Почтовой Конторы, какъ сказано выше, поступили двѣ вновь учрежденныя почты: Московская и Выборгская. Расширеніе дѣятельности Почтовой Конторы потребовало и увеличенія ея личнаго состава. Съ этого времени мы встрѣ-

---

[1]) Назв. соч., статья 2, стр. 22.

[2]) Въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ бумагахъ Петровскаго времени Петербургская Почтовая Контора называется уже Почтамтомъ, а Петербургскій Почтмейстеръ—Почтдиректоромъ. Мы сохраняемъ здѣсь первыя названія, какъ болѣе употребительныя въ разсматриваемый періодъ исторіи Петербургской почты.

чаемъ уже въ ней, кромѣ Почтмейстера Краусса и переводчика Осипова, еще Почтоваго Секретаря—сначала Петерсона и затѣмъ Фридриха Аша (бывшаго затѣмъ послѣ смерти Краусса, послѣдовавшей 13 Февраля 1726 г., Петербургскимъ Почтдиректоромъ), и, наконецъ, Почтоваго Контролера Маттіаса Фельтена съ нѣмецкимъ писцомъ. Почтмейстеру, должность котораго была отнесена табелью о рангахъ 24 Января 1722 г. къ XIII классу [1]), жалованье было увеличено до 500 р., а переводчику до 82 руб. въ годъ. Почтовый Секретарь получалъ сначала 100 и затѣмъ 150 руб., Почтовый Контролеръ 120 руб. и нѣмецкій писарь 50 р. въ годъ. Секретарю и Контролеру, кромѣ того, выдавалось по 30 руб. въ годъ на дрова и свѣчи. При Конторѣ по прежнему состояло 20 почталіоновъ, изъ которыхъ 15 получало по 1 руб. и 5—по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. На хозяйственные расходы Конторы—отопленіе, освѣщеніе, бумагу, сургучъ и проч. отпускалось по 100 руб. въ годъ. По сохранившимся счетамъ Почтмейстера Краусса за 1721—1722 гг. почталіонскій мундиръ стоилъ въ то время 10 руб., почтовая сумка (Felleysen)— 4 руб., почтовый сундукъ для денегъ, окованный желѣзомъ, —6 руб., канцелярскій столъ—1 руб.; за почталіонскіе сапоги и брюки, подбитыя кожей (для верховой ѣзды), въ 1721 г. было заплачено 24 руб. [2]). Данныя эти, заимствованныя изъ полугодовыхъ отчетовъ Петербургской Почтовой Конторы и изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, интересны не только потому, что содержатъ въ себѣ точныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на различные предметы, относившіеся до почтовой службы, но и потому, что даютъ возможность составить довольно опредѣленное представленіе о внутреннемъ устройствѣ почтоваго учрежденія того времени. Необходимо замѣтить, однако, что получавшееся чинами Петербургской Почтовой Конторы жалованье и тогда уже не соотвѣтствовало по своимъ размѣрамъ стоимости Петербургской жизни. Нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить сохранившееся представленіе Петербургскаго Почтмейстера въ Генеральный Почтамтъ отъ 9 Января 1723 г. «На нижеслѣдующіе пункты», сказано въ этомъ представленіи: «которые при С.-Петербург-

---

[1]) *Евреиновъ*. Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Спб. 1888 г., стр. 109.

Секретарь и Контролеръ Петербургской Почтовой Конторы, хотя и не имѣли чиновъ, но состояли также на государственной службѣ. Это видно изъ того, что Контролеромъ Фельтеномъ было подано въ 1725 г. всеподданнѣйшее прошеніе объ отставкѣ, написанное на гербовой бумагѣ.

[2]) Слѣдственное дѣло о Петербургскомъ Почтмейстерѣ Крауссѣ 19 Августа 1723 г., по Архиву Московскаго Почтамта № 2.

ской Почтовой Конторѣ необходимое разсужденіе принуждается, высокохвальнаго Генералъ-Почтъ-Амта нижайше прошу объ указѣ къ каждому пункту, какъ я нижеподписавшійся могу себя содержать: 1) Почтовый Секретарь Фридрихъ Ашъ проситъ о прибавленіи своего жалованья. Какъ оное жалованье по 150 рублевъ, да на дрова, свѣчи и на прочіе расходы 30 рублевъ, итого на годъ токмо во 180 рубляхъ до сего время состояло, а хлѣбъ и харчи въ такой дорогоцѣнности, что на одну персону на день, по одному разу, у трактировъ въ годъ слишкомъ 80 рублевъ исходитъ, и того для онъ на вышнее разсужденіе отдаетъ— можетъ ли онъ съ домашними своими со статомъ своего жалованья пропитаться? Но, понеже помянутый секретарь службу свою вѣрно отправляетъ и при вседневныхъ приходящихъ и отходящихъ почтахъ въ конторѣ быть долженъ, и того ради достоинъ бы онъ для лучшаго пропитанія вышенія своего жалованья и можно-бъ ему, по моему не въ указъ мнѣнію, на годъ по 250 рублевъ изъ конторы выдавать; 2) онъ такожде проситъ и контролеръ Матіасъ Ѳелтенъ, который донынѣ получаетъ на годъ по 150 рублевъ, и, по моему не въ указъ мнѣнію, оному по 200 рублевъ давать можно; 3) писарь иноземецъ до сего время только имѣлъ на годъ по 50 и, понеже ему съ оными 50 рублями пропитаться нельзя, того ради употреблялъ я его въ непочтовые дни въ моей службѣ и за оное свободной пищей довольствовалъ, но за оное малое жалованье далѣе служить не желаетъ и того ради ему жалованья по 100 рублевъ на годъ надобно опредѣлить; 4) русскій писарь Гаврило Осиповъ, который понынѣ на годъ только по 82 рублевъ получалъ, также проситъ ради нынѣшней дорогоцѣнности о прибавленіи своего жалованья; 5) постильоны по почтовымъ станамъ для ихъ пропитанія только на мѣсяцъ по 1 рублю получали, съ которымъ не токмо харчемъ довольство, но и рубашки и иныя малыя мундирныя вещи покупать принуждены, но сіе при нынѣшней дорогоцѣнности быть невозможно, и того ради просятъ, дабы имъ жалованья прибавить, также выдать картузы и для сбереженія почтъ епанчи; 6) *разнощикъ писемъ при конторѣ еще не опредѣленъ*, и ради того надобно бы къ такому дѣлу вѣрнаго и присяжнаго человѣка, который грамотѣ искусенъ, опредѣлить; жалованья ему на годъ по 25 рублевъ довольно, ибо изъ оныхъ да и съ приходу, каковъ ему за трудъ отъ партикулярныхъ людей, которымъ онъ письма разноситъ, пропитаться можетъ» [1]).

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

Первый штатъ Петербургской Почтовой Конторы былъ утвержденъ Петромъ Великимъ незадолго до его кончины—22 Декабря 1724 г. Этимъ штатомъ было назначено на содержаніе Петербургской Почтовой Конторы совмѣстно съ Генералъ-Почтдиректорскою Канцеляріею 1305 р., при чемъ на почталіоновъ, служителей, разсыльщиковъ, сторожей и канцелярскіе расходы для всѣхъ тогдашнихъ почтовыхъ конторъ была назначена особая сумма—1227 р. 56 к. [1]. Составивъ почтовый штатъ 1724 г., Правительствующій Сенатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлилъ «Почтдиректорской Канцеляріи со всѣми подчиненными Почтмейстерскими Конторами получать жалованья изъ сбору почтовыхъ денегъ» [2]. Во исполненіе такого опредѣленія Сената жалованье почтовымъ служащимъ выдавалось въ послѣдующее время изъ доходовъ «нѣмецкихъ» почтовыхъ конторъ по третямъ года, на основаніи ассигнацій Камеръ-Коллегіи. Изъ всеподданнѣйшаго донесенія Ямской Канцеляріи 12 Декабря 1727 г. видно, что изъ общей штатной суммы 1724 г. на долю Петербургской Почтовой Конторы съ Выборгскою, секретарю и служителямъ жалованья и на расходы, за вычетомъ госпитальныхъ денегъ, причиталось 616 р. въ годъ (410 р. $6^2/_3$ коп. за двѣ трети—Январьскую и Майскую) [3].

Что касается чистаго дохода Петербургской Почтовой Конторы, остававшагося ежегодно въ ея кассѣ за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, то онъ составлялъ:

	въ 1714 г.—	105 р.	$93^1/_2$ к.	
	» 1715 г.—	117 »	90 »	
затѣмъ				
	» 1720 г.—	2.199 »	60 »	
	» 1721 г.—	5.247 »	86 »	
	» 1722 г.—	7.109 »	— »	
	» 1723 г.—	7.237 »	53 »	
	» 1724 г.—	5.845 »	55 »	
и за первую половину	1725 г.—	4.782 »	46 »	[4]

Остававшіеся за покрытіемъ всѣхъ издержекъ доходы «нѣмецкихъ» почтовыхъ конторъ составили, по кончинѣ Петра Великаго, принадлеж-

---

[1] П. С. З. № 4659.—Подробности см. ниже—на стр. 142.

[2] П. С. З. № 4671.

[3] Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ LXIX. Приложеніе къ протоколу Верховнаго Тайнаго Совѣта 13 Декабря 1727 г., стр. 863—864.

[4] Архивныя дѣла Генеральнаго и Московскаго Почтамтовъ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія.

ность Императорскаго Кабинета, при чемъ, по указу Императрицы Екатерины I Сенату, не велѣно было «почтоваго сбору денегъ ни на какіе расходы безъ собственнаго Ея Величества указу въ расходъ держать». Когда, по меморіаламъ прусскаго посланника въ Петербургѣ барона Мардефельдта, Верховному Тайному Совѣту было представлено о почтовыхъ деньгахъ, недоданныхъ Мемельскому Почтмейстеру отъ Петербургскаго, то Совѣтъ, «хотя и разсуждали, что надлежитъ тѣ деньги изъ наличныхъ почтоваго сбору немедленно выдать, но, понеже тѣ почтовыя деньги принадлежали до Кабинета Ея Императорскаго Величества, то о томъ полагали отъ Коллегіи Иностранной учинить представленіе въ Кабинетъ» [1]).

Канцелярское дѣлопроизводство Петербургской Почтовой Конторы, какъ уже замѣчено выше, велось на нѣмецкомъ языкѣ. На этомъ языкѣ при Петрѣ Великомъ не только писались всѣ ея книги, документы, счета и справки, но и производились ея сношенія съ центральнымъ почтовымъ управленіемъ — Генеральнымъ Почтамтомъ. Крауссъ составлялъ свои донесенія Генералъ-Почтдиректору въ формѣ писемъ, начиная ихъ словами: «Hoch-und Wohlgebohrner Herr! Hochgeehrster Herr General-Post-Director» и получалъ изъ Генеральнаго Почтамта предписанія въ формѣ указовъ: «Ihro Ruszl. Kayszerl. Majtc. und Selst-Erhalter aller Ruszen etc: Ordre aus dem General-Post-Ambte an den Post-Meister Henrich Gottlieb Krausse in St. Petersburg». Даже отчеты въ Правительствующій Сенатъ скрѣплялись по нѣмецки. Такъ на отчетѣ Генералъ-Почтдиректора о почтовыхъ доходахъ и расходахъ, представленномъ въ Сенатъ 8 Апрѣля 1723 г., послѣ подписи Дашкова, имѣется слѣдующая помѣта: «Dasz gegenwärtige Rechnung mit denen vom St. Petersburg., Rigischen, Narvischen und Moscovischen Comptoirs in General-Post-Amt eingesandten teutschen Rechnungen accordire, solches attestiret» (слѣдуютъ нѣмецкія подписи почтмейстера и секретаря). Подобно тому и адреса на оффиціальной корреспонденціи Петербургской Почтовой Конторы дѣлались на нѣмецкомъ языкѣ; напр., «An Ihro Ruszischen Kayszerl. Majestat wohlbetrauthes General-Post-Ambt in St. Petersburg». Оттискъ казенной печати Петербургской Почтовой Конторы представлялъ собою двуглаваго орла съ вырѣзанною вокругъ него надписью: «St. Pietersburgs Post-Comptoir».

Относительно порядка производства почтовыхъ операцій въ Петербургской Почтовой Конторѣ за время царствованія Петра Великаго въ

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LVI, стр. 350 и 450. Журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта 9 Ноября и 12 Декабря 1726 г.

архивныхъ дѣлахъ и другихъ источникахъ того времени не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Представленіе объ этомъ предметѣ можно составить лишь по нѣкоторымъ позднѣйшимъ документамъ Сенатскаго Архива. По вступленіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, ею былъ данъ 29 Ноября 1741 г. словесный указъ, на основаніи котораго собраніе министровъ и генералитета поручило генералъ-маіору Воейкову «тотчасъ ѣхать на почтовый дворъ и имѣющуюся же тамъ наличную денежную казну, осмотря по ярлыкамъ и учиня опись (которую привезть съ собою), всю запечатать, оставя на расходы тысячу рублей, а приходныя и расходныя книги и дѣла по тому же запечатать; для вписыванія же вновь прихода и расхода сдѣлать велѣть новыя книги, а отъ Почтъ-Директора Аша о наличной денежной казнѣ взять вѣдомость, которую привезть съ собою-же». Согласно такому распоряженію, генералъ-маіоромъ Воейковымъ того-же 29 Ноября были составлены въ Петербургской Почтовой Конторѣ двѣ описи. По первой описи, «учиненной имѣвшимся на почтовомъ дворѣ книгамъ и прочимъ письмамъ 741 г.» въ Конторѣ находились: «1) протоколъ отправленію въ Москву Ноября по 26 число; 2) протоколъ отправленію за море Ноября по 28 число; 3) протоколъ отправленію въ г. Архангельскъ [1]) Ноября по 23 число; 4) протоколъ отправленію въ Выборгъ Ноября по 27 число. Реестры приходящіе Ноября по 29 число: 1) изъ Кронштадта, 2) изъ Москвы, 3) изъ Риги, 4) изъ Ревеля, 5) изъ Нарвы, 6) изъ Дерпта, 7) изъ Выборга, 8) изъ Мемеля, 9) записная книга приходящимъ письмамъ изъ Мемеля; 10) книга записная, отъ кого за отправленіе писемъ деньги получены и не получены, и 11) записная книга, по которой за приходящія письма деньги принимаются». По второй же описи, «учиненной имѣвшейся на почтовомъ дворѣ по ярлыкамъ денежной казнѣ», въ Конторѣ оказалось 5.535 р. $21^3/_4$ к. [2]).

Первая изъ приведенныхъ здѣсь описей даетъ возможность возстановить существовавшій и при Петрѣ Великомъ порядокъ производства почтовыхъ операцій въ Петербургской Почтовой Конторѣ, такъ какъ названія почтовыхъ документовъ и книгъ, перечисленныя въ этой описи, вполнѣ совпадаютъ съ названіями ихъ, встрѣчающимися въ архивныхъ дѣлахъ разсматриваемаго періода. Опись 1741 г. представляетъ собою

---

[1]) Прямой почтовый трактъ между Петербургомъ и Архангельскомъ, вмѣсто прежняго, по которому почта пересылалась черезъ Москву, былъ учрежденъ барономъ Остерманомъ въ 1727 г. (П. С. З. № 5109).

[2]) Сенатскій Архивъ, томъ V. Журналъ и протокольная записка собранія министровъ и генералитета съ 25 Ноября по 12 Декабря 1841 г., стр. 303, 314—315.

*

важное значеніе въ томъ отношеніи, что объединяетъ въ одно цѣлое отдѣльные почтовые документы и книги, названія которыхъ упоминаются по одиночкѣ въ разбросанныхъ источникахъ Петровскаго времени, и выясняетъ предназначеніе каждаго такого документа и каждой такой книги. Изъ сопоставленія настоящей описи съ данными архивныхъ дѣлъ Генеральнаго и Московскаго Почтамтовъ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія можно сдѣлать слѣдующіе выводы о порядкѣ производства почтовыхъ операцій въ Петербургской Почтовой Конторѣ при Петрѣ Великомъ. Вся подаваемая корреспонденція записывалась въ «протоколъ» по числамъ отправленія каждой почты извѣстнаго тракта. Для каждаго тракта, почта котораго находилась въ вѣдѣніи Петербургской Почтовой Конторы, велся особый протоколъ. Записанная въ протоколъ корреспонденція вносилась затѣмъ въ особый сопроводительный документъ—«реестръ», съ которымъ и задѣлывалась вмѣстѣ въ почтовую сумку. Реестры составлялись не только до мѣста назначенія почты, но и до нѣкоторыхъ промежуточныхъ мѣстъ, гдѣ производился обмѣнъ почтовой корреспонденціи. Такъ какъ извѣстныя должностныя лица и правительственныя учрежденія посылали при Петрѣ Великомъ свою корреспонденцію безъ оплаты почтовыми сборами, то для отчетности велась записная книга, «отъ кого за отправленіе писемъ деньги получены и не получены». Задѣланную и запечатанную въ чемоданѣ почту отправляли Секретарь Петербургской Почтовой Конторы и писцы, при чемъ подорожная на нее выдавалась также изъ Почтовой Конторы [1]).

По прибытіи почты вынимавшаяся изъ сумки корреспонденція свѣрялась съ реестрами, при чемъ иностранная корреспонденція, за которую Петербургскою Почтовою Конторою производились разсчеты съ прусскимъ Почтамтомъ въ Мемелѣ, записывалась въ особую книгу. При существовавшемъ въ то время порядкѣ пересылки иностранной корреспонденціи, каждое государство взимало въ свою пользу транзитную плату по своей внутренней таксѣ. Этимъ объясняется, почему въ Петербургѣ получались изъ Мемеля письма, «отягченныя портомъ» (съ наложеннымъ платежомъ вѣсоваго сбора), который и взыскивался съ адресата при выдачѣ ему письма. Такіе сборы, какъ составлявшіе отдѣльную статью почтовыхъ поступленій, заносились также въ особую «записную книгу, по которой за приходящія письма деньги принимались».

---

[1]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 5 Августа 1721 г.

Что касается порядка обмѣна корреспонденціи въ попутныхъ мѣстахъ, повѣрки выданной корреспонденціи въ мѣстахъ ея назначенія и прочихъ подробностей спеціальнаго почтоваго дѣлопроизводства, то въ этомъ отношеніи на «нѣмецкой» почтѣ, повидимому, примѣнялись тѣ же правила, которыя были установлены для ординарной государственной почты Почтмейстерскою Инструкціею 1720 г., о чемъ и будетъ сказано ниже. Подтвержденіемъ такого предположенія служатъ не только постановленія самой Инструкціи 1720 г., въ которыхъ встрѣчается много общаго съ существовавшимъ тогда порядкомъ производства почтовыхъ операцій на «нѣмецкой» почтѣ, но, главнымъ образомъ, и то обстоятельство, что при первоначальномъ устройствѣ ординарной почты Сенатомъ было предписано «для устроенія вышепомянутой (т. е., ординарной) почты взять вѣдѣнія у Государственнаго Подканцлера и Тайнаго Совѣтника барона Петра Павловича Шафирова, какимъ образомъ содержится почта, которая нынѣ есть подъ его вѣдѣніемъ» [1]). Такимъ образомъ при составленіи Почтмейстерской Инструкціи 1720 г., несомнѣнно, руководствовались правилами и «нѣмецкой» почты [2]).

Говоря объ устройствѣ почтовой части въ разсматриваемомъ періодѣ, считаемъ не лишнимъ указать также, какимъ наказаніямъ подвергались при Петрѣ Великомъ почтовые служащіе за нарушеніе ими обязанностей службы. Одинъ изъ случаевъ привлеченія къ отвѣтственности почтоваго чиновника за преступленія должности уже приведенъ нами выше: мы видѣли, что Рижскій Почтмейстеръ Веселингъ за пользованіе почтовыми деньгами и за задержаніе платежей ремизовъ Мемельскому Почтамту былъ арестованъ и отрѣшенъ отъ должности, а имущество его было конфисковано на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ имъ прусскому почтовому управленію, и что съ назначеннаго на его мѣсто новаго Почтмейстера былъ потребованъ залогъ. На Ревельскаго Почтмейстера Хеймброда за допущеніе имъ занимавшагося у него по вольному найму служителя къ самостоятельному пріему писемъ и неимѣніе имъ за этимъ служителемъ никакого надзора, вслѣдствіе чего послѣднимъ были присвоены полученные за принятую корреспонденцію почтовые сборы, а самая корреспонденція уничтожена, была возложена матеріальная отвѣтственность за убытки, причиненные его служителемъ почтовому управ-

---

[1]) Указъ 30 Апрѣля 1719 г. П. С. З. № 3362.

[2]) Установленный при Петрѣ Великомъ порядокъ производства почтовыхъ операцій сохранился въ общихъ чертахъ не только въ XVIII столѣтіи, но и въ началѣ XIX-го. Ср. Почтмейстерскую Инструкцію 1807 г.

ленію и частнымъ лицамъ, при чемъ ему было предложено представить залогъ или, за неимѣніемъ къ тому средствъ, оставить службу [1]). Выборгскій Почтмейстеръ Валеріанъ за допущеніе утраты почты, посланной изъ Выборга въ Швецію, «въ С.-Петербургъ привезенъ и нѣкоторое время подъ арестомъ содержанъ былъ, а потомъ на поруки отданъ»; изъ Петербурга въ Выборгъ онъ былъ отпущенъ почти черезъ полгода [2]). Почтарей и почталіоновъ за медленную ѣзду били кнутомъ и батогами [3]), а за потерю почты пытали и назначали въ галерную работу на годъ [4]).

Въ Московскомъ государствѣ перлюстрація частной корреспонденціи, пересылавшейся по заморской почтѣ, практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Такъ какъ русскіе зорко слѣдятъ за корреспонденціею и письмами и самое завѣдываніе почтою поручено русскому», писалъ шведскій посланникъ при Московскомъ Дворѣ Христофъ фонъ Кохенъ шведскому генералъ-губернатору въ Ригѣ 23 Сентября 1687 г., «то я буду отправлять письма къ вашему превосходительству въ конвертѣ на имя частнаго лица въ Ригѣ, которое будетъ каждый разъ доставлять ихъ вашему превосходительству» [5]). По словамъ Шторха, получавшіяся въ Москвѣ съ заморскою почтою сумки, прежде всего, приносились въ Посольскій Приказъ для вскрытія и просмотра подозрительныхъ писемъ, вслѣдствіе чего вся корреспонденція предварительно ея выдачи проходила черезъ руки Канцлера [6]). Гордонъ въ своихъ письмахъ къ сыну предостерегалъ его относительно существовавшей въ Москвѣ перлюстраціи частной корреспонденціи и совѣтовалъ ему быть осторожнѣе, чтобы между ними была возможна переписка, такъ какъ Московскій Почтмейстеръ Виніусъ не только перечитывалъ всѣ заграничныя письма, но и утаивалъ наиболѣе важныя изъ нихъ [7]).

---

[1]) Дѣло 1722 г. о утаеніи отправляемыхъ писемъ и похищеніи вѣсовыхъ денегъ въ Ревельскомъ Почтовомъ Правленіи почтмейстерскимъ служителемъ Томасомъ Торстенсономъ (на нѣмецкомъ языкѣ), по Архиву Московскаго Почтамта № 1.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 223. Протоколъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 25 Апрѣля 1726 г.

[3]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 2.

Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Академіею Наукъ, т. V, кн. 2, стр. 737.

[4]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 5 Августа 1721 г.

[5]) Русская Старина, Сентябрь 1878 г., стр. 122.

[6]) Назв. соч., часть VII, стр. 255.

[7]) *Брикнеръ*. Russisches Postwesen im 17 und 18 Jahrhundert. Zeitschrift für allgemeine Geschichte etc. 1884 г., Heft 12.

Именнымъ указомъ Петра Великаго 12 Ноября 1698 г. (объ учрежденіи Сибирской почты) была впервые установлена въ Россіи неприкосновенность частной корреспонденціи: «отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотрѣть», было сказано въ этомъ указѣ, «чтобы всякъ, заплатя пристойную заплату, былъ обнадеженъ, что его грамотка въ домъ къ нему дойдетъ» [1]).

Указъ 1698 г., какъ видно изъ его содержанія, относился до одной только коммерческой корреспонденціи. Онъ не распространялся на письма частныхъ лицъ «о военныхъ и статскихъ дѣлѣхъ». Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго сохранилась памятная записка о посылкѣ указовъ въ Петербургскую и Рижскую губерніи, «дабы каждый губернаторъ въ своей губерніи мандаты публиковалъ слѣдующаго содержанія: дабы никто дерзалъ изъ государства ни малыхъ вѣдомостей о военныхъ и статскихъ дѣлѣхъ писать, кромѣ о своихъ торгахъ и къ нимъ принадлежащихъ дѣлѣхъ, никогда-же ни о малѣйшихъ дѣлѣхъ писать, еже кому не принадлежитъ, подъ потеряніемъ имѣнія и пожитковъ и по изобрѣтеніи вины—наказаніемъ тѣла и живота, *егда грамотки въ Ригѣ, Курляндіи или въ Пруссахъ распечатаются и что заказанное въ нихъ найдется»* [2]). Такое запрещеніе въ особенности относилось къ прежнимъ шведскимъ подданнымъ—жителямъ завоеваннаго Остзейскаго края—и къ шведскимъ плѣннымъ. Оно было воспроизведено затѣмъ въ напечатанномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ Именномъ указѣ 1 Января 1716 г. «Всякая корреспонденція, касающаяся корабельному ходу, купечества, иждивенія и промысла, такожъ каждаго о приватныхъ дѣлѣхъ», читаемъ мы въ этомъ указѣ, «да пребудетъ по прежнему вольно. А чтобъ ничего о военныхъ государственныхъ дѣлѣхъ въ такихъ письмахъ не было... Каждой долженъ есть за письма, подъ конвертомъ его идущія, отповѣдствовать и, понеже мы преступителей по дѣламъ на тѣлѣ и имѣніи наказать хощемъ и чтобъ никто невѣдѣніемъ не отговаривался, то сіе наше милостивѣйшее учрежденіе напечатать велѣли» [3]). Шведскіе плѣнные могли получать и отправлять свою корреспонденцію не иначе, какъ чрезъ начальство или почтовую контору «за отворчатою печатью».

Другое изъятіе изъ общаго принципа неприкосновенности частной

---

[1]) П. С. З. № 1654.

[2]) *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. СПБ. 1862 г., томъ I, стр. 298.

[3]) П. С. З. № 2974.

корреспонденціи было допущено въ отношеніи писемъ государственныхъ преступниковъ, именно такихъ лицъ, которыя, по словамъ Именнаго указа 17 Іюня 1718 г., «для нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ и погрѣшенія противъ Величества заарестованы» и къ которымъ, «какъ по розыску явилось, нѣкоторыя подозрительныя письма подъ другими конвертами приходили» [1]).

Изъ сопоставленія приведенныхъ указовъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что на «нѣмецкой» почтѣ перлюстрація частной корреспонденціи въ разсматриваемомъ періодѣ производилась также, какъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Такой выводъ подтверждается какъ данною, при заключеніи Шафировымъ съ ландратами фонъ-Ниротомъ и Таубе контракта о Ревельской почтѣ 13 Августа 1715 г., присягою управлявшаго этою почтою Почтоваго Секретаря Гультфильтера о томъ, что онъ будетъ «открывать всякія подозрительныя корреспонденціи», такъ и журналомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 27 Мая 1726 г., согласно которому присутствовавшіе въ немъ члены «за потребно разсудили письма, посылаемыя отсюду на почтахъ въ Швецію отъ купца Эльмсоля, такожъ и оттуды на имя его приходящіе пакеты секретно открывать и разсматривать Вице-Канцлеру и Д. Т. С. барону Остерману... (для чего) и почтмейстеръ призыванъ (былъ) и о томъ ему приказано» [2]). Запрещеніе писать въ частныхъ письмахъ о чемъ-либо, относящемся до секретныхъ государственныхъ дѣлъ, было распространено въ концѣ царствованія Петра Великаго и на внутреннюю корреспонденцію, а именно указомъ 13 Января 1724 г. повелѣно было «о дѣлахъ, которыя тайности подлежатъ въ государственныхъ дѣлахъ, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ ни къ кому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій» [3]). Такое распоряженіе относилось, однако, до тѣхъ лишь секретныхъ дѣлъ, которыя кому-либо особо поручались.

Что касается дипломатической корреспонденціи, то о ней сохранились слѣдующія интересныя свѣдѣнія въ письмѣ французскаго коммисара де Лави къ Епископу Дюбуа во французское министерство, посланномъ изъ Петербурга 1 Августа 1718 г. «Мнѣ говорили», писалъ де Лави въ Парижъ, «что письма иностранныхъ министровъ въ ихъ дворамъ вскрываются. Мнѣ трудно этому вѣрить; по крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ, что-

---

[1]) П. С. З. № 3209.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр, 309.

[3]) П. С. З. № 4409.

бы было вскрыто хотя одно изъ моихъ писемъ. Думаю, однако, что было-бы полезно, если бы ваше преосвященство были столь добры прислать мнѣ шифръ, которымъ бы я могъ пользоваться для сообщенія о дѣлахъ секретныхъ, чтобы не быть компрометированнымъ» [1]). Какъ видно изъ журнала Верховнаго Тайнаго Совѣта 1 Апрѣля 1726 г., въ отношеніи дипломатической корреспонденціи въ то время наблюдалась вообще большая осторожность. Такъ, когда Вице-Канцлеръ баронъ Остерманъ, узнавъ отъ Петербургскаго Почтмейстера, что прусскій посланникъ баронъ Мардефельдтъ намѣревался послать своему Двору эстафету, доложилъ о томъ Совѣту, то Совѣтъ ограничился только тѣмъ, что отправилъ Остермана къ посланнику «для зондированія онаго, съ чѣмъ онъ тотъ штафетъ отпускаетъ» [2]).

Какъ мы уже видѣли выше, въ 1714 г. была учреждена «обыкновенная» почта между Петербургомъ и Москвою для ускоренія пересылки нужнѣйшихъ государевыхъ указовъ и писемъ. Со времени преобразованія въ Россіи центральнаго управленія и съ открытіемъ въ новой столицѣ коллегій эта казенная ямская почта не могла уже удовлетворять болѣе своему новому назначенію. На меморіалъ Фика отъ 11 Іюня 1718 г. о невозможности для коллегій управлять своими дѣлами, если изъ Петербурга не пойдетъ порядочная верховая почта черезъ всѣ главные города и губерніи государства по одному или по два раза въ недѣлю, послѣдовала резолюція Петра Великаго: «Сію почту устроить перво отъ Петербурга до всѣхъ главныхъ городовъ, гдѣ губернаторы обрѣтаются нынѣ, а потомъ управителю почты (т. е., барону Шафирову), говоря съ губернаторы, опредѣлить отъ тѣхъ городовъ въ дальные ихъ городы, куда нужно, а въ ближніе посыльщиковъ посылать» [3]).

Во исполненіе такого повелѣнія Сенатъ въ слѣдующемъ же 1719 г. предписалъ собрать свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи всѣхъ существовавшихъ тогда въ Россіи почтъ какъ находившихся въ управленіи барона Шафирова, такъ и состоявшихъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ губернаторовъ, и прежде всего организовалъ правильную пересылку своей собственной казенной корреспонденціи. По установленному Сенатскимъ указомъ 13 Августа 1719 г. порядку, указы и письма изъ Сената въ провинціи должны были отправляться въ запечатанныхъ пакетахъ съ

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XXXIV, стр. 366.
[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стр. 178.
[3]) П. С. З. № 3208.

обозначеніемъ на оболочкахъ мѣстъ ихъ назначенія. Почтари обязаны были отвозить пакеты сначала до провинцій, расположенныхъ по большимъ дорогамъ, откуда и досылать ихъ въ другія ближайшія провинціи, находившіяся въ сторонѣ отъ такихъ дорогъ. Для записи посылаемой казенной корреспонденціи въ Сенатѣ, на почтовыхъ станахъ и въ провинціяхъ постановлено было вести особыя книги, въ которыхъ обозначались числа и часы отправленія, досылки и полученія пакетовъ и имена перевозившихъ ихъ почтарей. О полученіи пакетовъ въ мѣстахъ назначенія изъ провинцій должны были присылаться въ Сенатъ донесенія черезъ почтовые станы [1]).

Затѣмъ черезъ годъ, на основаніи собранныхъ о почтахъ свѣдѣній и, несомнѣнно, при содѣйствіи барона Шафирова, Сенатомъ была учреждена, по докладу завѣдывавшаго въ то время Петербургскимъ Ямскимъ Приказомъ князя Щербатова [2]), общая для всѣхъ правительственныхъ мѣстъ казенная или, такъ называемая, ординарная почта. Мотивы, побудившіе правительство организовать эту почту, и основныя положенія объ устройствѣ ея были изложены въ объявленномъ изъ Сената Именномъ указѣ 24 Мая 1720 г. «Понеже Его Царскому Величеству», читаемъ мы въ настоящемъ указѣ: «извѣстно учинилось, что отъ частыхъ не такъ для нужныхъ дѣлъ, какъ больше отъ произвольныхъ и непорядочныхъ изъ всѣхъ мѣстъ, паче же отъ Москвы до Санктпетербурга, а отъ С.-Петербурга до Москвы, нарочныхъ посылокъ и непотребныхъ по разнымъ подорожнымъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ многимъ числомъ дачь разныхъ чиновъ людямъ, кому давать не надлежало, и отъ непрестанныхъ въ разные пути разгоновъ, а наибольше отъ курьеровъ и отъ офицеровъ, которые на почтовыхъ подставахъ и на ямахъ озорничествомъ чинятъ во взятьѣ подводъ несносныя ямщикамъ съ побоями обиды, въ такое оные пришли крайнее раззореніе, что новопоселенные отъ Новагорода до Санктпетербурга ямы, отъ побѣга ямщиковъ, едва уже не всѣ стали быть пусты, а изъ другихъ, отъ Новагорода-жъ до Москвы ямовъ ямщики, обезлошадѣвъ и раззорясь, отъ того многіе бѣжали; также и кромѣ оныхъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ въ губерніяхъ и въ провинціяхъ для такихъ же непорядочныхъ посылокъ сбираютъ уѣздныя подводы, и для того во многихъ мѣстахъ держатъ нарочныя подставы и отъ того чинится государственная тягость, того ради указалъ Его Царское Вели-

---

[1]) П. С. З. №№ 3362 и 3416.

[2]) *Петровскій.* О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 306.

чество въ знатныхъ городахъ по большимъ дорогамъ учинить нынѣ ординарную почту, а именно: отъ С.-Петербурга до Москвы и до другихъ городовъ, кромѣ Рижской дороги, понеже по оной (дорогѣ) есть учрежденная почта, по дважды, а въ прочихъ губерніяхъ и провинціяхъ по однажды въ недѣлю (не въ тѣ дни, въ которые купеческая отправляется почта, но въ особые, что оставляется на опредѣленіи Ямскаго Приказа) ради посылки изъ всѣхъ коллегій и канцелярій указовъ и писемъ до Москвы и оттуда, куда надлежитъ, такожде и изъ тѣхъ мѣстъ съ отписками и съ вѣдомостьми въ С.-Петербургъ;... токмо на тѣхъ почтахъ у купецкихъ людей никакихъ писемъ (которыя принимаются съ обыкновеннымъ платежомъ и отправляются на особливой учрежденной почтѣ отъ Иностранной Коллегіи) не принимать» [1]).

Такимъ образомъ, ординарная почта съ самаго-же начала была рѣзко разграничена съ Петербургско-Московскою купеческою почтою, находившеюся въ вѣдѣніи барона Шафирова и его нѣмецкихъ почтовыхъ конторъ. Въ противуположность этой послѣдней почтѣ, управленіе ею было сосредоточено въ Ямскомъ Приказѣ подъ начальствомъ князя Щербатова. Для ординарной почты были назначены въ городахъ особые Почтмейстеры изъ подъячихъ, а на почтовыхъ станахъ отъ Ижоры до Москвы—особые надзиратели изъ солдатъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго и Астраханскаго полковъ. Кромѣ того, для устройства новой казенной почты и для усиленія ея личнаго состава, какъ видно изъ сохранившагося въ Архивѣ Морскаго Министерства письма князя Щербатова къ графу Апраксину 22 Августа 1720 г., были опредѣлены дворяне: «въ Ямскомъ Приказѣ», писалъ князь Щербатовъ, «великую нужду имѣемъ въ дворянехъ, а которые дворяне и даны изъ Сенату и многіе по указу не ѣдутъ, чинятся ослушны, а изъ Ямскаго Приказу надобно дворянъ послать для постановленія почты, а инымъ на почтѣ быть» [2]).

Какъ для почтмейстеровъ, такъ и для станціонныхъ надзирателей ординарной почты въ Ямскомъ Приказѣ были составлены подробныя инструкціи.

Почтмейстерская инструкція 1720 г. послужила, по словамъ проф. Сергѣева [3]), основаніемъ для всѣхъ послѣ изданныхъ правилъ пріема и отправленія казенной и частной корреспонденціи. Инструкція эта, извѣст-

---

[1]) П. С. З. № 3591.

[2]) Дѣло графа Апраксина 1719 г. № 190.

[3]) Историческій взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи. — Ученыя записки, изд. Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ, 1840 г., кн. I.

ная подъ названіемъ «Пунктовъ, по которымъ въ С.-Петербургѣ и на Москвѣ и въ другихъ городахъ надлежитъ почтмейстерамъ править почтовое теченіе», состояла изъ 8 статей. Содержаніе ея было слѣдующее.

Принимаемые въ дни отхода почтъ пакеты почтмейстеръ долженъ былъ записывать въ книгу, означая въ ней, откуда и куда пакеты слѣдовали, сколько въ нихъ вѣса и сколько причитается за нихъ вѣсовыхъ денегъ. Въ Петербургѣ почтовые сборы записывались на счетъ тѣхъ учрежденій, которыя отправляли пакеты, въ Москвѣ же и другихъ городахъ взыскивались наличностію съ подавателей корреспонденціи и затѣмъ записывались въ книгу. Пакеты вносились въ особый реестръ и вмѣстѣ съ нимъ задѣлывались въ почталіонскую суму, которая опечатывалась почтовою печатью, одинаковою для всѣхъ почтмейстеровъ. Сума отправлялась съ почталіономъ за часъ или за два до наступленія ночи въ слѣдующее по тракту почтовое мѣсто, гдѣ находился почтмейстеръ. По полученіи сумы почтмейстеръ долженъ былъ распечатать ее, провѣрить вложеніе по реестру, отдѣлить пакеты, слѣдующіе въ его контору или адресованные въ другое мѣсто, расположенное въ сторонѣ отъ тракта, затѣмъ вложить въ суму свои пакеты съ отдѣльнымъ реестромъ, запечатать ее и отправить далѣе. Вынутые изъ сумы пакеты почтмейстеръ отмѣчалъ собственноручно въ реестрѣ, при чемъ означалъ день и часъ полученія и отправленія почты. Пакеты, слѣдующіе на боковые тракты, такимъ же [образомъ задѣлывались въ другія почталіонскія сумы и посылались по назначенію. Доставивъ почту въ дальнѣйшее почтовое мѣсто, почталіонъ обязанъ былъ привезти съ собою письменное извѣщеніе о полученіи ея тамъ въ цѣлости. Пакеты выдавались по принадлежности съ росписками и о выдачѣ ихъ письменно сообщалось тѣмъ мѣстамъ, изъ которыхъ они были посланы. При этомъ подлинныя извѣщенія изъ мѣстъ, лежащихъ на боковыхъ трактахъ, и подлинныя росписки оставлялись на храненіи у почтмейстера. Почтмейстерамъ вмѣнялось въ обязанность не задерживать проходящихъ почтъ долѣе одного или двухъ часовъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы почталіоны привозили почту въ установленные часы. Въ мѣстѣ назначенія реестра на немъ отмѣчалось, когда и кому выданы внесенные въ него пакеты, и затѣмъ реестръ возвращался въ то почтовое учрежденіе, изъ котораго былъ первоначально посланъ [1]).

На первоначальное устройство ординарной почты и на дачу почтарямъ указныхъ прогоновъ Ямскому Приказу было отпущено Правитель-

[1]) П. С. З. № 3691.

ствующимъ Сенатомъ (15 Мая 1720 г.) 100 рублей изъ суммъ Штатсъ-Конторъ—Коллегіи.

Отправленіе ординарной почты началось съ 25 Ноября 1720 г. [1]).

Пріемъ корреспонденціи на эту почту производился «обрѣтавшимся при С.-Петербургѣ Почтмейстеромъ» [2]). Былъ ли такимъ Почтмейстеромъ Почтмейстеръ Петербургской Почтовой Конторы Крауссъ или другое какое-либо лицо, состоявшее въ вѣдѣніи Петербургскаго Ямскаго Приказа,—намъ не удалось установить съ точностію. Послѣднее предположеніе представляется, однако, болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ ординарная и нѣмецкая почты составляли тогда совершенно отдѣльныя установленія и вѣдались разнымъ начальствомъ. Предположеніе о существованіи въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія особаго Петербургскаго Ямскаго Почтмейстера подтверждается, повидимому, не только тѣмъ фактомъ, что въ 1720 г. въ Петербургской ямской слободѣ существовалъ особый ямской почтовый дворъ, во главѣ котораго находился особый ямской «почтъ управитель» (или иначе Почтмейстеръ) Иванъ Лихачевъ [3]), но и позднѣйшимъ документомъ—четвертымъ приложеніемъ къ протоколу Верховнаго Тайнаго Совѣта 19 Декабря 1727 г.: изъ содержащейся въ этомъ приложеніи вѣдомости отъ Ямской Канцеляріи видно, что для шествія Императора Петра II отъ Петербурга до Москвы былъ опредѣленъ тогда «для отправленія подводъ на первомъ станѣ при С.-Петербургѣ команды Ямской Канцеляріи Почтмейстеръ Федоръ Кожевниковъ» [4]). Кожевниковъ, несомнѣнно, былъ особымъ Ямскимъ Почтмейстеромъ, такъ какъ Почтмейстеромъ Почтовой Конторы въ Петербургѣ былъ въ то время Фридрихъ Ашъ. Кромѣ того, и въ послѣдующее время почти до самаго конца XVIII столѣтія въ Петербургѣ было два Почтмейстера—Почтамтскій (называвшійся уже Почтдиректоромъ) и Ямской [5]).

Пересылавшаяся по ординарной почтѣ корреспонденція въ Петербургѣ выдавалась изъ Ямскаго Приказа. Такой выводъ можно сдѣ-

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.—Дѣла Правительствующаго Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г.г., по каталогу Архива № 1065.

[2]) П. С. З. № 3691.

[3]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.—Дѣла Правительствующаго Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г.г., по каталогу Архива № 1065.

[4]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ LXIX, стр. 877.

[5]) Послѣдній Петербургскій Ямской Почтмейстеръ Казановичъ поступилъ въ вѣдомство Петербургскаго Почтамта въ 1782 г.—Дѣло Главнаго Почтоваго Правленія 1782 г. № 13.

Хрущовъ (назв. соч., стр. 46) говоритъ, что при Петрѣ В. изъ всѣхъ коллегій, канцелярій и коммисарствъ всякіе указы отсылались въ С.-Петербургскій Надворный Судъ, Вице-Президентъ котораго и долженъ былъ отправлять ихъ черезъ почту по назначенію. Мнѣніе это основано

лать изъ сообщенія Ямскаго Приказа въ Адмиралтейскую Коллегію 30 Іюня 1721 г., въ которомъ Приказъ просилъ Коллегію «для пріему полученныхъ чрезъ почту пакетовъ изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ присылать изъ Адмиралтейской Коллегіи въ Ямской Приказъ нарочнаго, *понеже изъ Ямскаго Приказу тѣхъ пакетовъ разсылать не съ кѣмъ* [1])».

Первоначально ординарная почта отправлялась изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Петербургъ, согласно почтмейстерской инструкціи 1720 г., два раза въ недѣлю—во Вторникъ и въ Пятницу; затѣмъ Сенатъ отмѣнилъ двукратную отправку ея и назначилъ какъ для Петербурга, такъ и для Москвы одинъ почтовый день въ недѣлю—Вторникъ, «для того», какъ сказано въ указѣ 23 Іюня 1721 г., «что вѣсовыми деньгами въ каждой недѣлѣ по два дни почты содержать невозможно, потому что изъ коллегій и изъ канцелярій для посылки на почты пакетовъ въ присылкѣ малое число» [2]).

Ординарную почту почталіонамъ предписано было возить по 8 верстъ въ часъ. Такимъ образомъ, между Петербургомъ и Москвою она должна была находиться въ пути 92 часа, т. е., трое сутокъ и 20 часовъ. Кромѣ того, въ каждомъ изъ четырехъ попутныхъ городовъ (Новгородѣ, Торжкѣ, Твери и Клинѣ) ей полагалось останавливаться на два часа. Съ присоединеніемъ этихъ послѣднихъ 8 часовъ, общій срокъ переѣзда ея между столицами былъ опредѣленъ въ четверо сутокъ и четыре часа. При устройствѣ ординарной почты было впервые составлено точное росписаніе хода ея отъ Москвы до Петербурга, согласно которому «ей надлежало теченіе имѣть, кромѣ удержанія для осмотра: отъ Москвы до Клина чрезъ 90 верстъ 11 часовъ съ четью; отъ Клина до Твери чрезъ 90 верстъ 11 часовъ съ четью; отъ Твери до Торжка и до Новагорода чрезъ 378 верстъ 47 часовъ съ четью и отъ Новагорода до С.-Петербурга

на неправильномъ пониманіи Сенатскаго указа 17 Декабря 1720 г. (П. С. З. № 3691), даннаго на имя Вице-Президента С.-Петербургскаго Надворнаго Суда Клокачева о посылкѣ имъ всякихъ указовъ чрезъ ординарную почту *съ добавленіемъ,* что *«въ прочія коллегіи и канцеляріи и къ коммисарствамъ изъ Ямскаго Приказа о томъ же Его Великаго Государя указы посланы».* Смыслъ указа 17 Декабря 1720 г., какъ онъ подтверждается и постановленіемъ приложенной къ указу почтмейстерской инструкціи о пріемѣ почтмейстеромъ всей рѣшительно казенной корреспонденціи Петербурга—изъ коллегій, канцелярій и проч., тотъ, что Клокачеву разъяснялся лишь вновь установленный порядокъ отправки корреспонденціи С.-Петербургскаго Надворнаго Суда, подобно тому какъ онъ былъ разъясненъ уже прочимъ присутственнымъ мѣстамъ царскими указами, посланными ранѣе изъ Ямскаго Приказа.

[1]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло Адмиралтейской Коллегіи 1720 г. № 41.

[2]) П. С. З. № 3797

чрезъ 177 верстъ 22 часа съ четью». Въ дѣйствительности-же ординарная почта получалась въ мѣстахъ ея назначенія значительно позднѣе; опаздыванія ея доходили иногда до двухъ сутокъ и 8 часовъ, т. е., переѣздъ между столицами совершался ею въ 6 сутокъ 12 часовъ, при чемъ наибольшія промедленія въ пути приходились на участки столичнаго тракта между Петербургомъ и Новгородомъ (до $38^3/_4$ часовъ) и между Новгородомъ и Тверью (до $15^1/_4$ часовъ). Для возстановленія нарушеннаго порядка при пересылкѣ ординарной почты Ямской Приказъ принималъ самыя энергичныя мѣры; такъ, напримѣръ, 13 Ноября 1722 г. онъ объявилъ всѣмъ находившимся на почтовыхъ станахъ солдатамъ (надзирателямъ) и почтарямъ, что, «ежели впредь въ почтовомъ теченіи будетъ чиниться такое-жъ замедленіе и за то всѣмъ учинено будетъ жестокое наказаніе и именно почтовыхъ становъ солдаты за несмотрѣніе ихъ бпты будутъ батогами и почтари за медленную возку почты кнутомъ» [1]). Интереснѣе всего, что подобная экзекуція по почтовымъ станамъ производилась тѣмъ же самымъ разъѣзднымъ солдатомъ, который раздавалъ надзирателямъ жалованье изъ Ямскаго Приказа.

Окладной расходъ на возку ординарной почты по Петербургско-Московскому тракту составлялъ 474 р. 24 коп. въ годъ. Расходъ этотъ первоначально покрывался тѣми сборами ямской почты, которые взимались за пересылку по ней корреспонденціи. Затѣмъ, когда Сенатскимъ указомъ 5 Ноября 1725 г. казенная корреспонденція была окончательно освобождена отъ оплаты почтовымъ сборомъ, равная сумма (474 р. 24 к.) стала отпускаться на содержаніе почтарей изъ сборныхъ денегъ Петербургской Почтовой Конторы за пересылку купеческихъ писемъ, по ассигнаціямъ Штатсъ-Конторы на имя Ямской Канцеляріи [2]).

О безплатной пересылкѣ по почтѣ казенной корреспонденціи впервые упоминается въ Воеводскомъ Наказѣ, изданномъ въ Январѣ 1719 г. [3]). Такая льгота была распространена на тѣ воеводскія письма, которыя отправлялись «внутрь государства». Въ этомъ же Наказѣ впервые встрѣчается воспрещеніе прилагать подъ казеннымъ конвертомъ воеводы другія чьи-либо письма. Воевода долженъ былъ сдавать свою служебную корреспонденцію на почтовый дворъ по особой данной ему отъ почтоваго начальства книгѣ, въ которой предварительно и записывались его письма.

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 2.

[2]) П. С. З. № 4800.

[3]) П. С. З. № 3294.

Приведенными тремя положеніями Воеводскаго Наказа былъ намѣченъ въ общихъ чертахъ порядокъ пересылки по почтѣ казенной корреспонденціи, сохранившійся до настоящаго времени.

Когда для учрежденныхъ затѣмъ коллегій былъ изданъ Генеральный Регламентъ 28 Февраля 1720 г., въ немъ было воспроизведено, между прочимъ, и постановленіе Воеводскаго Наказа о безплатной пересылкѣ по почтѣ казенной корреспонденціи внутри государства. «Всѣ пакеты и письма», было сказано въ XV главѣ этого Регламента («о увольненіи почтоваго платежа»): «которые изъ коллегій въ провинціи за Его Царскаго Величества опредѣленною печатью, такожъ и изъ провинцій за губернаторскою или воеводскою печатьми въ коллегіи (*кромѣ иностранныхъ государствъ*) отправляются на почтѣ, имѣютъ *на генеральномъ и на всѣхъ другихъ почтовыхъ дворахъ* приняты и сохранно въ надлежащія мѣста отправлены быть *безденежно*» [1]).

На «нѣмецкой» почтѣ настоящее постановленіе Регламента 28 Февраля 1720 г., повидимому, не исполнялось. Какъ видно изъ счетовъ Почтмейстера Краусса, иностранная корреспонденція не только царской фамиліи, Меншикова, Голицына и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, но также Сената и нѣкоторыхъ коллегій принималась Петербургскою Почтовою Конторою безплатно, при чемъ причитавшіеся за нее Мемельскому Почтамту почтовые сборы постоянно показывались недоимкою въ рубрикѣ счетовъ подъ названіемъ «auszenstehende Schulden» [2]). Такое нарушеніе

---

[1]) П. С. З. № 3534.

[2]) Первоначально такіе сборы платились «нѣмецкимъ» почтовымъ конторамъ. Это видно изъ дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 25 Января 1716 г. (по каталогу Левинскаго и Токмакова № 180): «какъ изъ Его Царскаго Величества Кабинета», читаемъ мы здѣсь, «такъ и изъ Государственной Посольской Канцеляріи за посылаемыя письма изъ Его Величества казны портъ почтмейстерамъ по счетамъ ихъ исправно по указу платится». Въ томъ же дѣлѣ сохранилось объявленіе Почтоваго Правленія отъ 25 Января 1716 г., которымъ было подтверждено, что «впредь никакія письма, *отъ кого бъ оныя ни были*, а наипаче такія, которыя въ *чужія государства* отпускаются или оттуда сюда приходятъ, на почтѣ приняты не будутъ, развѣ что за нихъ надлежащій портъ въ то же время заплаченъ будетъ».

На практикѣ, по донесенію Шафирова Сенату объ устройствѣ заграничной почты отъ 21 Мая 1719 г., установился затѣмъ слѣдующій порядокъ оплаты казенной корреспонденціи, пересылавшейся черезъ «нѣмецкія» почтовыя конторы: «съ писемъ, посылаемыхъ о Его Царскаго Величества дѣлѣхъ въ чужестранныя государства, выдавались почтовыя деньги только на платежъ чужестраннымъ почтмейстерамъ, до котораго мѣста поскольку надлежало по присылавшимся ихъ къ Директору Почтовому счетамъ, а внутрь государства съ такихъ писемъ, о дѣлѣхъ Его Величества посылаемыхъ, ни изъ которой канцеляріи и ни изъ губерній ничего не бралось».—Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Дѣла Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г.г., по каталогу Архива № 1065.

Генеральнаго Регламента въ Январѣ мѣсяцѣ 1723 г. вызвало даже представленіе со стороны Почтмейстера Краусса, въ которомъ онъ просилъ «о крѣпкомъ указѣ требованія, дабы впредь отъ всѣхъ канцелярій и приказовъ за всякія яко съ сихъ и *чужестранныхъ* писемъ почтовыя деньги платили бъ, ибо чрезъ тое великій убытокъ, понеже въ такіе пакеты влагаютъ и посторонія письма, но и сверхъ того разсуждать, что все то, что изъ иной казны заплачено будетъ, и тако-жъ въ казну Его Императорскаго Величества въ почтовую соберется, но нынѣ принужденъ я всякія письма подъ назначеніемъ, будто они о дѣлахъ Его Императорскаго Величества, принимать, но не въ моей силѣ состоитъ оные пакеты распечатывать и смотрѣть, нѣтъ ли какихъ посторонныхъ, и того для, ежели впредь что сыщется, дабы я отъ отвѣтствія сохраненъ былъ» [1]). По представленію Краусса, надо полагать, и состоялся въ Декабрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1724 г. указъ изъ Ямской Канцеляріи, окончательно установившій порядокъ оплаты казенной корреспонденціи. Указомъ этимъ велѣно было «впредь для посылки внутрь и въ чужестранныя государства на почту до указа принимать и отправлять безъ платежа внутренняго и чужестраннаго порта только изъ Правительствующаго Сената, изъ Коллегіи Иностранной и изъ Кабинета Его Величества и то за государственными обыкновенными тѣхъ правленій печатьми, а *изъ* прочихъ *коллегій по силѣ* Его Императорскаго Величества *указа, напечатаннаго въ Регламентѣ въ 15 главѣ, указы и письма безъ платежа вѣсовыхъ денегъ принимать* только *тѣ, которые будутъ присылаться о государственныхъ дѣлахъ внутрь государства за учрежденными тѣхъ коллегій печатьми*, и тѣ указы и всякія письма записывать въ особливую книгу съ означеніемъ внутренняго и чужестраннаго порта, а въ чужестранныя государства безъ платежа чужестраннаго порта, также и внутрь государства никакихъ партикулярныхъ писемъ, которыя не будутъ запечатаны государственными учрежденными въ коллегіяхъ печатьми, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ на почты отнюдь не принимать» [2]).

Что касается ямской почты, то въ Петербургскомъ Ямскомъ Приказѣ первоначально даже и не знали о существованіи почтовыхъ постановленій Воеводскаго Наказа 1719 г. и Генеральнаго Регламента 1720 г.

---

[1]) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

[2]) Рукопись Императорской Публичной Библіотеки 1807 г. «О почтѣ» (F. IV. № 648).

Когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1720 г. въ Приказъ этотъ были присланы изъ Сената указы о ямскихъ сборахъ для разсылки ихъ по Петербургской губерніи, то князь Щербатовъ «тѣхъ указовъ для посылки принять не велѣлъ, а сказалъ, дабы о безплатной посылкѣ въ пакетахъ запечатанныхъ въ провинціи чрезъ почту указовъ прислать въ Ямской Приказъ изъ Сената повелительный указъ или бъ присыланы были прогонныя деньги по указу». Принесшій указъ Сенатскій подъячій Тухариновъ сталъ ссылаться тогда на Воеводскую Инструкцію и Генеральный Регламентъ. Щербатовъ возразилъ, «что регламенту и инструкціи ему изъ Сената не дано и о посылкѣ указовъ по провинціямъ безъ платежа прогоновъ указу онъ не видалъ». Такое курьезное объясненіе Сенатскаго подъячаго и начальника Ямскаго Приказа кончилось тѣмъ, что Сенатъ предписалъ Щербатову разослать указы безплатно и отправилъ ему при особомъ указѣ печатный Регламентъ, за который и взыскалъ 16 алтынъ 4 деньги [1]).

Вслѣдъ затѣмъ Сенатъ измѣнилъ, однако, свой взглядъ на пересылку казенной корреспонденціи по ямской почтѣ.

Со времени установленія хода ординарной почты (25 Ноября 1720 г.) казенную корреспонденцію опредѣлено было принимать на эту почту безплатно въ продолженіи 2 мѣсяцевъ для того, чтобы по сравненію дохода, могущаго получиться съ общаго ея вѣса, съ расходомъ на возку почты можно было назначить затѣмъ точную плату за ея пересылку. По Февраль мѣсяцъ 1721 г. изъ Петербурга было отправлено въ Москву 19 почтъ, а изъ Москвы въ Петербургъ—18, за которыя почтарямъ приходилось заплатить прогонныхъ денегъ 168 р. 24 алтына, переслано же было съ этими почтами изъ Петербурга пакетовъ 12 пудовъ 32 фунта $86^1/_2$ золотниковъ, за которые причиталось получить, считая отъ Петербурга до Москвы по полушкѣ съ золотника, 123 р. 3 алтына $1^1/_4$ деньги [2]).

Несмотря на то, что при подобной таксѣ ординарная почта могла ежегодно давать убытокъ, Правительствующій Сенатъ, указомъ 24 Апрѣля 1721 г., опредѣлилъ не только заплатить Ямскому Приказу за прежде посланные казенные пакеты 123 р. 3 алтына и 1 деньгу, но и «впредь которые посылаться будутъ изъ коллегій и канцелярій указы жъ съ тѣхъ платить въ Ямской Приказъ *по полушкѣ съ золотника*, а безъ денегъ никакихъ указовъ не принимать» [3]). По этому новому Се-

---

[1]) П. С. З. № 3544.

[2]) Московскій Архивъ Мин. Юстиціи.—Дѣла Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г.г., по каталогу Архива № 1065.

[3]) П. С. З. № 3775.

Труды Высочайше учрежденной коммиссіи для опредѣленія способа оплаты за пересылку по почтѣ казенной корреспонденціи. СПБ. 1870 г., стр. 12—16.

натскому указу каждое правительственное учрежденіе должно было платить за свою служебную корреспонденцію изъ собственныхъ суммъ, за исключеніемъ Сената, за корреспонденцію котораго платила по мѣсячнымъ счетамъ Ямскаго Приказа Штатсъ-Конторъ-Коллегія, такъ какъ, было сказано въ указѣ, «въ Сенатѣ никакихъ денежныхъ сборовъ нѣтъ». Установленный Сенатомъ порядокъ оплаты казенной корреспонденціи, посылавшейся черезъ Ямской Приказъ, былъ основанъ на изданномъ, при учрежденіи ординарной ямской почты, Именномъ указѣ 24 Мая 1720 года о томъ, чтобы «съ указовъ и (казенныхъ) писемъ имать съ вѣсу до Москвы съ золотника по полуденьгѣ, такожъ и отъ Москвы до другихъ городовъ, до которыхъ опредѣлена будетъ почта, разчисляя противъ того жъ, по разстоянію пути» [1]). Послѣдній пунктъ Высочайшаго повелѣнія 24 Мая 1720 г. былъ разъясненъ Почтмейстерскою Инструкціею того же года слѣдующимъ образомъ: «понеже повелѣно до другихъ городовъ, которые далѣе Москвы, вѣсовыя деньги имать противъ того-жъ, разчисляя по разстоянію пути, а оныя разчисленія на небольшія разстоянія, напримѣръ: далѣе Москвы верстъ на 50 или на 100, дѣлать невозможно, того ради оныя вѣсовыя деньги въ С.-Петербургѣ писать на счетъ, а на Москвѣ и въ городахъ имать на каждыя 735 верстъ, сколько числится до Москвы, по полушкѣ съ золотника, а, ежели хотя 10 верстъ далѣе 735 верстъ, то имать по другой полушкѣ съ золотника» [2]).

Находя такую плату недостаточною, Ямской Приказъ просилъ объ увеличеніи ея за пересылку казенной корреспонденціи между Петербургомъ и Москвою до одной копѣйки съ золотника, но Сенатъ, указомъ 24 Апрѣля 1721 г., предписалъ сохранить прежнюю таксу [3]). Ходатайство Ямскаго Приказа объ увеличеніи платы, несомнѣнно, было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что сборъ за казенную корреспонденцію не покрывалъ издержекъ на возку ямской почты (см. выше), такъ какъ черезъ два мѣсяца послѣдовало распоряженіе Сената объ отправленіи ординарной почты между Петербургомъ и Москвою, вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю, по одному.

Казенная корреспонденція, пересылавшаяся по ямской почтѣ, была окончательно освобождена отъ оплаты вѣсовымъ сборомъ Сенатскимъ

---

[1]) П. С. З. № 3591.
[2]) П. С. З. № 3691.
[3]) П. С. З. № 3775.

указомъ 5 Ноября 1725 г. [1]). Вслѣдъ затѣмъ Сенатскимъ же указомъ 17 Декабря [2]) была упразднена и самая ямская ординарная почта, при чемъ казенная корреспонденція между Петербургомъ и Москвою стала пересылаться вмѣстѣ съ купеческою [3]).

Сенатскимъ указомъ 5 Ноября 1725 г., окончательно отмѣнившимъ оплату казенной корреспонденціи, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые опредѣлено взысканіе за пересылку частныхъ писемъ въ казенныхъ пакетахъ: «а ежели», сказано въ этомъ указѣ, «въ которыхъ пакетахъ между государственными явятся партикулярныя письма, и за оныя брать деньги противъ того, почему берется съ тѣхъ партикулярныхъ писемъ на нѣмецкой почтѣ». [4]) Денежный-же штрафъ за отправленіе частной корреспонденціи подъ казенною печатью (въ размѣрѣ 5 рублей съ золотника письма) встрѣчается лишь при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ Сенатскомъ указѣ 26 Января 1736 г. [5]).

Необходимо замѣтить, что въ царствованіе Петра Великаго былъ впервые установленъ порядокъ пересылки секретной казенной корреспонденціи, а именно Сенатскимъ указомъ 5 Марта 1724 г. предписано было «изъ коллегій и канцелярій, губерній и провинцій доношенія и прочія письма, въ которыхъ писать случится о какихъ секретныхъ дѣлахъ, по-

---

[1]) П. С. З. № 4800.

Предположеніе объ освобожденіи казенной корреспонденціи отъ оплаты вѣсовымъ сборомъ было высказано еще ранѣе—въ Инструкціи Генералъ-Почтдиректору 1723 г. объ учрежденіи въ Россіи «фурманной» (тяжелой) почты для совмѣстной перевозки корреспонденціи всякаго рода и пассажировъ. Съ учрежденіемъ этой почты существовавшій тогда сборъ за пересылку казенной корреспонденціи по ямской ординарной почтѣ проектировано было, по словамъ Инструкціи, «отставить, для того что оный сборъ весьма невеликъ и тотъ платежъ идетъ изъ казны жъ Е. И. В., къ тому жъ отъ того платежа во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ произведеніемъ оныхъ денегъ расходомъ имѣется немалое затрудненіе».—Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Дѣла Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1723—1726 г.г., по каталогу Архива № 1066.

[2]) П. С. З. № 4814.

[3]) Такой порядокъ совмѣстной пересылки казенной и всей частной корреспонденціи между столицами продолжался, однако, очень недолго: Именнымъ указомъ 25 Мая 1727 г. ямская ординарная почта была возстановлена снова.—Архивъ Морскаго Министерства, дѣло Вице-Адмирала Змаевича 1727 г. № 28.

[4]) Одинъ изъ случаевъ практическаго примѣненія этого указа описанъ въ дѣлѣ Адмиралтействъ Коллегіи 1728 г. № 1. 29 Марта 1728 г. при распечатаніи въ Коллегіи казеннаго пакета, присланнаго изъ Амстердама отъ агента и коммерціи совѣтника Фондербурга, въ пакетѣ этомъ было найдено частное письмо на имя капитана Фалкенберга. Письмо было отослано въ Кронштадтъ къ адмиралу Гордону для выдачи адресату и для взысканія съ него «половины порта тридцати трехъ копѣекъ».

[5]) П. С. З. № 6871.

сылать за печатьми *въ пакетахъ, на которыхъ подписывать* именно, *что оные о секретныхъ дѣлахъ»* [1]).

Главное и первоначально исключительное предназначеніе ямской ординарной почты состояло въ пересылкѣ казенной корреспонденціи. 21 Октября 1720 г., согласно инструкціи, составленной въ Ямскомъ Приказѣ, къ пріему на эту почту были допущены также и частныя «всякихъ чиновъ людей» письма, за исключеніемъ купеческихъ, отправлявшихся тогда между Петербургомъ и Москвою по нѣмецкой почтѣ. Частныя письма, посылавшіяся по ямской почтѣ, въ отличіе отъ купеческихъ, получили въ литературѣ названіе «дворянскихъ» [2]). Подобно казеннымъ пакетамъ, они записывались при подачѣ на ямскую почту въ особыя книги съ обозначеніемъ взысканныхъ за нихъ сборовъ. Такса за пересылку ихъ была установлена для всѣхъ городовъ въ размѣрѣ одной деньги съ золотника за каждыя 100 верстъ разстоянія [3]). Отъ Петербурга до Москвы она составляла 4 копѣйки съ золотника. Несмотря на столь незначительную сравнительно плату, частныхъ писемъ по ямской почтѣ посылалось очень мало. При томъ-же Петербургско-Московская такса ямской почты была несоразмѣрна съ соотвѣтственною таксою купеческой или нѣмецкой почты, по которой отъ Петербурга до Москвы бралось 10 копѣекъ, до Вологды—15 коп. и до Архангельска—20 коп. съ золотника. Невыгодность и неравномѣрность таксъ ямской и купеческой почтъ побудили Ямскую Канцелярію войти съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ о томъ, «чтобъ какъ съ купецкихъ, такъ и съ партикулярныхъ писемъ платежъ облегчить и положить равно, понеже на купеческой почтѣ платежъ положенъ высокъ, чего для партикулярныя письма всякихъ чиновъ люди также и купцы принуждены *посылать съ ѣздоками и другіе многіе способы искать»* [4]). По этому представленію Ямской Канцеляріи Сенатъ, указомъ 17 Декабря 1725 г., назначилъ одну общую для всей частной корреспонденціи почтовую таксу, составившую отъ Петербурга до Москвы 2 коп., до Вологды—3 коп. и до Архангельска—4 коп. съ золотника вѣса каждаго письма какъ купеческаго, такъ и «всякихъ чиновъ людей», при чемъ совмѣстно съ

---

1) П. С. З. № 4481.

2) *Канивецъ.* Русская государственная почта.—Вѣстникъ Европы 1869 г., Ноябрь, стр. 290.

3) П. С. З. № 6987.

4) Неопубликованная первая часть Сенатскаго указа 17 Декабря 1725 г. (П. С. З. № 4814) въ дѣлѣ Вице-Адмирала Змаевича 1725—1726 г.г. № 38 (Архивъ Морскаго Министерства).

частною корреспонденціею предписалъ посылать и казенную по одной и той-же почтѣ (см. выше).

Что касается отвѣтственности почтоваго вѣдомства за цѣлость и сохранность пересылавшейся корреспонденціи, то по этому вопросу не содержится никакихъ точныхъ указаній ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, ни въ другихъ сохранившихся источникахъ. Въ XVII вѣкѣ русское законодательство ограничивалось изданіемъ только такихъ постановленій, которыя имѣли въ виду *предупрежденіе* возможныхъ случаевъ утраты почтовой корреспонденціи: такъ, напр., ямщикамъ предписывалось пріѣзжать съ почтовыми сумками на дворъ и объявлять эти сумки въ цѣлости за печатью [1]), возить почтовыя письма отъ города до города самимъ, наймитовъ и ребятъ за себя не посылать и на дорогѣ почтами не мѣняться, «чтобы тѣмъ почтовымъ письмамъ не было мотчанія и пропажи» [2]); почтарямъ приказывалось «съ великимъ подкрѣпленіемъ» письма возить бережно въ мѣшкахъ подъ пазухой, чтобъ отъ дождя не измочить и дорогою пьянствомъ не потерять [3]) и т. п.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ указывалось, какія мѣры должны быть принимаемы почтовымъ начальствомъ для *розысканія* утраченной корреспонденціи. Подобнаго рода постановленія содержатся, между прочимъ, въ договорныхъ статьяхъ между Почтмейстерами Московскимъ Виніусомъ и Виленскимъ Бисингомъ объ учрежденіи еженедѣльной почты отъ Москвы до Вильно и обратно [4]) и въ Именномъ указѣ 8 Іюня 1693 г. объ учрежденіи почты отъ Москвы до Архангельска [5]).

Такимъ образомъ, первоначально обязанности почтоваго вѣдомства заключались лишь въ предупрежденіи случаевъ утраты корреспонденціи и въ розысканіи утраченнаго, но не въ вознагражденіи пострадавшихъ корреспондентовъ: почтовое вѣдомство принимало на себя пересылку корреспонденціи, но не отвѣчало за ея цѣлость и сохранность въ пути.

Подобный-же принципъ сохранился въ русскомъ законодательствѣ и въ царствованіе Петра Великаго.

Всѣ нововведенія этого царствованія сводились лишь къ болѣе детальной разработкѣ *предупредительныхъ мѣръ*: требовалось, чтобы

---

[1]) П. С. З. № 1402.
[2]) П. С. З. № 1408.
[3]) П. С. З. № 1470.
[4]) П. С. З. № 1402.
[5]) П. С. З. № 1470.

посылаемая корреспонденція «нигдѣ на учрежденныхъ почтахъ удержана и утрачена не была», возилась-бы «со всякимъ опасеніемъ и осторожностію» [1]), чтобы письма и пакеты принимались и выдавались съ росписками [2]), пересылались съ реестрами [3]) и т. д.

При Петрѣ Великомъ, кромѣ того, была установлена *личная* отвѣтственность почтовыхъ чиновниковъ за утрату корреспонденціи, именно въ гл. XXXVI Устава Воинскаго 1716 г. было сказано, что полевой почтмейстеръ «долженъ отвѣтъ дать, ежели какая утрата и небреженіе произойдетъ» [4]). Какимъ наказаніямъ подвергались почтмейстера и почтари за утрату корреспонденціи, мы видѣли уже выше. Точно также мы привели одинъ случай, когда на Почтмейстера (въ Ревелѣ) была возложена обязанность возмѣстить *изъ своихъ средствъ* убытки, понесенные корреспондентами отъ похищенія и уничтоженія ихъ писемъ. Тѣмъ не менѣе, объ уплатѣ *почтовымъ вѣдомствомъ изъ казны* какого-либо вознагражденія пострадавшимъ корреспондентамъ за все царствованіе Петра Великаго, насколько возможно судить по сохранившимся архивнымъ дѣламъ о почтахъ того времени, не возбуждалось даже и вопроса.

---

1) П. С. З. № 4367.
2) П. С. З. №№ 4263 и 3691.
3) П. С. З. № 4367.
4) П. С. З. № 3006.

Образованіе въ С.-Петербургѣ центральнаго ямскаго и почтоваго управленія.

Съ перенесеніемъ въ Петербургъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, въ новой столицѣ сосредоточилось также и высшее управленіе ямами и почтами государства.

Въ началѣ XVIII столѣтія, какъ мы видѣли выше, Московскіе ямы находились въ завѣдываніи Ямскаго Приказа. По окладной книгѣ 1701 г. Приказъ этотъ содержалъ ямы въ 36 городахъ болѣе или менѣе центральныхъ мѣстностей Россіи; ямщики-же всѣхъ окраинныхъ мѣстностей съ давняго времени содержались изъ средствъ областныхъ приказовъ—Новгородскаго, Смоленскаго, Сибирскаго, Разряднаго [1]). Новгородскій Приказъ, подъячими котораго было устроено первое почтовое сообщеніе съ Петербургомъ посредствомъ новгородскихъ ямщиковъ и ладожскихъ казаковъ, въ началѣ XVIII столѣтія собиралъ ямскія деньги съ Новгорода, пригородовъ и уѣздовъ по 3.464 руб. 2 алтына 5 денегъ въ годъ и выдавалъ изъ нихъ жалованье ямщикамъ по 25 руб. на выть, всего же на 121 выть шести ямовъ 3.025 руб. [2]).

Основаніе Петербурга застало прежній приказный строй уже въ періодѣ его упадка и разрушенія. Компетенція Московскаго Ямскаго Приказа постепенно съуживалась, пока, наконецъ, по указу Сената 25 Апрѣля 1711 г.—«Ямскому Приказу не быть, а быть вмѣсто приказа одному ямскихъ дѣлъ столу подъ вѣдѣніемъ Московской губерніи управителя» [3]), не дошла до предѣловъ губернскаго вѣдомства. Съ паденіемъ

---

[1]) *Милюковъ.* Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. СПБ. 1892 г., стр. 424.

[2]) Дѣло Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 18 Мая 1702 г., по каталогу Левинскаго и Токмакова № 89.

[3]) П. С. З. № 2353.

Какъ видно изъ доклада къ Сенатскому приговору 17 Іюня 1714 г., помѣщеніе стараго Ямскаго Приказа въ Москвѣ было отведено для фискальныхъ дѣлъ.—Доклады и приговоры, томъ IV, кн. 1, стр. 524.

Впослѣдствіи ямской столъ Московской Губернской Канцеляріи былъ преобразованъ въ Московскую Ямскую Контору.

Московскихъ центральныхъ учрежденій все областное управленіе сосредоточилось въ губернскихъ центрахъ, въ кассы которыхъ начали поступать всѣ сборы и подати, вмѣсто прежнихъ приказовъ. Въ вѣдѣніе губернаторовъ и губернскихъ канцелярій, въ числѣ прочихъ отраслей мѣстнаго управленія, поступили также ямы и почты. Процессъ сформированія губернскихъ центровъ, подъ верховнымъ управленіемъ Сената, продолжался приблизительно до 1718 г. Въ это время ямскою и почтовою частію въ Петербургской губерніи управляли Сенатъ и Петербургскій Губернаторъ князь Меншиковъ съ подвѣдомственною ему губернскою канцеляріею. Князь Меншиковъ устроилъ первыя Петербургскія курьерскія почты (въ 1707 г.), выписывалъ въ Петербургскую губернію ямщиковъ, надѣлялъ ихъ землею, управлялъ ими, выдавалъ подорожныя на ямскихъ и почтовыхъ лошадей и т. п. и, наконецъ, организовалъ первую «нѣмецкую» почту отъ Петербурга до Риги, при чемъ утвердилъ даже ея письменную таксу [1]).

Къ барону Шафирову, завѣдывавшему ранѣе Московскими заморскими почтами, Петербургскія «нѣмецкія» почты перешли въ 1715 г.

Вскорѣ затѣмъ въ новой столицѣ началась реставрація прежнихъ центральныхъ учрежденій, образованныхъ теперь уже по шведскому образцу и наименованныхъ коллегіями и канцеляріями. Такая общая реформа, начавшаяся съ 1718 г., не могла не отразиться и на устройствѣ ямскаго и почтоваго управленія. Когда отъ Шафирова были потребованы Сенатомъ свѣдѣнія объ устройствѣ «нѣмецкихъ» почтъ для учрежденія государственной ординарной почты, центральное управленіе всѣми ямами и почтами государства предполагалось, повидимому, сосредоточить въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Предположеніе это подтверждается цѣлымъ рядомъ Сенатскихъ указовъ 1719 г.: прежде всего Наказомъ 1719 г. воеводамъ воспрещено было вмѣшиваться въ почтовыя дѣла, «*понеже оныя зависятъ отъ одной чужестранныхъ дѣлъ коллегіи*. . . . . а что покажется ему въ томъ неспособное, о томъ съ разсужденіемъ своимъ обстоятельныхъ корреспонденцій имѣть съ надлежащею коллегіею» [2]);

---

[1]) О существованіи въ Петербургѣ особой Ямской Канцеляріи упоминается еще въ Именномъ указѣ 28 Февраля 1704 г. (П. С. З. № 1971). Если принять во вниманіе, что кн. Меншиковъ былъ *губернаторомъ* новозавоеванныхъ отъ Швеціи земель уже въ 1703 г. (*Неволинъ*. Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго. Полн. Собр. Соч., т. VI, стр. 240), то обособленіе подъ его вѣдѣніемъ Петербургскаго ямскаго управленія съ первыхъ же лѣтъ существованія Петербурга дѣлается понятнымъ само собою.

О расходахъ на содержаніе Петербургскихъ ямовъ и объ участіи Петербургской Губернской Канцеляріи въ устройствѣ «нѣмецкой» почты нами сказано уже выше.

[2]) П. С. З. № 3294.

затѣмъ Сенатскимъ указомъ 8 Іюля 1719 г. опредѣлено было «курьерамъ и иныхъ чиновъ людямъ на ямскія и почтовыя подводы подорожныя давать изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, *понеже какъ въ иностранныя, такъ и внутрь россійскаго государства почта содержится въ той коллегіи»* [1]); Сенатскимъ указомъ 29 Іюля 1719 г. предписано было Выборгскую почту вѣдать въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, *«гдѣ опредѣлено быть генеральной почтѣ»* [2]); Сенатскимъ указомъ 12 Августа 1719 г. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшено было выдавать подорожныя на ямскія подводы также и частнымъ лицамъ за двойные прогоны, «а *о ямахъ и о почтовыхъ станахъ*, гдѣ какіе обрѣтаются, какое въ Сенатѣ есть извѣстіе, *сообщить* при указѣ *въ ту коллегію вѣдомость, а за печатныя подорожныя и за лошади въ С.-Петербургской губерніи деньги* по какому указу и на какіе расходы иманы и *куда въ расходъ употреблены, справиться съ С.-Петербургскою губерніею»* [3]); Сенатскимъ указомъ 13 Августа 1719 г. объ учрежденіи почты для пересылки казенной корреспонденціи постановлено было *«о присылкѣ почтарей для воспринимаиія указовъ посылать* письма *въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ»* [4]) и т. п. Такія распоряженія, въ связи съ присвоеніемъ барону Шафирову небывалаго до того времени званія Генералъ-Почтдиректора [5]), несомнѣнно, указываютъ на начавшуюся уже тогда централизацію почтоваго и ямскаго управленія въ Петербургѣ.

Предположеніе о сліяніи почтоваго управленія съ ямскимъ въ одномъ учрежденіи, однако, вскорѣ же было оставлено, такъ какъ 11 Декабря 1719 г. былъ возстановленъ въ Петербургѣ особый Ямской Приказъ подъ управленіемъ князя Юрія Ѳедоровича Щербатова [6]). Сенатскимъ указомъ 16 Января 1720 г. опредѣлено было «во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ ямскихъ приказчиковъ и ямщиковъ и почтарей всякимъ отправленіемъ, какъ Его Великаго Государя прежніе указы (которые были въ Московскомъ Ямскомъ Приказѣ) и вновь состоящіеся повелѣваютъ, вѣдать

---

[1]) П. С. З. № 3402.

[2]) П. С. З. № 3408.

[3]) П. С. З. № 3413.

[4]) П. С. З. № 3416.

[5]) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло графа Апраксина 1719 г. № 176, письмо Шафирова къ Апраксину 21 Іюня 1719 г.

Реймерсъ. St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts, часть I, стр. 76.

[6]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.—Дѣла Правительствующаго Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1719—1722 г., по каталогу Архива № 1065.

въ (Петербургскомъ) Ямскомъ Приказѣ окольничему господину князю Щербатову по прежнему и для того съ тѣхъ указовъ, гдѣ оные нынѣ обрѣтаются, сообщить къ нему копіи, а ямщикамъ наличные списки»[1]. Хотя приведеннымъ указомъ князю Щербатову и предписывалось вѣдать ямское дѣло «по прежнему», тѣмъ не менѣе Петербургскій Ямской Приказъ былъ совершенно инымъ учрежденіемъ, чѣмъ прежній Московскій начала XVIII столѣтія. Прежде всего, говоря словами Петровскаго, въ немъ долженствовало сосредоточиться ямское дѣло, до тѣхъ поръ разбросанное по губерніямъ; Московскій же Ямской Приказъ не былъ центральнымъ учрежденіемъ, а лишь мѣстнымъ Москвы и Московской губерніи. Мѣсто на канцелярію Петербургскому Ямскому Приказу было отведено между новыми коллегіями (гдѣ ранѣе была Розыскная Канцелярія). Кромѣ князя Щербатова, другимъ присутствующимъ членомъ Ямскаго Приказа былъ назначенъ въ 1720 г. подполковникъ Стремоуховъ. Дѣлопроизводство Приказа было возложено на дьяка Ивана Климонтова, подъячихъ, взятыхъ отъ губернскихъ коммисаровъ (Оловянишникова, Худояровскаго, Копцова), и тѣхъ подъячихъ, которыхъ князю Щербатову предоставлено было выписать изъ Московскаго ямскаго стола съ вѣдомостями о содержаніи ямщиковъ (Кучумова, Боброва); кромѣ того, въ Приказѣ находились 1 сержантъ, 14 отставныхъ солдатъ для караула, 3 драгуна для посылокъ и два сторожа. На хозяйственные («избные») расходы Ямскому Приказу было отпущено въ 1720 г. 200 руб. изъ суммъ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи. Такимъ образомъ, Петербургскій Ямской Приказъ, подобно коллегіямъ, сдѣлался центральнымъ учрежденіемъ для всего государства. Другое отличіе его отъ Московскаго Ямскаго Приказа заключалось въ предметахъ вѣдѣнія обоихъ приказовъ. Московскій Ямской Приказъ не только управлялъ ямами, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовымъ учрежденіемъ, такъ какъ собиралъ ямскія деньги и выдавалъ прогоны царскимъ гонцамъ и служилымъ людямъ. Петербургскій же Ямской Приказъ вѣдалъ одну только административную часть ямскаго дѣла: ямскіе сборы отошли отъ него къ Сенату и Камеръ-Коллегіи, а прогоны выдавались обыкновенно Штатсъ-Конторою.

Наряду съ Ямскимъ Приказомъ въ Петербургѣ образовалось, какъ уже сказано, съ 1715 г. другое центральное почтовое управленіе—Генеральная почта (Генеральный Почтамтъ) или, по выраженію того времени, Генеральный Почтовый Дворъ подъ начальствомъ Генералъ-Почтди-

[1]) П. С. З. № 3488.

ректора Шафирова, должность котораго табелью о рангахъ 24 Января 1722 г. была отнесена къ V классу. Управленіе это вѣдало исключительно «нѣмецкими» почтами и «нѣмецкими» почтовыми конторами. Первоначально оно сосредоточивалось въ лицѣ Шафирова и иноземца Ивана Юрьева [1]). Затѣмъ при Шафировѣ состояла особая канцелярія по дѣламъ почтоваго управленія, во главѣ которой находился секретарь Кенигъ, получавшій жалованья по 300 руб. въ годъ [2]).

29 Апрѣля 1722 г. послѣдовалъ указъ Петра Великаго господамъ Сенату, которымъ повелѣно было «дѣло Генерала-Почтъ-Директора вѣдать до указу и учреждать Алексѣю Дашкову» [3]). Новый Генералъ-Почтдиректоръ, по данной ему 13 Августа того же года Инструкціи, долженъ былъ вѣдать какъ «Ямской Приказъ со служителями и во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ ямскихъ приказчиковъ и ямщиковъ и почтарей всякимъ отправленіемъ», такъ и «иностранный и купеческій почтамтъ, который ему поручено было содержать по тому жъ и со временемъ учредить противъ другихъ государствъ» [4]). Такимъ образомъ, въ лицѣ новаго Генералъ-Почтдиректора объединились впервые, подъ высшимъ надзоромъ Сената, два центральныя управленія—ямское и почтовое. Объединеніе это предполагалось распространить и на самыя почты—ординарную ямскую и купеческую иностранную, какъ видно изъ постановленія Инструкціи объ отправленіи Генералъ-Почтдиректоромъ изъ Петербурга во всѣ главные города верховой почты, «дабы чрезъ оную *какъ государственныя дѣла и корреспонденцію, такъ и коммерціи ис-*

---

1) *Смирновъ*, назв. соч., статья вторая, стр. 20. *Хрущовъ*, назв. соч., стр. 41.

2) Слѣдственное дѣло о почтмейстерѣ Крауссѣ 1723 г., по Архиву Московскаго Почтамта № 2.

3) Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ XI, стр. 470.

Мы пропускаемъ здѣсь извѣстное дѣло Шафирова, окончившееся осужденіемъ его и ссылкой, такъ какъ оно подробно изложено по документамъ Архива б. Почтоваго Департамента *Хрущовымъ* (назв. соч., стр. 49—54) и *Соловьевымъ* (Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 145—155), къ сочиненіямъ которыхъ мы и отсылаемъ читателя.

4) П. С. З. № 4073. Это постановленіе Генералъ-Почтдиректорской Инструкціи было заимствовано изъ Сенатскаго указа 19 Мая 1722 г., въ которомъ оно было изложено слѣдующимъ образомъ: «Ямской Приказъ со служительми и во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ ямскихъ приказчиковъ и ямщиковъ и почты какъ внутреннія, такъ и иноземческую и купецкую, всякимъ отправленіемъ, какъ Его Величества указы повелѣваютъ, вѣдать и учреждать и со оныхъ допмочные сборы сбирать и, гдѣ такія остаточныя деньги нынѣ на лицо обрѣтаются, принять и о всѣхъ какъ о пріемныхъ, такъ и впредь о собираемыхъ помѣсячно въ Сенатъ репортовать».—Дѣло Генеральнаго Почтамта 1722 г., по Архиву Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ № 1.

правлять» [1]). Въ остальныхъ своихъ частяхъ Инструкція Генералъ-Почтдиректору, какъ основательно замѣтилъ еще Хрущовъ [2]), представляла собою сводъ важнѣйшихъ указовъ о ямской гоньбѣ и почтѣ, изданныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, а именно: о подорожныхъ, о прогонахъ, объ ординарной почтѣ, о курьерахъ, объ отпускѣ ямскихъ подводъ подъ припасы, денежную казну и рекрутъ и проч. «А о прочемъ о всемъ», сказано было въ заключительныхъ словахъ Инструкціи: «поступать ему Генералу Почтъ-Директору по Его Императорскаго Величества указамъ и инструкціямъ, что до чину и отправленія касается, во всемъ неотмѣнно, какъ доброму и честному офицеру надлежитъ».

Подчиненный Дашкову Ямской Приказъ 8 Іюля 1723 г. былъ переименованъ въ Ямскую Канцелярію [3]). Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ и впослѣдствіи въ продолженіи всего XVIII столѣтія.

---

[1]) Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи сохранилась особая Инструкція Генералъ-Почтдиректору 1723 г. «объ учрежденіи по дорогамъ до знатныхъ провинцій и городовъ, а особливо до тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣются коммерціи и великіе проѣзды и провозы государственныхъ и партикулярныхъ припасовъ, регулярныхъ верховыхъ и фурманныхъ почтъ». На основаніи этой Инструкціи предполагалось выстроить по Петербургско-Московской дорогѣ трактиры съ 3 хорошими свѣтлицами, кухнею, погребомъ, конюшнею на 10 лошадей и сараемъ, при чемъ устройство и содержаніе такихъ трактировъ сдать съ торговъ частнымъ лицамъ съ предоставленіемъ имъ различныхъ привилегій (напр., безпошлинной торговли съѣстными припасами, свободы отъ постоя и т. п.). Хозяева трактировъ вмѣстѣ съ тѣмъ должны были быть и почтсодержателями: въ такомъ случаѣ они обязаны были имѣть по 10 почтовыхъ лошадей (въ томъ числѣ постоянно готовыхъ 3 для курьеровъ) и перевозить на нихъ проѣзжающихъ и почты, взимая въ свою пользу съ каждаго проѣзжающаго по 1 коп. съ версты и лошади (на перспективной дорогѣ до ея переустройства по 1½ коп.). По устройствѣ почтовыхъ станцій на подобныхъ началахъ предполагалось организовать затѣмъ новую «фурманную» почту для совмѣстной перевозки пассажировъ и писемъ. Въ описаніи этой почты, сдѣланномъ въ Инструкціи, встрѣчается очень много общаго съ проектами телѣжной почты Краусса и Пестеля. Общее число колясокъ здѣсь было опредѣлено въ 10 (по 2 въ Петербургѣ, Новгородѣ, Хотиловскомъ ямѣ, Твери и Москвѣ); вѣсъ коляски съ людьми и кладью былъ ограниченъ 33 пудами; плата за провозъ пассажира была назначена въ 7 р. 35 коп. (735 верстъ разстоянія между Петербургомъ и Москвою, по 1 коп. съ версты), а клади—въ 52 коп. съ пуда; коляски имѣлось въ виду отправлять только въ теченіе 8 мѣсяцевъ въ году—съ Апрѣля по Декабрь. Въ томъ случаѣ, если бы въ какомъ-либо мѣстѣ не нашлось желающихъ взять на себя содержаніе трактира совмѣстно съ почтовыми лошадьми, послѣднихъ предполагалось содержать отдѣльно—наймомъ. Изложенный проектъ устройства трактировъ—станцій на Петербургско-Московскомъ трактѣ, какъ видно изъ приложеній къ Инструкціи, былъ почти цѣликомъ заимствованъ изъ Швеціи, гдѣ на такихъ именно условіяхъ содержались тогда гестъ-геверіи.—Дѣла Прав. Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1723—1726 г.г., по каталогу Архива № 1066.

[2]) Назв. соч., стр. 49.

[3]) Рукопись *Каразина* о почтахъ въ Россіи, хранящаяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Смирновъ, назв. соч., статья первая, стр. 29.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго Ямская Канцелярія состояла изъ Генералъ-Почтдиректора и двухъ ассесоровъ; дѣлопроизводствомъ ея завѣдывали дьяки (секретари) Нефедъ Кормилицынъ (до 1725 года) и Семенъ Черкасовъ. Дѣлопроизводствомъ же Генеральнаго Почтамта по управленію «нѣмецкими» почтовыми конторами завѣдывалъ секретарь Вольфгангъ Пестель. Кромѣ того, при Почтдиректорской Канцеляріи состояли два канцеляриста, подканцеляристъ, четыре копіиста, два сторожа и разсыльщики [1]).

Дьякъ получалъ жалованья въ треть года 79 р. 20 к., канцеляристы—денежнаго по 39 руб. 60 коп. и хлѣбомъ на 21 руб. $3^3/_4$ коп., подканцеляристъ—денежнаго 26 р. 40 к. и хлѣбомъ на 14 р. $2^1/_2$ к., копіисты—денежнаго по 9 р. 90 к. и хлѣбомъ на 7 р. $1^1/_4$ к., сторожа—по 3 р. 96 к. и, наконецъ, Почтмейстеръ Петербургскихъ ямскихъ слободъ (названный нами выше Ямскимъ Почтмейстеромъ)—денежнаго 19 р. 80 к. и хлѣбомъ на 10 руб. $51^1/_2$ коп., за вычетомъ 1% на госпиталь [2]).

По штату 22 Декабря 1724 г. на жалованье приказнымъ Почтдиректорской Канцеляріи и Петербургской Почтмейстерской Конторы было назначено 1.305 р. въ годъ, а на жалованье посылавшимся на почтовые станы и ямы прапорщику, унтеръ-офицерамъ и солдатамъ—804 руб. $88^1/_2$ коп. [3]).

Первая изъ этихъ суммъ была распредѣлена между Почтдиректорскою Канцеляріею и Петербургскою Почтмейстерскою Конторою слѣдующимъ образомъ. Годовые оклады служащихъ Почтдиректорской Канцеляріи составляли: секретаря—400 р., двухъ канцеляристовъ—по 200 руб. и четырехъ копіистовъ—по 50 руб., всего 1.000 руб., а Петербургской Почтмейстерской Конторы: секретаря—180 р., нѣмецкаго писаря—80 р. и русскаго писаря—45 р., всего 305 р. Кромѣ того, штатомъ 1724 г. было назначено Почтдиректорской Канцеляріи: на жалованье восьми разсыльщикамъ—100 р. 74 к. и двумъ сторожамъ—24 р. и на расходы—150 р., а Петербургской Почтмейстерской Конторѣ: на жалованье двумъ почталіонамъ-разносчикамъ писемъ—24 р. 69 к. и на расходы 100 р. въ годъ.

Жалованье посылавшихся на почтовые станы и ямы Петербургской

---

[1]) *Голиковъ*. Дѣянія Петра Великаго. XVIII томъ дополненій, стр. 44.

[2]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.—Дѣло Штатсъ-Конторъ-Коллегіи 1724 г. № 100, по описи 65.

[3]) П. С. З. № 4659.

дороги: прапорщика, 6 унтеръ-офицеровъ гвардіи, 2 сержантовъ, 2 каптенармусовъ и 35 разсыльщиковъ было опредѣлено по сравненію съ жалованьемъ соотвѣтствующихъ гарнизонныхъ чиновъ (всего 804 руб. 88 коп.) [1]).

Доходы Ямской Канцеляріи были крайне незначительны: такъ, напр., по государственной росписи 1724 г. остатокъ ея доходовъ отъ 1723 г. составлялъ 243 р., а сборъ 1724 г.—704 р., всего-же—947 руб.

Окладъ общихъ «почтамтскихъ» доходовъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго выразился въ суммѣ 16.261 руб. Дѣйствительное-же поступленіе ихъ, по государственной росписи 1724 г., показано: остатокъ 1723 г.—23.330 руб., а сборъ 1724 г.—42.502 р., всего—65.832 руб. [2]).

Такимъ образомъ, почтовыя реформы Петра Великаго завершились объединеніемъ какъ самыхъ почтъ—нѣмецкой купеческой и ординарной ямской по таксамъ ихъ и совмѣстной пересылкѣ, такъ и вѣдомствъ—почтоваго и ямскаго въ лицѣ Генералъ-Почтдиректора Дашкова. Получивъ въ наслѣдіе первобытную организацію ямской гоньбы Московскаго государства и содержавшуюся иноземцами на коммерческомъ основаніи «заморскую» почту, Петръ Великій преобразовалъ первую сначала въ несовершенную еще по своему устройству курьерскую почту и затѣмъ въ правильную ординарную почту, а вторую сдѣлалъ государственнымъ установленіемъ, имѣя въ виду создать впослѣдствіи изъ этихъ обѣихъ почтъ единую русскую почту, которая, отвѣчая всѣмъ требованіямъ современной почтовой техники культурныхъ европейскихъ государствъ, соотвѣтствовала бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребностямъ государственной и общественной жизни Россіи. Въ дѣлѣ почтовой реформы, конечно, невозможно было обойтись на первыхъ порахъ безъ иностранцевъ, такъ какъ

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.—Дѣло Штатсъ-Конторъ-Коллегіи № 14, по описи 104.

[2]) *Голиковъ*, назв. соч. *Милюковъ*, назв. соч.

По сохранившейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи вѣдомости Почтамта съ Іюля 1722 г. по Іюль 1723 г. почтовыхъ денегъ съ ординарной и иностранной почтъ было въ сборѣ 39.207 руб. 68 коп.; изъ того числа въ расходѣ въ конторахъ—23.058 руб. и въ остаткѣ—16.149 руб. 68 коп. При этомъ, по мнѣнію Дашкова, впредь надлежало быть въ расходѣ 22.867 руб. 99 коп., а именно: почтмейстерамъ, секретарямъ и писарямъ жалованья и на дрова и свѣчи 4.225 руб. 28 коп., почталіонамъ—430 руб. 60 коп., прогоновъ ямщикамъ за возку почтъ—2.778 руб. 11 коп., за безплатную пересылку писемъ изъ кабинета и изъ коллегій—2.812 руб. 49 коп. и ремизовъ—12.812 руб. 16½ коп.—Дѣла Правительствующаго Сената по Ямскому Приказу и Канцеляріи 1723—1726 г.г., по каталогу Архива № 1066.

западно-европейскія государства по своему гражданскому развитію значительно опередили Московское государство. Тѣмъ не менѣе намѣреніемъ Петра Великаго было замѣнить со временемъ нѣмецкій элементъ почтовыхъ конторъ русскимъ, что и выразилось, прежде всего, въ назначеніи главнымъ начальникомъ объединенныхъ вѣдомствъ—ямскаго и почтоваго—чисто русскаго человѣка Алексѣя Ивановича Дашкова. Къ сожалѣнію, преждевременная кончина помѣшала Великому Государю осуществить вполнѣ предпринятыя имъ преобразованія въ почтовомъ и ямскомъ вѣдомствахъ. Съ усиленіемъ при его преемникахъ нѣмецкаго вліянія, иностранная почта вскорѣ затѣмъ выдѣлилась снова въ особое вѣдомство подъ начальствомъ барона Остермана и оставалась въ такомъ обособленномъ видѣ до Императрицы Екатерины II, которой суждено было довести до конца почтовыя реформы Петра Великаго.

Письма и газеты при Петрѣ Великомъ.

Наше изслѣдованіе было бы неполно, если бы мы не сказали въ заключеніе нѣсколькихъ словъ о письмахъ и газетахъ временъ Петра Великаго—единственныхъ видахъ тогдашней почтовой корреспонденціи.

Въ Московскомъ государствѣ письма писали очень рѣдко и большинство избѣгало посылать ихъ по почтѣ. Русское общество второй половины XVII столѣтія отнеслось къ этому «нѣмецкому» нововведенію крайне недовѣрчиво. Даже такой выдающійся представитель его, какъ Посошковъ, не понялъ и не оцѣнилъ важнаго значенія почты для развитія культуры, промышленности и торговли государства. «Нѣмцы пожаловали», писалъ онъ: «прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ. Диражь есть сія: здѣлали почту, а что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ царствѣ ни сдѣлается, то во всѣ земли разнесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а русскіе люди нищаютъ. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а русскіе люди жилы изъ себя изрываючи. А если бы почты иноземской не было, то бъ и торгъ ровный былъ: какъ наши русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде и они о нашихъ товарѣхъ не знали-жь бы, и торгъ бы былъ безъ обиды. Мнѣ, Государь, мнитца, что лучши бъ та дира загородить накрѣпко; а крѣпче того нельзя, что почта, буде мочно, то отставить ее вовсе» [1]).

Отсюда совершенно понятно, что учрежденная въ Россіи почта, какъ говоритъ Брикнеръ, послужила скорѣе въ пользу иностранцамъ, чѣмъ русскимъ [2]).

Русскія письма XVII столѣтія отличались крайне растянутымъ и витіеватымъ слогомъ, при чемъ содержаніе ихъ переполнялось обыкно-

---

[1]) О ратн. повед., стр. 274—277.

[2]) Russisches Postwesen im 17 und 18 Jahrhundert, стр. 899.

венно ссылками на тексты Священнаго Писанія. Образцомъ такого письма—«эпистолы» можетъ служить письмо, сообщенное Бѣляевымъ редакціи Русскаго Архива и напечатанное въ этомъ журналѣ за 1864 годъ. Оно начинается слѣдующими словами: «Откуду тебѣ, господине и брате, князь Вакула Ивановичъ, имамъ восписати, не вѣмъ: малоуменъ бо есмь и Божественнаго писанія не навыченъ, обаче же и забытливъ, еще-жъ и болѣзнію одержимъ вкупѣ же и стыдомъ, дабы желаемаго не погрѣшить и въ горшая не придти. Первое-жъ, молю твое благородіе, не прогнѣвайся на мя, что дерзнулъ государю восписати: «братишка», понеже хуждьше и грѣшнѣе всѣхъ на земли человѣкъ; только по благодати Господа нашего Іисуса Христа по духу наричемся вси: «братіе»....» Далѣе рѣчь идетъ о сговорѣ дочери князя за сына автора письма. Оканчивается оно подписью: «Многогрѣшный рабъ Отца и Сына и Святаго Духа «благодать Господня» по словенски же «Ивашко» Крюковъ челомъ бьетъ».

Такимъ-же многословіемъ и такою же витіеватостію отличались надписи на письмахъ XVII вѣка. Въ азбучныхъ сборникахъ того времени, а иногда и отдѣльно, встрѣчаются надписи, дѣлавшіяся на письмахъ къ патріарху, митрополиту, архіепископу, епископу, архимандриту, игумену, игуменьѣ, отцу духовному, старцу, болярину, полковнику въ полкъ, отцу родному, матери родной, брату родному, сестрѣ родной, отъ отца къ сыну, къ посадскому человѣку, къ другу съ любовію, къ пріятелю, къ другу въ полкъ, отъ любовника къ любовницѣ, отъ мужа къ женѣ, отъ жены къ мужу, къ другу гордому и спесивому и т. п. Для примѣра приводимъ надписи на письмахъ къ болярину и къ посадскому человѣку:

къ болярину—«Государскаго благоименительства знамениту и на враги побѣдителю храброму и крѣпкимъ скипетромъ огражденному, за православную вѣру крѣпко стоятелю, оружнику изрядному, милостивому моему государю» (имя рекъ);

къ посадскому человѣку—«Живущему въ тишинѣ и въ благоденствіи и во всемъ благою добродѣтелію цвѣтущему, истинныя христіанскія вѣры насыщающемуся, государю моему» (имя рекъ) [1].

Значительно проще и короче писались въ XVII столѣтіи семейныя письма. Во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ напечатано нѣсколько такихъ писемъ, адресованныхъ на имя А. П. Безобразова. Одно изъ нихъ (отъ племянника) на-

[1]) Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1864 г., кн. 2, стр. 1—6.

чинается словами: «Государю моему дядюшкѣ Андрею Ильичу племянничишка твой Васка Семеновъ челомъ бьетъ, многолѣтно, государь, здравствуй, дядюшка, на многія лѣта и съ тетушкою съ Агафьею Васильевною и со всѣмъ своимъ праведнымъ домомъ да пожалуй, государь, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье и про тетушкино» и оканчивается: «по семъ тебѣ, государю моему, дядюшкѣ Андрею Ильичу челомъ бью»; другое (отъ знакомаго)—изложено совершенно въ такомъ-же родѣ: «Государь мой милостивый благодѣтель Андрей Ильичъ, многолѣтно здравствуй съ сожительницею своею съ государынею моею съ Агафьею Васильевною и со всѣми ближними своими и кто вамъ всякаго добра желаетъ. Челомъ бью на твоемъ Государя моего жалованьѣ, что писалъ ко мнѣ о своемъ здравіи, и впредь забытно насъ не учини, о томъ же писать прикажи почасту.... По семъ тебѣ, Государю моему, и супружницѣ твоей Агафьѣ Васильевнѣ я Васка и съ Пелагеею и съ робятки съ Васюткою и съ Алексѣйкомъ много челомъ бью и дому вашему, а настоящаго писать много, по сихъ услышишь» [1]).

Подобнымъ образомъ писались и оффиціальныя письма между служилыми людьми XVII вѣка. Такъ, думный дворянинъ Власевъ писалъ въ 1699 г. Шеину: «Милосердный государь, мой батька, Алексѣй Семеновичъ, здравствуй на многія лѣта. Извѣстно тебѣ, государь, буди» и т. д. [2]).

Старинный обычай называть начальника въ оффиціальныхъ письмахъ «отцомъ» сохранился и въ XVIII столѣтіи. Въ Архивѣ Морскаго Министерства имѣется письмо ландрихтера Кикина къ Азовскому Губернатору графу Апраксину отъ 12 Марта 1712 г., въ которомъ онъ называетъ его «Премилостивый мой отецъ и государь Ѳедоръ Матвѣевичъ» и подписывается «рабъ Вашего Сіятельства Петрушка Кикинъ».

Такими уничижительными полуименами называли себя въ письмахъ даже важнѣйшія лица того времени. Такъ, напр., князь Юрій Ромодановскій писалъ князю Вас. Голицыну, что «Юшка ему челомъ бьетъ», жена Вас. Вас. Голицына подписывалась въ письмахъ къ своему мужу— «женишка твоя Дунька много челомъ бьетъ до лица земнаго».

Петръ Великій указомъ 1701 г. повелѣлъ съ 1 Января 1702 г. людямъ всякаго званія *писаться полными именами съ прозваніями* [3]).

---

[1]) Временникъ, книга пятая 1850 г., стр. 63—64.

[2]) Архивъ Морскаго Министерства. — Дѣло Приказа Воинскаго Морскаго Флота 1698 года № 5.

[3]) П. С. З. № 1884.

Чтобы ввести въ переписку европейскіе нравы, онъ приказалъ въ 1708 году перевести съ нѣмецкаго языка книгу «Пріклады, како пишутся комплементы разные», въ которой обращеніе къ лицу на *ты* было замѣнено обращеніемъ на *вы*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій въ 1701 г. повелѣлъ *не бить челомъ* и вмѣсто *холоповъ* называться *рабами* [1]).

Первоначально въ своихъ письмахъ, относящихся къ XVII вѣку, Петръ Великій самъ придерживался прежнихъ формъ того времени. Такъ, 20 Апрѣля 1689 г. онъ писалъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ: «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка благословенія прошу, а о твоемъ здравіи слышать желаю. А у насъ молитвами твоими здорово все»; 21 Іюля 1694 г.—царю Іоанну Алексѣевичу: «Превозлюбленный мой государь, батько и братецъ, царь Іоаннъ Алексѣевичъ! Здравствуй на многія лѣта съ сожительницею своею, а моею государынею невѣстушкою и съ рожденіемъ. По премногу возблагодарствовалъ твою къ себѣ братскую милость, что пожаловалъ чрезъ письмо мое о вѣдомости своего здоровья и всего нашего дому, о чемъ яко о самомъ себѣ, вашего здоровья слышати желаю. Да вѣстно тебѣ чиню».... и т. п. Подписывалъ Петръ Великій такія письма: «недостойный Петрушка», «недостойный Petrus (или Petros)», «братъ вашъ царь Петръ здравія вашего желаю и челомъ бью».

Письма къ своимъ приближеннымъ Петръ Великій начиналъ обыкновенно словами «Min Her», «Her», «Heer», при чемъ иногда прибавлялъ къ этимъ словамъ званіе лица, къ которому обращался, или данное ему прозвище (Admiral en erst Admiraliteic — въ обращеніи къ Головину, Guverneur Archangel—къ Апраксину, Kreft—къ Кревету, heilige Vader—къ Стрѣшневу, Grotvader — къ Кикину, Kenich, Cenih—къ Ромодановскому, Мейнъ Герценкинъ—къ Меншикову и т. п.). Въ рѣдкихъ случаяхъ Петръ Великій называлъ своихъ приближенныхъ въ письмахъ по имени и отчеству (Өедоръ Матвѣевичъ—Апраксина, Борисъ Петровичъ—Шереметева) или по фамиліи («Господинъ Кикинъ», «Господинъ Соловьевъ»). Письма эти онъ подписывалъ однимъ своимъ именемъ «Piter», «Петръ», прибавляя иногда въ шутку «всегдашній рабъ пресвѣтлѣйшаго вашего величества бомбардиръ», «холопъ вашъ Kaptein» (къ Ромодановскому), «вашъ всегдашній Knecht» (къ Головину) [2]) и проч.

---

[1]) *Романовичъ — Славатинскій.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. СПБ. 1870 г., стр. 515—516.

[2]) Изъ писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго въ изданіи академика *Бычкова*, т. I.

Вмѣстѣ съ усвоеніемъ при Петрѣ Великомъ европейскихъ нравовъ и обычаевъ измѣнилась и прежняя форма русскаго письма. Въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія въ частной перепискѣ входитъ уже въ обыкновеніе называть корреспондента *милостивый государь* (имя и отчество) и подписываться *готовый къ услугамъ, покорный слуга* и т. п. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Графу Апраксину писали: князь Меншиковъ 30 Апрѣля 1721 г. «Сіятельный графъ и высокоучрежденный господинъ Генералъ Адмиралъ мой особливый истинный всенадежный благодѣтель.... Вашего Сіятельства доброжелательнѣйшій и ко услуженію охотнѣйшій Александръ Меншиковъ»; князь Щербатовъ 22 Августа 1720 г. «Сіятельнѣйшій графъ мой милостивый государь адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ.... Готовый къ услугамъ Вашего Сіятельства, моего милостиваго государя, князь Юрій Щербатовъ»; баронъ Шафировъ 25 Марта того же 1720 г. «Государь мой милостивый Ѳедоръ Матвѣевичъ.... Вашъ покорный слуга Шафировъ» [1]). Дмитрій Кантемиръ писалъ Кабинетъ Секретарю Макарову «Государь мой Алексѣй Васильевичъ!... остаюся высокородія вашего всегдашній и доброжелательный слуга Дмитрій Кантемиръ» [2]) и т. п.

Частныя письма писались при Петрѣ Великомъ на четвертушкахъ и полулистахъ обыкновенной писчей бумаги и иногда на листахъ почтовой бумаги большаго формата. Бумага эта была очень грубой выдѣлки и по своей плотности и толщинѣ имѣла значительный вѣсъ. Поэтому, при существовавшей тогда почтовой таксѣ съ золотника вѣса письма, пересылка корреспонденціи въ общемъ обходилась очень дорого [3]).

Края написаннаго письма загибались со всѣхъ четырехъ сторонъ и образовывавшійся такимъ образомъ нижній клапанъ вкладывался въ верхній. Верхній клапанъ припечатывался къ нижнему красною сургучною печатью (во время траура—черною) съ изображеніемъ герба и т. п. На оборотной сторонѣ клапановъ писался адресъ.

Адреса на письмахъ представляли собою обыкновенно повтореніе первыхъ строкъ самого письма (обращенія къ лицу). Такъ, напр., на

---

1) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣла графа Апраксина 1721 г. № 199. 1719 г. № 190.

2) *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 576—577.

Употребленіе имени съ отчествомъ *вичъ* еще при Императрицѣ Екатеринѣ II зависѣло: отъ Монаршаго благоволенія. До 1780 г. въ этомъ отношеніи соблюдалась постепенность, высшіе чины до коллежскаго совѣтника заносились въ оффиціальные списки съ окончаніемъ *вичъ*, надворные совѣтники и маіоры—*овъ сынъ*, а слѣдующіе чины—вовсе безъ отчества.—*Романовичъ-Славатинскій,* назв. соч. и стр.

3) Согласно вычисленію, сдѣланному *Брикнеромъ*, почтовая пересылка въ концѣ XVII столѣтія обходилась въ 200 разъ дороже, чѣмъ теперь (назв. соч., стр. 900),

письмѣ къ графу Апраксину отъ Василія Зотова имѣется слѣдующій адресъ — «Сіятельному адміралу графу Ѳеодору Матвѣевичу, моему премилостивому государю и отцу»; на письмѣ Чернышева — «Сіятельнѣйшему графу и Генералъ Адміралу Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину въ С.-Петербургѣ»; на письмѣ Макарова — «Государю моему милостивому Ѳеодору Матвѣевичу, его графскому сіятельству Апраксину» и т. п.

Первыя сохранившіяся извѣстія о газетахъ въ Россіи относятся къ 1621 г. Газеты были извѣстны тогда подъ названіемъ «вѣстовыхъ писемъ» и «курантовъ» [1]). Это были писанные листы, содержавшіе въ себѣ извлеченія и переводы изъ различныхъ иностранныхъ повременныхъ изданій. Матеріалы для нихъ доставлялись русскими агентами изъ заграницы и въ особенности изъ Польши. Отправлявшимся къ иностраннымъ дворамъ посламъ поручалось также собирать извѣстія обо всемъ, происходившемъ заграницею, въ тѣхъ городахъ, черезъ которые имъ приходилось проѣзжать, и присылать такія извѣстія царю вмѣстѣ съ извлеченіями изъ иностранныхъ газетъ. Куранты составлялись въ Посольскомъ Приказѣ исключительно для царя.

Съ 1631 г. въ Россіи стали періодически получаться иностранныя газеты въ оригиналѣ. Первою такою газетою была «Hamburgische ordentliche Postzeitung», за которою вскорѣ затѣмъ послѣдовали другія на нѣмецкомъ, голландскомъ и прочихъ языкахъ [2]). Еще въ 1659 г. царь Алексѣй Михайловичъ въ составленной имъ описи того, что онъ хотѣлъ бы получать изъ заграницы, помѣстилъ «вѣсти изо всѣхъ государствъ ежемѣсяцъ» [3]). Для доставки въ Москву иностранныхъ періодическихъ изданій, какъ извѣстно, была учреждена первая фанъ Сведенская почта, вѣдавшаяся въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи черезъ Рижскую почту въ Россіи еженедѣльно получались газеты Кенигсбергскія, Гданскія, еженедѣльныя ординарныя, еженедѣльный Меркурій, Сѣверный Меркурій (на нѣмецкомъ языкѣ), Амстердамскія, Гарлемскія (на голландскомъ языкѣ), письменныя нѣмецкія и др. Переводчикомъ ихъ и составителемъ русскихъ курантовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ извѣстный

---

[1]) Образцы «вѣстовыхъ писемъ» XVII вѣка напечатаны въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1880 г., кн. 2.

[2]) *Фабриціусъ*. Zur Geschichte des russischen Postwesens. Рига. 1865 г., стр. 56.

[3]) *Гурляндъ*. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ. Ярославль. 1902 г., стр. 108—109.

своею ученостію и знаніемъ иностранныхъ языковъ докторъ медицины и философіи Генрихъ Келлерманнъ.

Для публики печатныя политическія газеты стали издаваться въ Россіи при Петрѣ Великомъ, который былъ не только основателемъ ихъ, но и первымъ редакторомъ. Государь этотъ, по словамъ Неустроева, самъ назначалъ карандашомъ для перевода и помѣщенія въ нихъ мѣста изъ голландскихъ газетъ, даже самъ занимался чтеніемъ корректуры [1]). Указъ объ изданіи русскихъ газетъ послѣдовалъ 16 Декабря 1702 г.: «по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежитъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, а для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ Монастырскій Приказъ, безъ мотчанія, а изъ Монастырскаго Приказа тѣ вѣдомости отсылать на Печатный дворъ» [2]).

Первый листъ печатныхъ русскихъ вѣдомостей вышелъ въ Москвѣ 2 Января 1703 г. [3]) подъ названіемъ: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ». Первоначально Вѣдомости печатались церковнымъ шрифтомъ и выходили въ неопредѣленные сроки, отъ 2 до 7 листковъ [4]). Издавались онѣ въ количествѣ 1000 экземпляровъ. Въ послѣдующіе годы онѣ носили слѣдующія названія: «Вѣдомости, присланныя чрезъ почту такого-то мѣсяца въ такой-то день». «Реляція сего (мѣсяца)—дня», «Вѣдомости, присланныя чрезъ нѣмецкую почту такого-то мѣсяца въ такой-то день», «Вѣдомости, присланныя чрезъ польскую почту въ такой-то мѣсяцъ въ такой-то день» и т. п. Съ 1705 г. внизу первой страницы Вѣдомостей стала помѣщаться цифра, обозначавшая порядковый нумеръ выхода ихъ.

Гражданскимъ шрифтомъ Вѣдомости начали печататься съ Февраля 1710 г. Первый, до сихъ поръ извѣстный, нумеръ Вѣдомостей, вышедшій въ Петербургѣ, былъ слѣдующій: «Маіи. Реляція. Сего Апрѣля 11 дня. въ Санктъ пітерзбуркѣ 1711 Мая въ 11 день» [5]). Затѣмъ Вѣ-

---

[1]) Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ за 1703 — 1802 гг., СПБ. 1875 г., стр. 1—2.

[2]) П. С. З. № 1921.

[3]) Онъ изданъ снова Императорскою Публичною Библіотекою въ 1855 г. подъ названіемъ: «Первыя Русскія Вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ».

[4]) *Неустроевъ*, назв. соч., стр. 2.

[5]) *Пекарскій*. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, томъ II (СПБ. 1862 г.), стр. 267.

домости печатались какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ; съ 1714 же года—почти исключительно въ Петербургѣ, а въ Москвѣ лишь перепечатывались. Въ Вѣдомостяхъ 28 Февраля 1724 г. Петербургъ, вмѣсто прежняго его наименованія «Питербурхъ», названъ въ первый разъ «Питербургомъ», а 29 Іюля того-же года—по нынѣшнему «Петербургомъ».

Въ Вѣдомостяхъ, вышедшихъ въ Петербургѣ 28 Іюня 1711 г., между словами «Санктъ петерзбуркъ» и «Вѣдомости» было помѣщено гравированное на мѣди изображеніе Петропавловской крѣпости и Петербургской стороны: надъ Невою паритъ Меркурій съ трубою и кадуцеемъ [1]).

Примѣромъ того, какъ излагались различныя извѣстія въ Вѣдомостяхъ Петровскаго времени, можетъ служить слѣдующая корреспонденція изъ Выборга отъ 1 Мая 1705 г.: «трубачеи, въ Питербурхъ съ грамотками посланные, возвратились и не токмо многія русскія грамотки, но и денегъ много и новое платье русскимъ полоняникомъ привезли».

Въ Вѣдомостяхъ 31 Мая 1710 г. было помѣщено первое, до сихъ поръ извѣстное, объявленіе о русскихъ книгахъ, напечатанныхъ новоизобрѣтеннымъ гражданскимъ шрифтомъ [2]).

Съ 1719 г. Вѣдомости выходили въ болѣе обширномъ объемѣ и содержали въ себѣ иногда до 22 страницъ (малаго книжнаго формата) [3]).

Петербургская Почтовая Контора не только доставляла матеріалъ для первыхъ русскихъ Вѣдомостей въ видѣ получавшихся по почтѣ реляцій и иностранныхъ повременныхъ изданій [4]), но и служила посредникомъ въ дѣлѣ распространенія ихъ среди публики. Доказательствомъ этому служитъ приведенная у Голикова записка Петра Великаго Директору Петербургской Типографіи Абрамову «о продаваніи курантов на почтовомъ дворѣ» [5]). Какъ видно изъ сохранившихся источниковъ, газеты продавались Петербургскою Почтовою Конторою публикѣ и правительственнымъ учрежденіямъ также и въ позднѣйшее время. Напр., въ протоколѣ Адмиралтействъ Коллегіи 7 Марта 1728 г. имѣется слѣдующее постановленіе: «Коллегія приказали переводчику Фонлару идти къ Почтдиректору и требовать, чтобъ онъ присылалъ въ Коллегію на каждый почтовый день куранты, одни на русскомъ, другіе на нѣмецкомъ языкахъ, которые печатаются въ С.-Петербургѣ, и обѣщать ему за то на каждый годъ платить, какъ отъ прочихъ платится». Въ дальнѣйшей перепискѣ Коллегіи сохранились даже и цѣны за выписанныя ею газеты: такъ въ 1728 г. за оба изданія (русское и нѣмецкое) было заплачено Почтдиректору 8 рублей, а въ 1729 г.—5 рублей [6]).

---

1) *Пекарскій*, тамъ-же, стр. 269.

2) *Пекарскій*, тамъ-же, стр. 250.

3) Изданіе первоначальныхъ Вѣдомостей Петровскаго времени прекратилось въ 1727 г.

4) Списокъ нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ, голландскихъ, шведскихъ и англійскихъ газетъ, получавшихся въ Россіи въ 1701—1726 гг., можно найти въ назв. соч. *Фабрициуса* на стр. 58—59.

5) Томъ 16 приложеній къ Дѣяніямъ Петра Великаго, стр. 378.

6) Архивъ Морскаго Министерства.—Дѣло Адмиралтействъ Коллегіи 1728 г. № 1.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Автографы главныхъ начальниковъ почтоваго и ямскаго вѣдомствъ при Петрѣ Великомъ:

Генералъ-Почтдиректора барона Петра Павловича Шафирова (1701—1722 г.г.)

Завѣдывавшаго С.-Петербургскимъ Ямскимъ Приказомъ окольничаго князя Юрія Θедоровича Щербатова (1720—1722 г.г.)

Генералъ-Почтдиректора Алексѣя Ивановича Дашкова (1722—1727 г.г.)

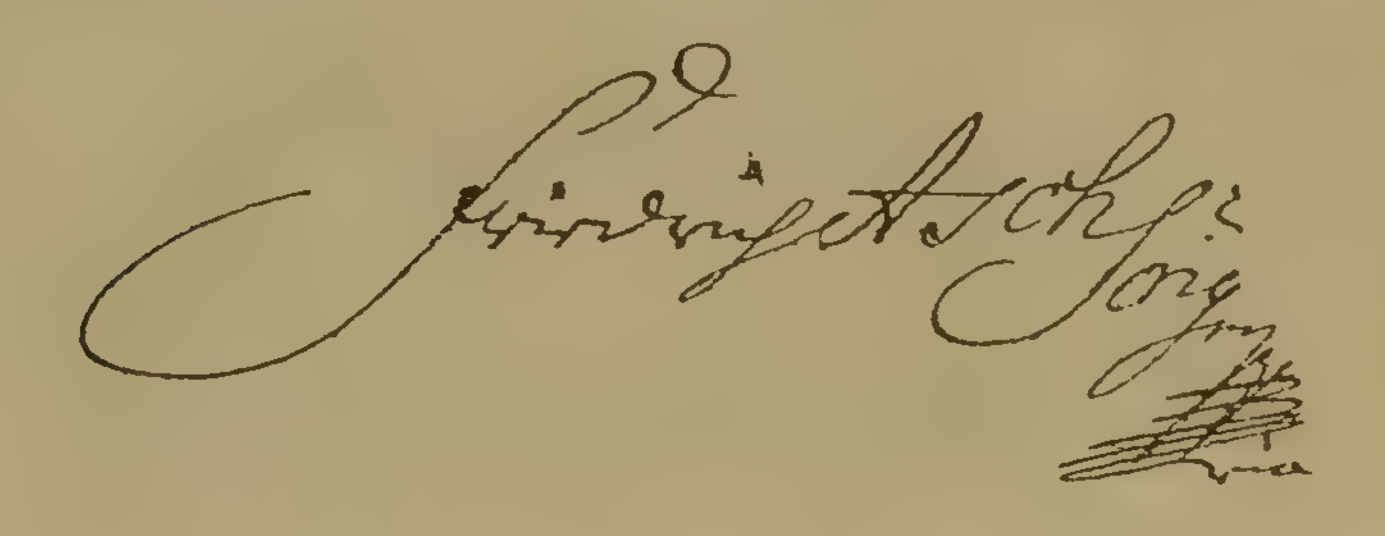
Секретаря Генеральнаго Почтамта Вольфганга Пестеля

Автографы должностныхъ лицъ С.-Петербургской Почтовой Конторы (С.-Петербургскаго Почтамта) при Петрѣ Великомъ:

Почтмейстера (Почтдиректора) Генриха Готлиба Краусса (1714—1726 г.г.)

Heinr. Gottlieb Krauss

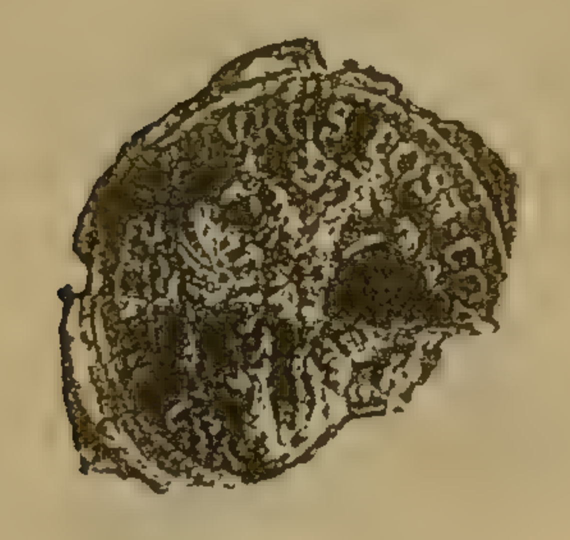
Секретаря Фридриха Аша (съ 1726 г. — С.-Петербургскаго Почтдиректора)

Контролера Маттіаса Фельтена

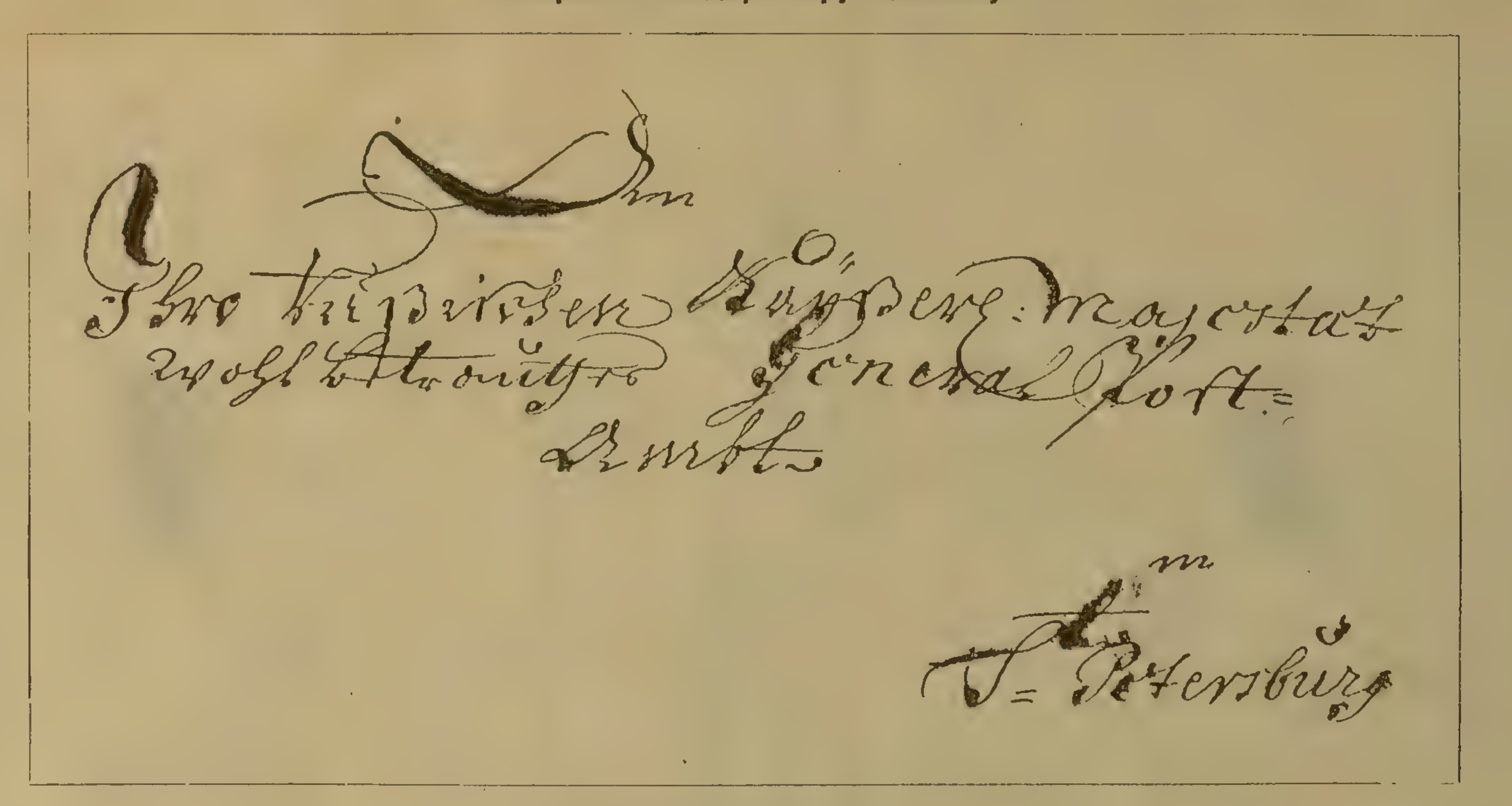
Matthias. Velten.

Казенная печать С.-Петербургской Почтовой Конторы при Петрѣ Великомъ.

St. Pietersburgs
Post—Comptoir.

Адресная сторона казеннаго письма съ донесеніемъ С.-Петербургскаго Почтмейстера Краусса Генералъ-Почтдиректору Дашкову.

An Ihro Ruszischen Kaÿszerl. Majestat
wohlbetrauthes General-Post-
Ambt
in
S-t Petersburg.

Адресная сторона частнаго письма В. Зотова къ графу Апраксину.

(письмо въ распечатанномъ и развернутомъ видѣ)

Сиятелному адмиралу граѳу Ѳеодору
Матвѣевичю, моему премилости
вому гдрю оц҃у

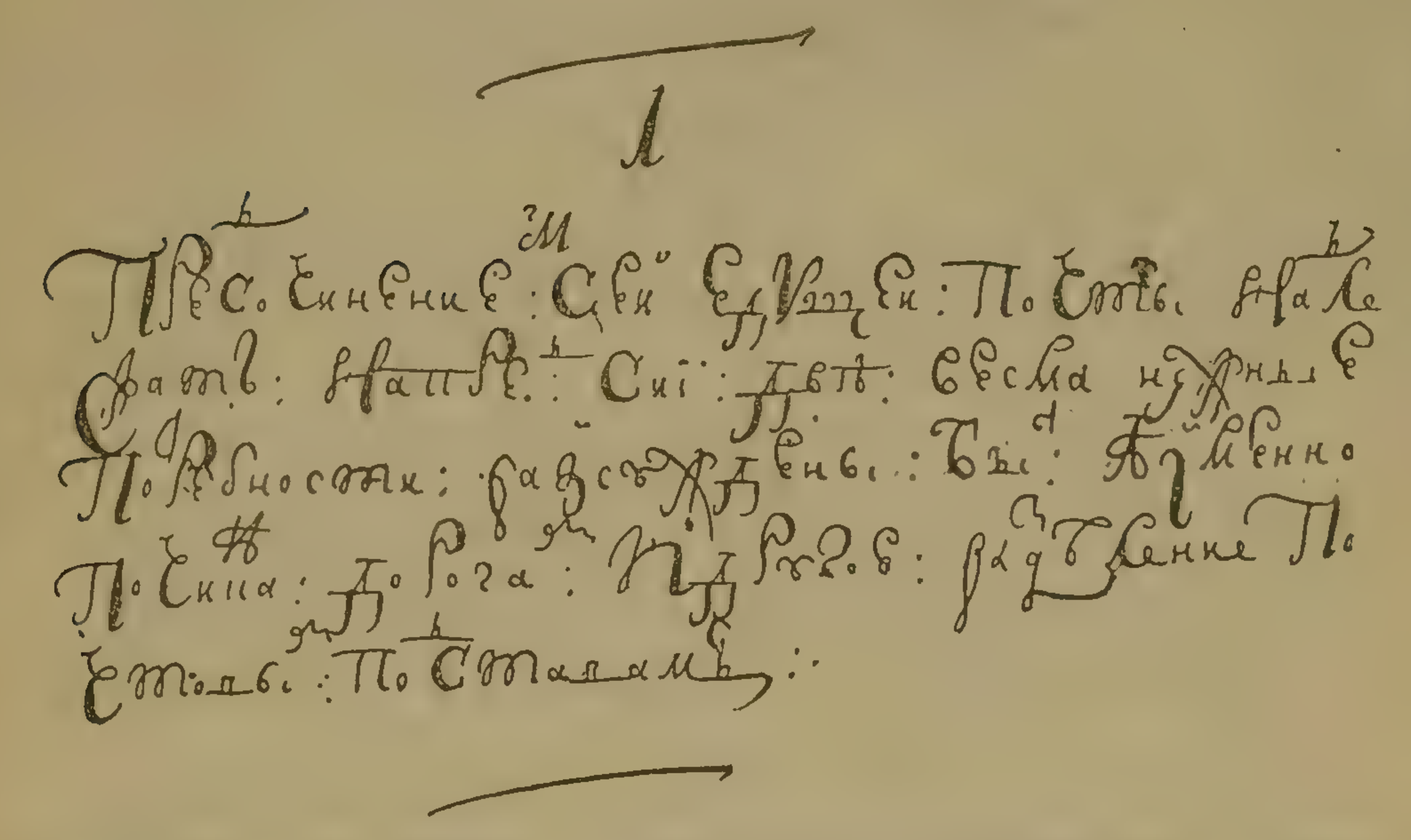

Сиятелному адмиралу граѳу Ѳеодору Матвѣевичю, моему премилостивому государю і отцу.

Образцы рукописей временъ Петра Великаго по дѣламъ почтоваго управленія.

Изъ проектовъ устройства телѣжной почты между С.-Петербургомъ и Москвою (1722 г.):

изъ проекта С.-Петербургскаго Почтмейстера Краусса

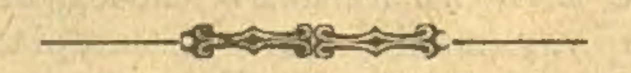

Пред сочинением сей едущей почты надлежать напред сиі двѣ весма нужные потребности разсуждены быт а іменно почника дорогам и другое раздѣление почтовым подставамъ.

изъ проекта Секретаря Генеральнаго Почтамта Пестеля

Что тѣлежная почта в государстве зело потребное и полезное дѣло есть можетъ каждой которому такое проізведение от других земель извѣстно свидетелств ват.

СОДЕРЖАНІЕ.

Поправки.

На страницѣ.	Въ строкѣ сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
15	17	По завоеваніи **Курляндіи.**	По завоеваніи **Лифляндіи.**
80	3	за перевозку **почты.**	за перевозку **писемъ.**

